

БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
ПО СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ ПРОБЛЕМАМ ПОГРАНИЧЬЯ**

**АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН
И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Монография

Под общей редакцией М.П. Жигаловой

БРЕСТ 2020

УДК 821.161.1(091)
ББК 83.3(2 Рос)6
П 91

Рекомендовано редакционно-издательским советом учреждения образования
«Брестский государственный технический университет»

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор, профессор, зав. кафедрой истории
белорусской литературы Белорусского государственного университета
А.И.Бельский

Profesor, doktor habilitowany, kierownik Zakładu Teorii Wychowania
i Antropologii Pedagogicznej Uniwersytetu w Białymstoku
Andrei Harbatski

Под редакцией

заведующей научно-исследовательской лабораторией по социокультурным проблемам
пограничья, доктора педагогических наук, профессора кафедры белорусского и русского
языков учреждения образования «Брестский государственный технический университет»
М. П. Жигаловой

П 91 Александр Сергеевич Пушкин и мировая культура : теория и практика : коллективная
монография / под ред. М. П. Жигаловой. – Брест : БрГТУ, 2020. – 246 с.

ISBN 978-985-493-483-9

Коллективная монография обобщает результаты исследований ведущих учёных различных
регионов Беларуси, Германии, Польши, России, США по изучению жизни и творчества А.С.Пушкина
в «большом» и «малом» времени, его взаимосвязей и контактов, жизни его потомков.

Исторические и философские, социокультурные и лингвистические, литературоведческие
и психологические, педагогические проблемы рассматриваются в контексте времени, диалога
и полилога культур, осмысления и изучения творчества А.С.Пушкина в современном
поликультурном пространстве школ и вузов.

В книге определяется роль личностей и судеб в произведениях поэта, психологии их
мышления, место общечеловеческих и национальных ценностей в жизни человека, показано
восприятие творчества учащимися и студентами различных народов.

Материалы адресуются специалистам-литературоведам, педагогам, психологам, а
также аспирантам, магистрантам студентам и учащимся, всем, кто интересуется жизнью и
творчеством великого писателя- культуролога.

УДК 821.161.1(091)
ББК 83.3(2 Рос)6

ISBN 978-985-493-483-9

© Коллектив авторов, 2020
© Издательство БрГТУ, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Творчество любого художника слова – это всегда не только отражение его жизненных позиций, достижений, но и исповедь человека – верного сына своего Отечества. Не исключение в этом смысле и творчество А.С.Пушкина, личность которого формировалась на основе уже выработанного культурного опыта прошлого. Но А.Пушкин не только трансформатор других культур, но и «дитя своего времени», в мировоззрении которого отражаются и интерпретируются, то есть переосмысливаются, и постигаются на новом уровне элементы современной ему культуры. Читателю же нынешнего мультикультурного социума они открываются в первую очередь в разных деталях его произведений.

Поскольку художественная литература всегда своим содержанием имеет жизнь, то постигая тайны человеческого бытия, определяя своё жизненное кредо, осознавая вечность и бесконечность жизни, а также непреходящее значение в ней человеческих ценностей, поэт и читатель гармонически дополняют друг друга, вырабатывая при этом каждый свой путь в быстро меняющемся современном океане жизни.

И ориентироваться в этом мире помогают человеку идеалы, в том числе и взятые из произведений А. С. Пушкина, ибо подлинно художественные произведения поэта входят в нашу жизнь, формируют интеллект и высокие человеческие качества. На примерах судеб героев произведений писателя читатель учится жить в социуме, выстраивать человеческие взаимоотношения в современном мире, проявлять в общении свои лучшие качества. А художественно нарисованные картины жизни обогащают наш ум знаниями, волнуют чувства, побуждают к действию, к воплощению тех благородных понятий, которые и в нынешнем информационном и технологизированном мире по-прежнему остаются востребованными: любовь и дружба, порядочность и честность, ответственность и целеустремлённость.

«Давно называют мир бурным океаном, но счастлив тот, кто плывёт с компасом», – писал М.Карамзин. Таким компасом в руках читателя и является творчество А.С.Пушкина, способное без принуждения увлечь своей философичностью и глубоким психологизмом, указать те пути, в основе которых лежит человеколюбие, и которые будут актуальны всегда потому, что опираются

на общечеловеческие жизненные ценности, одинаково значимые для всех народов мира.

Предложенная читателю коллективная монография обобщает результаты исследований ведущих учёных различных регионов Беларуси, Германии, Польши, России, Румынии, США по изучению жизни и творчества А.С.Пушкина, восприятию его читателем «большого» и «малого» времени, выявлению взаимосвязей и контактов, изучению жизни его потомков.

Исторические и философские, социокультурные и лингвистические, литературоведческие и психологические, педагогические проблемы рассматриваются в контексте времени, диалога и полилога культур, осмысления и изучения творчества художника слова в современном поликультурном пространстве школ и вузов. А определение роли человеческих судеб в произведениях поэта, места в них общечеловеческих и национальных ценностей, психологии мышления, восприятия творчества поэта учащимися и студентами различных народов предоставляет читателю возможность познавать мир, непроизвольно участвовать в развитии и преобразовании жизни, влиять на культурное и нравственное развитие человека и общества.

Хочется верить, что книга поможет читателю не только познать разные судьбы героев, но и задуматься о своих моральных ценностях, почувствовать силу жизненного оптимизма поэта, а может быть, испытать и самому это чувство, без которого нет надежды на лучшее будущее, на счастье жизни.

М.П.Жигалова

РАЗДЕЛ I. ТВОРЧЕСТВО А. С. ПУШКИНА И ВСЕМИРНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС: ВЗАИМОСВЯЗИ И КОНТАКТЫ

НИНА НИКОЛАЕВНА БОРСУК (БРЕСТ, БЕЛАРУСЬ),
канд. филолог. наук, заведующая кафедрой белорусского
и русского языков Брестского государственного технического университета

УДК 821.161.3 /-1+ 82-1

«БІЯГРАФІЯ ДУШЫ» А.С. ПУШКІНА (ПА КНІЗЕ ЛІРЫКІ «НЕТ, УВЕСЬ Я НЕ ЁМРУ...»)

Рэзюмэ

У артыкуле прасочваецца «біяграфія душы» А.С. Пушкіна. Дзякуючы намаганням складальніка паэтычнай кнігі В. Спрынчана, беларускі чытач зможа пазнаёміцца з лірыкай рускага паэта ва ўзнаўленнях па-беларуску, адчуць палітычнае, грамадскае, культурнае жыццё стагоддзя, у якое жыў і пісаў А.С. Пушкін, наблізіцца да акружэння рускага генія, перажыць разам з ім радасць, боль, страты. Заслуга перакладчыкаў бачыцца ў тым, што яны не проста далучыліся да паэзіі А.С. Пушкіна, але і здолелі захаваць у беларускіх перакладах усе нюансы пушкінскага радка.

З цікавасцю гартаем кнігу выдавецтва «Мастацкая літаратура» – А.С. Пушкін «Нет, весь я не умру...»: лирика [2]. Адметнасць яе ў тым, што паэтычная кніга выйшла ў фармаце білінгва, тут поруч з аўтарскімі рускамоўнымі тэкстамі змешчаны іх пераклады на беларускую мову.

Заслуга складальніка В. Спрынчана бачыцца перш-наперш у тым, што ён пад адной вокладкай сабраў пяцьдзесят вершаў рускага паэта і прадставіў іх на дзвюх мовах. Больш таго, яму ўдалося сістэматызаваць вершы А.С. Пушкіна ў адпаведнасці з вехамі жыцця і творчага сталення рускага паэта, што дае мажлівасць удумліваму чытачу адчуць палітычнае, грамадскае, культурнае жыццё стагоддзя, у якое жыў і пісаў мастак слова, наблізіцца да акружэння рускага генія, перажыць разам з ім радасць, боль, страты. Думаецца, важнае значэнне набывае і той факт, што беларускія перакладчыкі розных пакаленняў – М. Багдановіч, П. Глебка, В. Зуёнак, М. Стральцоў, Р. Барадулін, А. Астрэйка,

Х. Жылка і інш. – не проста далучыліся да паэзіі рускага генія, але і здолелі захаваць усе нюансы пушкінскага радка ва ўзнаўленнях па-беларуску.

Кніга адкрываецца вершам «Да Чаадаева» (перакладчык Пятро Глебка). Думаецца, невыпадкова. Чаадаеў быў адным з нямногіх, хто не належыў да ліку дакучлівых настаўнікаў. Старэйшы таварыш вучыў няўрымслівага васемнаццацігадовага Пушкіна рыхтавацца да вялікай будучыні, паважаць у сабе чалавека, не звяртаць увагу на паклёп, са шкадаваннем ставіцца да ганіцеляў, патрабаваў ад паэта «в просвещении стать с веком наравне». Радкі «І на абломках самаўладства / Напішуць нашых рад імён!» сведчаць, што размовы са старэйшым сябрам пайшлі А. Пушкіну на карысць. Парады Чаадаева ставілі пачынаючага паэта ў палажэнне героя, а не шкаляра, яны маладога чалавека не прыніжалі, а ўзвышалі ў асабістых вачах. Паступова знікалі напружанасць, нервовасць, недавер да людзей – рысы, характэрныя для душэўнага стану паэта, якія неаднойчы прыводзілі А.С. Пушкіна да дуэляў. І як вынік – паэт змог убачыць сваё жыццё «облагороженное высокой целью»: «Мой друг, айчыне аддадзім / Душы прыгожыя імкненні!» Паэт прагне дзейнасці («Але кіпяць яшчэ жаданні, / І пад ярмом улады злой / Мы нецярпліваю душой / Айчыны чуем заклінанні»). Пройдзе час, А.С. Пушкін будзе шкадаць аб гадах, што адышлі ў нябыт, але зараз толькі за сценамі ліцэя, Пецярбурга яму бачыцца прастор і воля. І нават паўднёвая ссылка для паэта стала пошукам новых уражанняў (дарэчы, тэма вяртанні дамоў стане скразной у творчасці А.С. Пушкіна).

За спіной А.С. Пушкіна – пакінутая радзіма, але, як сведчыць верш «Птушка» (перакладчык Янка Сіпакоў), сувязі з родным краем яму абарваць не ўдаецца: «І на чужой зямлі вітаю / Я звычай роднай стараны: / На волю птушку выпускаю / Пры свяце радасным вясны». Лірычны герой паэта з вершаў перыяду 1820–1824 гг. прадстае перад чытачом то ў вобразе «добраахвотнага выгнанніка» («Мы – вольныя пціцы; пара, брат, пара! / Туды, дзе за хмарай бялее гара»), то ў вобразе ўцекача, вязня («Сяджу я ў турме за рашоткай гады. / Узросшы на волі арол малады»). Ён заўсёды ў дарозе. Шкада, што падарожжа ў гэты час уяўляецца лірычнаму герою А. Пушкіна замкнутым светам цывілізацыі: «Сядаем раннем мы з ахвотай; / Гатовы галаву зламаць / І, пагарджаючы лянотай, / Крычым: пайшоў!..... , / А ў поўдзень нам не да забавы; / Парастрасала, ледзь сядзім; / Нас страшаць спадзіны, канавы; / Гані цішэй, дзівак! – крычым» (верш «Калымага жыцця», пераклаў Юрась Свірка)).

Неабходна адзначыць, што А.С. Пушкін пастаянна знаходзіўся на шляху духоўнага сталення ў адрозненні ад М. Лермантава альбо Байрана, духоўны ідэал якіх адрозніваўся пастаянствам. І важная адметнасць, на якую звяртае нашу ўвагу літаратуразнаўца Ю.М. Лотман: «Движение вперёд мыслится Пушкиным как возвращение» [1, с. 118]. Выразна гэтая думка прасочваецца ў вершы «Я помню чудное мгновенье...» (перакладчык Васіль Зуёнак): першапачатковы чысты стан душы («Узнікла ты перада мной, / Як прыгажосці чыстай геній, / Лятунак мроі незямной») – духоўнае зацьменне («Быў у глушы няволі ценем / Азмрочан дзён маіх працяг, / Без святасці і без натхнення, / Без слёз, кахання і жыцця») – адраджэнне як вяртанне да светлага пачатку («Ды наступіла абуджэнне. / І вось ты зноў перада мной, / Як прыгажосці чыстай геній, / Лятунак мроі незямной»).

І тут няма нічога дзіўнага. Твор напісаны ў Міхайлаўскім, куды паэт прыехаў падчас восені, любімай пары года: «Скідае лес барвовы свой убор, / Заслаў мароз дыван бялюткі ў полі, / Дзень выгляне як быццам мімаволі / І знікне зноў за край вакольных гор» (верш “19 кастрычніка”, пераклаў Аркадзь Куляшоў). Атмасфера гэтага куточка, кампанія няні Арыны Радыёнаўны, талантлівай казачніцы, мілы сэрцу пейзаж, народны быт, «далёкий от чиновной чопорности «милордов Уоронцовых» вярталі А.С. Пушкіна ў часы дзяцінства. Адзінота, разлука з каханай жанчынай, стомленасць ад бадзянняў, беднасці, адсутнасць сяброў («Самотны я: са мной няма сяброў»), уцех, духоўных зносін – усё гэта разам зрабіла сваю справу, дазволіла паэту сканцэнтраваць увагу на асноўнай сферы дзейнасці – творчасці, асабліва ўвага надаецца працы душы («Служэнне муз не любіць мітусні; / Спакоем дыхаюць мастацтва чары»).

Светлым, «дзіцячым» пачуццём прасякнуты верш гэтага перыяду «Зімовы вечар» (перакладчык Пятро Глебка). Паэт звяртаецца да «друга юначых дней», «мілай галубкі», няні, прадстаўніцы рускага народа: «Заспявай мне, як сініца / Аж за морам дзесь жыла; / Заспявай, як да крыніцы / Па ваду дзяўчына йшла». Вышэйназваны верш – гэта паэтычная спроба А.С. Пушкіна зразумець народ, бо яднанне ў ім сілы, мудрасці, рабскага цяплення ставіла паэта ў тупік.

З прыходам да ўлады «новага Пятра І» (маецца на ўвазе каранацыя цара Мікалая І) у душы А.С. Пушкіна з’явілася надзея, што будуць праведзены рэформы, народ адчуе палёгку. Адну з важнейшых спраў жыцця Аляксандр Сяргеевіч акрэсліў у наступных словах: «И милость к падшим призывал» («І літасць да нябог гукаў»). Сведчаннем таго, што паэт шчыра захапляўся ўчынкамі дзекабрыстаў, быў заклапочаны іх лёсам, прыкладваў намаганні палегчыць пакуты сяброў з’яўляецца верш «У глыбіні сібірскіх руд» (перакладчык Юрка Гаўрук). Думаецца, паэт не спадзяваўся на міласць цара, хаця сам сабе не хацеў у гэтым прызнацца. А.С. Пушкін верыў, што «гарачая любоў» да дзекабрыстаў знойдзе «шлях... праз лясы і горы». І сапраўды, верш паэта трапіў да вязняў праз Аляксандру Мураўёву.

На наш погляд, перакладчыку верша «У глыбіні сібірскіх руд» удалося перадаць настрой лірычнага героя, паказаць, як плаўна ён мяняецца ад сумнага, змрочнага да ўзвышанага. Мноства эпітэтаў, якія захаваў Юрка Гаўрук («гордае цяпненне» – «гордае терпенье, «высокае імкненне» – «высокое стремление», «капальня мглістая» – «мрачное подземелье»), метафар («вольны наказ» – «свободный глас», «не згіне плён цяжкіх пакут» – «не пропадёт ваш скорбный труд»), увасабленняў («Вас воля стрэне ля парога» – «свобода Вас примет радостно у входа», «Як вашы катаржныя норы / Знаходзіць вольны мой наказ» – «Как в ваши каторжные норы, / Доходит мой свободный глас», «надзея будзе зоркай прамяністай» – «надежда разбудит») надаюць паэтычным радкам эмацыянальную афарбоўку, апісваюць нягоды, якія вымушаны штодзённа перажываць дзекабрысты. Прыём алітэрацыі (паўтарэнне гука р) дазваляе і аўтару, і перакладчыку перадаць цвёрдасць, непахісную надзею і любоў дзекабрыстаў да сваёй Айчыны. Захаванне рыфмоўкі: АВАВ (першае чатырохрадкоўе), АВВА (астаннія строфы) надае паэтычнаму твору кампазіцыйную завершанасць, тым самым сцвярджаецца ўрачыстасць розуму і справядлівасці.

Дастаткова хутка для паэта наступіў час глыбокіх і трагічных разваг. А.С. Пушкін убачыў сапраўдны твар Мікалая І. Тым не менш, шумнае, бяспечнае жыццё – карты, жанчыны, падарожжа – гэта быў фон, і не болей, на якім прабягала жыццё Аляксандра Сяргеевіча. Адзінае, што мела значэнне – гэта творчасць, менавіта ў гэты час А.С. Пушкін дасягае творчай сталасці, так падавалася і самому паэту.

Аблачыны нада мною
Спахмурнелі – гром імкне;
Лёс зайздрослівы бядою
Пагражае зноўку мне...

....

І раней бядою гнаны,
Сустракаць прывык бяду:
Мо й цяпер, уратаваны,
Зноўку прыстань я знайду...
Ды ў прадбачанні разлукі,
Што рыхтуе грозны час,
Ты, анёл мой, дай мне рукі –

Сцісну іх апошні раз (верш «Прадчуванне», пераклаў Міхась Стральцоў).

І зноў паэт імкнецца як мага болей бываць у дарозе. Яна яго супакойвае, адцягвае боль; быт, гарадскія рэаліі («Горад пышны, горад бедны, / дух няволі, роўнядзь пліт, / На нябёсах колер бледны, / Сум, і холад, і граніт» – верш «Горад пышны, горад бедны...», пераклаў Міхась Стральцоў) адыходзяць на другі план, лёгка думаецца, марыцца. Як тут не ўзгадаць М.В. Гогаля, якому ў дарозе бачылася «птаца тройка», а на месцы «свиные рыла».

Глядзец у твар небяспецы для А.С. Пушкіна было духоўнай патрэбай, паэт захапляецца смелымі людзьмі, ды і сам здольны на подзвіг. У сакавіку 1829 года Аляксандр Сяргеевіч без дазволу прадстаўнікоў улады пакідае Пецярбург, адпраўляецца ў Маскву, а потым на Каўказ з мэтай наведання дзеючую армію. Думка аб каштоўнасці чалавечага жыцця выходзіць на паверхню яго творчасці («Герой, будь прежде человек») менавіта ў гэты час.

Усё часцей да паэта прыходзяць думкі аб стварэнні сямейнага гнязда. Трапна наконт гэтага выказаўся Ю. Лотман: «Не только поэзия, но и жизнь жаждала законченности – Пушкин задумал жениться» [1, с. 159]. Звестку пра жаніцьбу А. Пушкіна сустрэлі нават блізкія паэту людзі з недаверам, здзіўленнем. Меркаванні былі самыя разнастайныя. На наш погляд, прычына была самая банальная: чалавек, які жыў у супрацьстаянні даносам, тайным агентам, грубым нападам крытыкі, хацеў звычайнага чалавечага шчасця. Не апошняю ролю адыгралі стомленасць ад халастага неўпарадкаванага існавання, пошук незалежнага і годнага жыцця – Дома, наяўнасць якога, па перакананні Аляксандра Сяргеевіча, рабіла чалавека моцным роднай зямлі, гісторыі, народу.

Першыя вершы («Чэрці» (перакладчык Хведар Жычка), «Элегія («Гады былыя шалам весялосці», пераклаў Міхась Стральцоў)), якія паэт напісаў у Болдзіна ў любімую пару года – увосень, «пару вершаў», поўны трывогі, напружанасці, стомленасці. Разгул стыхіі надрывае душу, гукі балабончыка

«дзінь-дзінь-дзінь» узмацняюць адчуванне трывогі. Фрагмент, у аснову якога пакладзены такія ключавыя словы-вобразы, як «хмары ўроссып», «хмары ў кучу», «мутны мрок», «каламуць», «завіруха вые, плача», «коні чуйныя храпуць», тройчы паўтораны, разрывае сэрца лірычнага героя верша. Узнікае пытанне, што цягаціла паэта напярэдадні вяселля? А.С. Пушкін – творчая асоба, а вымушаны быў займацца грашовымі справамі, паэту неабходна было знайсці сродкі на пасаг для Наталлі Ганчаровай, будучай жонкі.

Містычны вобраз чарцей, якіх убачылі падарожныя ў прыроднай каламуці, не пакідае надзею на будучае шчасце. Яно афарбавана ў меланхалічныя тоны: «незлічоныя іх твары/ засланілі далягляд; / закрыжыліся, пачвары, / Нібы лісце ў лістапад.../ Ад каго яны ўцякаюць?/ Што так жаласна пяюць?/ Ведзьмака. Ці што, хаваюць, / ведзьму замуж выдаюць?» Як бачна, жыццё паэта водзіць па крузе, не дазваляе выбрацца на свабоду.

Сапраўды, А. Пушкіна лёс не пеставаў, але паэт ніколі не дазваляў «срэде» святкаваць перамогу. Сіла яго асобы – ва ўменні ператвараць, духоўна насычаць свет, у які яго закідвае лёс. А. Пушкін імкнецца спасцігнуць унутраны сэнс падзей. Так у вершы «Радкі, складзеныя ноччу пад час бяссонніцы» (перакладчык Міхась Стральцоў) паэт звяртаецца да жыцця са словамі: «Зразумець хачу цябе, / Сэнс зазнаць хачу ў табе...».

Жыццё, напоўненае творчасцю, дае А. Пушкіну магчымасць адчуць сябе свабодным. Лёгка дыхаецца мастаку слова, вольнаму ад пустаты свецкіх забаў, парад і апекі Бенкендорфа, дапытлівасці чужых людзей, сардэчных захапленняў. Яго не абцяжарваюць думкі пра смяротную пагрозу – халеру. Паэт апявае каханне, якое не падуладна смерці. За кошт паўтора слова «сюды, сюды!» у канцы кожнай страфы паэтычнага твора паэт ператварае зварот закаханага маладога чалавека да жанчыны ў сапраўдны заклён (адсюль і назва верша – «Заклён», пераклаў Міхась Стральцоў), сцвярджае, што па жыцці чалавека павінна весці каханне і для яго перашкод не існуе.

А. Пушкін удзячны Богу, што і яму давалося дачакацца сямейнага шчасця: «Мае жаданні з'ясніліся. Творца зор / І мне цябе паслаў, цябе, мая Мадонна, / Найчыстае чароўнасці найчысты ўзор». Верш «Мадонна» (перакладчык Рыгор Барадулін) быў напісаны за паўгода да вячання паэта з Наталляй Ганчаровай. «Сваёй Мадоннай» любіў называць А. Пушкін каханую. Дасканалая форма санета, якую абраў паэт, увасабляе заветную мару мастака слова – вечна глядзець на карціну, на якой адлюстраваны прачыстая і выратаўца боскай згоды. Але ж размова ідзе не пра ікону, так Аляксандр Сяргеевіч уяўляў ідэальную сям'ю: «Яна ўся з веліччу, ён з мудрасцю ў вачах». Заўважым, што паэт ні слова не гаворыць пра знешнасць жанчыны, але падкрэслівае яе нявіннасць: «чистойшей прелести чистойший образец» («найчыстае чароўнасці найчысты ўзор»).

Тэма жыцця і смерці, кахання і смерці цесна параплятаецца з тэмай жыцця і дэградацыі асобы (верш «Калі за горадам прыстану ад хады», пераклаў Рыгор Барадулін). А.С. Пушкін з пагардаю ставіцца да людзей, якія начыста страцілі асновы духоўнасці. Паэт агаліе фальш, крывадушнасць, сквапнасць, бязглуздыя надзеі купцоў, дваран, чыноўнікаў, сталічных франтаў, паказвае гнусны фінал іх жыцця, няма ў яго спачування ні «мерцвякам сталіцы», ні членам іх сямей. Праз супрацьпастаўленне тут «мусяць дагнісці ўсе мерцвякі

сталіцы» – там «дрэмлюць мёртвыя ў спакой ўрачыстым» А.С. Пушкін праводзіць думку аб жыцці пасля смерці. Быццё асобнага чалавека – гэта звяно ў ланцужку паміж продкамі і нашчадкамі – ланцужку, абодва канцы якога адыходзяць ў бясконцасць. Магутны дуб, спакойны і велічны, што раскінуўся на вясковых могілках, з'яўляецца працягам жыцця пахаваных тут людзей.

Ці не таму А.С. Пушкін імкнуўся ў вёску, у жыццё на свабодзе, у далечыні ад крывадушнага грамадства, разам з верным сябрам – жонкаю. На жаль, мары «стамлёнага раба» не суджана было ажыццявіцца. Хадайніцтва А.С. Пушкіна пакінуць службу не было задаволена. У гэтым скрываецца адна з прычын, чаму верш «Пара, мой друг, пара! спакою сэрцу трэба...» (перакладчык Міхась Стральцоў) не завершаны (бачна, што дзве штрафы мала звязаны па сэнсу):

На свеце ўцех няма, ды ёсць спакой і воля,
Даўно зайздросная памроілася доля –
Даўно, стамлёны раб, задумаў я знайсці
Прытулак для душы, нязнаны шчэ ў жыцці.

Не змог А.С. Пушкін знайсці «спакой і волю». Мы глыбока перакананы, што прычына – не толькі ў амаральным грамадстве, але і ва ўнутраным жыцці паэта, для якога творчы імпэт быў мацнейшы за знешнія абставіны. Ён ператвараў іх у сваёй душы ў свет, які прасякнуты драматызмам, гармоніяй, мудрасцю. У гэтых адносінах паказальным з'яўляецца духоўны завет А.С. Пушкіна «Паставіў помнік я сабе нерукатворны...» (перакладчык Рыгор Барадулін). Пры дапамозе зваротка «о муза» паэт звяртаецца да творчых людзей. Свабодная творчасць павінна быць вольнай ад чалавечых слабасцей і падпарадкавана толькі Богу: «Пачуй, о муза, слова боскае з пашанай, / Не бойся крыўды ты і пра вянок не дбай; / Паклёп і пахвалу прымай з душой рахманай / І спрэчкі з дурнем не ўсчынай». Сродкі мастацкай выразнасці, напрыклад, анафара («што лірай добрыя пачуцці абуджаў, / Што ў мой няўмольны век уславіў я свабоду / І літасць да нябог гукаў»), інверсіі («і ў славе буду я», «галавою непакорны»), эпітэты («помнік нерукатворны», «людская сцежка дзён», «горды ўнук славян»), антытэза («паклёп і пахвалу») дапамагаюць паэту адпаведна акрэсліць ролю мастака слова ў грамадстве, выказаць меркаванне, што і праз гады яго паэзія будзе духоўна запатрабаванай, даць параду, што абьяжава трэба ставіцца як да пахвалы, так і да паклёпу і не аспрэчваць меркаванне «дурняў».

Праведзены аналіз дае права сцвярджаць, што лірыка А.С. Пушкіна атрымала паўнацэннае жыццё на беларускай мове. Перакладаючы на родную мову вершы рускага паэта Р. Барадулін, М. Стральцоў, П. Глебка, А. Куляшоў, М. Танк, В. Зуёнак, А. Вярцінскі і іншыя імкнуліся пераканаць скептыкаў у тым, што беларуская мова прыдатная для перадачы самых глыбокіх пачуццяў і перажыванняў чалавека, спрыяе выхаванню культуры чытача, пачуцця нацыянальнай самапавагі.

Перакладчыцкая дзейнасць дазваляе нашым сучаснікам, удумлівым перакладчыкам, здольным да паглыбленага аналізу трагічнага і складанага ў чалавечым быцці, да пашырэння роздумных інтанацый у творчасці, да ўмелага захавання стылістычных сродкаў, пазбегнуць рэгіянальнай замкнёнасці беларускай літаратуры, дае імпульс да паўнейшага раскрыцця індывідуальнага пачатку ў творчасці, паглыбляе філасафічнасць як агульную форму светаўспрымання і светапазнання.

Беларускія творцы невыпадкова звярнуліся да ўзнаўлення пушкінскай лірыкі. Думаецца, імі кірвала жаданне паказаць беларусам, што геній, нягледзячы на цяжкія духоўныя выпрабаванні, здольны ператварыць акаляючы свет: «Пара, пара! Не варты гэты свет / Пакут душы; пакінем спакушацца».

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Лотман, Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя: Пособие для учащихся / Ю.М. Лотман. – Л. : Просвещение, 1983. – 255 с.
2. Пушкин, А.С. Нет, весь я не умру.... Лирика. На русском и белорусском языках. Составитель Вадим Спринчан / А.С. Пушкин. – Мн. : Мастацкая літаратура, 1993. – 205 с.

ВАЛЕРИАН ФАРИТОВИЧ ГАБДУЛХАКОВ (КАЗАНЬ, ТАТАРСТАН),
д.пед. н., проф., руководитель научно-образовательного
центра педагогических исследований Казанского (Приволжского)
федерального университета

УДК 39 + 32.019.5

ПУШКИН В КОНТЕКСТЕ ТАТАРО-БУЛГАРСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА

Аннотация

В статье изложены некоторые взгляды на Пушкина в контексте татаро-булгарского этногенеза. В национальном самосознании современных татар Пушкин – это русский (не татарский) поэт, солнце русской (не татарской) поэзии, гений русской (не татарской) литературы, хотя влияние поэта на развитие татарской литературы безусловно, а этническое его происхождение смешанное: и русское, и африканское, и булгарское.

Ключевые слова: Пушкин, татаро-булгарский этногенез, современные татары.

Пушкин в восприятии татар однозначно гений: у него учились все татарские классики (Габдулла Тукай, Муса Джалиль, Разиль Валеев и др.). Пушкин в XIX веке был олицетворением современного русского литературного языка. Тукай стал олицетворением современного татарского литературного языка в начале XX века.

Современные татары разные: одни знают литературный татарский язык и с удовольствием изучают татарскую литературу, другие знают его меньше и с удовольствием читают русскую литературу, третьи вообще не знают татарского языка и считают себя русскими, но, при случае, вспоминают, что они тоже татары. Однако все они почитают Пушкина как гения и любят рассуждать о том, к какому этносу его можно отнести: русскому, африканскому, тюркскому (или болгарскому). Историки считают, что современные татары – наследники великой болгарской культуры, той культуры, которую знали и признавали в Европе, а Булгарское государственное объединение (Булгар, Биляр, Казань, Киев) называли Татарской Русью. Кстати, Киев (от тюркского *Кия* – обрыв, крутой склон у реки, название самой реки в Сибири) в прошлом был городом дославянской цивилизации [1]. Примером употребления слова *Кия* может быть строчка: *Лета минувшего, когда Кия град приветствовал трехглавого Горыныча, гуляки шинкарские по полю чистому бутылки посеяли, а они взошли горем-кучиною.*

В известной книге «500 русских фамилий болгаро-казанского и татарского происхождения» устанавливается связь рода Пушкина с татарским родом Мусиных [2]:

299. МУСИНЫ. Очень распространённая татарская фамилия, основанная на еврейско-арабском имени Муса – Моисей – Мессия (Гафуров, 1987, с. 169). Переход в русскую среду, очевидно, начался около середины XVI века; например, Муса, служивый татарин, жилец Казани в 1568 году (ПКК, с. 27), но, может быть, и раньше (см. Мусины – Пушкины).

300. МУСИНЫ-ПУШКИНЫ. В ОГДР (I, с. 17; IV, с. 22) записано, что фамилия происходит от Мусы, ушедшего на Русь в 1198 году. В таком случае это может быть только болгарский исход. С.Б.Веселовский (1969 с. 39-87) и А.А.Зимин (1980, с.162-165) оспаривают дату, но не выход. Первый предполагает, что Мусины – Пушкины, находящиеся в родстве с Пешковыми и Сабуровыми (см.), происходят от Мусы Пушкина Михаила Тимофеевича, жившего во второй половине XV века (Веселовский 1974, с. 208). Одновременно он считает возможным наличие и других родов Мусиных, например, Дмитрия Мусина – Телегина, отмеченного под 1569 годом в Новгороде (Веселовский 1974. с. 314). Мусины-Пушкины родственники Пушкиных, а впоследствии – учёные, писатели, генерал-губернатор Казанской губернии и т.п.

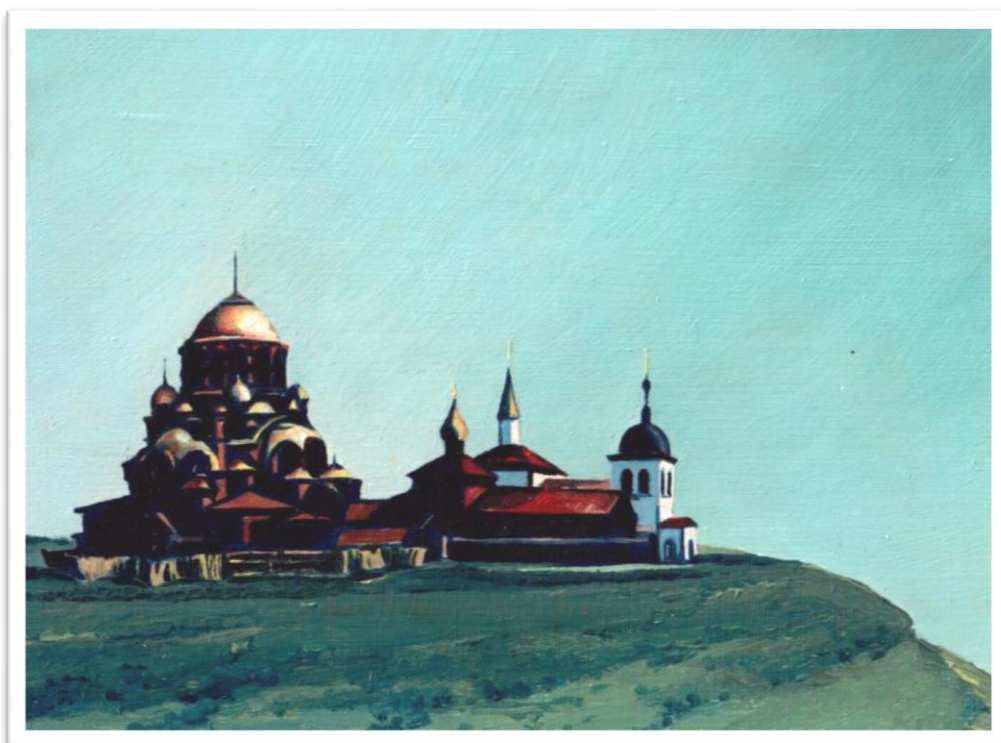
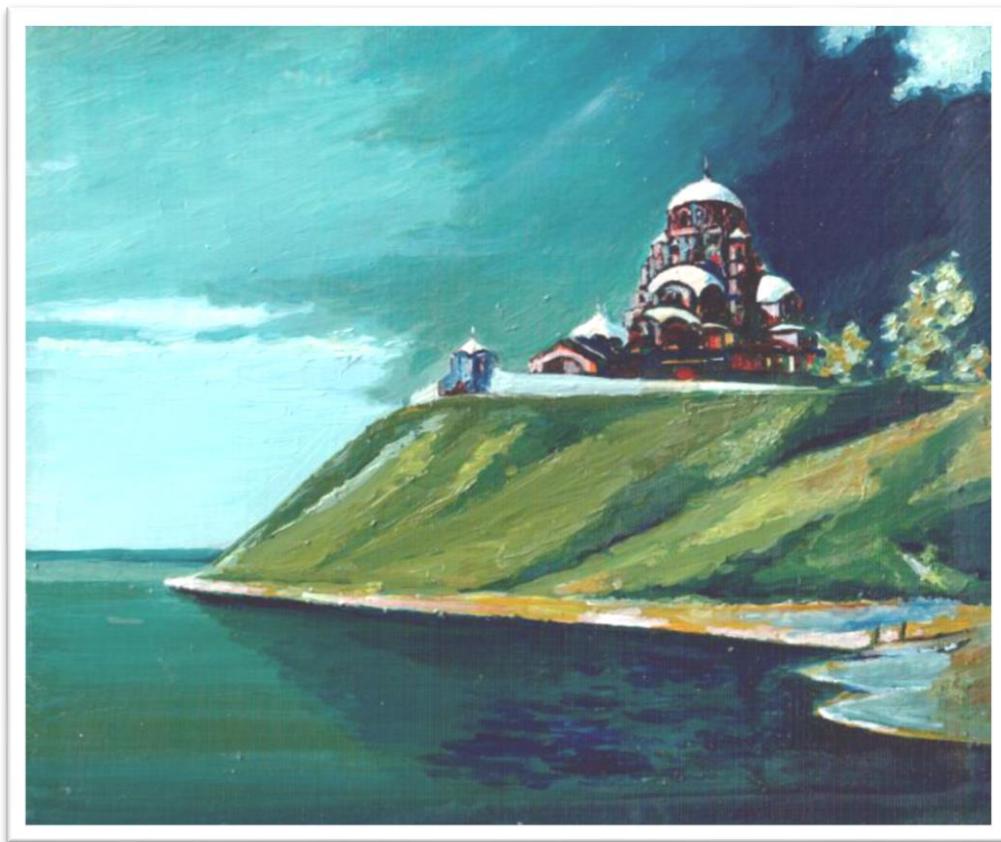
Конечно, Пушкин (в отличие, например, от Льва Толстого) не знал татарского языка, но активно использовал в своих произведениях слова татарского происхождения (аршин, алтын, богатырь, Буян (Баян), Салтан (Султан), Руслан и др.). Слово «татарин» Пушкин использовал, как и многие его современники, в нарицательном смысле «Иль татарину отсечь голову с широких плеч». Эта фраза до сих пор не нравится школьникам-татарам, а учителя стараются её не комментировать на уроках.

Казанцы любят показывать туристам остров Свяжск¹, который напоминает описанный Пушкиным остров в «Сказке о царе Салтане».

В хронике путешествия поэта отмечается, что днем 5 сентября, к вечеру он был уже в Свяжске, старинном (XVI в.) уездном городе-крепости Казанской

¹ Этюды автора – В.Ф.Габдулхакова (1988 г.)

губернии, находящемся на острове. Пушкин знал про остров Свяжск и, вполне возможно, образ этого острова мог найти отражение в его сказке. Не случайно многие читатели любят цитировать строчку Пушкина: «Мимо острова Буяна в царство славного Салтана! По легенде, проезжая мимо этого острова, поэт воскликнул: «Именно так я и представлял себе остров Буян!»»

Конечно, Пушкин по своему национальному самосознанию – глубоко русский человек, с той ментальностью, которая была сформирована под влиянием Карамзина, Аксакова и др. И Карамзин, и Аксаков – кроме того, что они известные общественные деятели, писатели и публицисты, были еще и людьми татаро-булгарского происхождения. Однако татарами их считают только по происхождению (также, например, как Суворова и Кутузова): они всё делали для развития русской национальной культуры.

В 5-м номере альманаха «Миръят» («Зеркало») за 1900 год [3] был опубликован первый перевод Пушкина – четверостишие из «Татарской песни» (поэма «Бахчисарайский фонтан»): *Дарует небо человеку / Замену слез и частых бед: / Блажен факир, узревший Мекку / На старости печальных лет.* Перевод опубликован без указания автора, которым, по версии филологов, был К.Челяби.

Татарские поэты активно переводили Пушкина: еще в начале XX века было переведено 11 стихотворений Габдуллой Тукаем, 5 – Дэрдмендом, по 3 – Уметбаевым и Рахманкуловым, 2 – Сунчелеем и др. Они переводили Пушкина как представителя другой, «чужой» культуры.

В 30-е годы XX века публикуются переводы значительных по объемам стихотворений Пушкина, выполненные Г.Шамуковым. Переводят Пушкина поэты С.Баттал, А.Юнус, М.Садри, Н.Баян, литературовед Р.Башкуров и др.

В последующие годы были переведены почти все произведения Пушкина. Однако многие переводы страдали эстетической интерференцией (отрицательным влиянием культурем, обусловленных национальной традицией). Эта интерференция обусловлена несовпадением образной структуры русского и татарского языка.

Татарские литературоведы, лингвисты (М.Гайнуллин, И.Нуруллин, Г.Халит, Х.Музагитов, Г.Сафина и др.) постоянно подчеркивали мысль о том, что Пушкин сыграл большую роль в творчестве Габдуллы Тукая, в развитии татарской литературы, а сам Тукай может быть сравним и даже назван татарским Пушкиным [4]. Для татар Пушкин и Тукай – два великих основоположника национальных литератур.

Поэтому в национальном самосознании современных татар Пушкин – это русский (не татарский) поэт, солнце русской (не татарской) поэзии, гений русской (не татарской) литературы, хотя влияние поэта на развитие татарской литературы безусловно, а этническое его происхождение смешанное: и русское, и африканское, и болгарское.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Википедия. Значение слова *Кия*. *Кия град*.
2. URL: <https://xn--b1algemdcbsb.xn--p1ai/wd/%D0%BA%D0%B8%D1%8F>
3. 500 русских фамилий болгаро-казанского и татарского происхождения.
4. URL: http://www.remezovi.ru/site/?page_id=325 (Дата обращения 12.12.2019).
5. Альманах «Миръят». – 1900. – № 5.
6. Мусульманская газета. – 1914. – № 12-13.

МАРИЯ ПЕТРОВНА ЖИГАЛОВА (БРЕСТ, БЕЛАРУСЬ),
доктор педагогических наук, профессор Брестского государственного
технического университета, зав. научно-исследовательской лабораторией
по социокультурным проблемам пограничья

УДК 821.133.1:821.161.1

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ А.С. ПУШКИНА²

Аннотация

В статье даётся материал, рассказывающий о роли Б. Констан и его романа «Адольф» в творческой судьбе А.С.Пушкина, благодаря чему еще одна строка пушкинского романа в стихах «Евгений Онегин» наполнится конкретным содержанием.

Ключевые слова: А. Пушкин, Б. Констан, роман, музей, творчество

Хотя мы знаем, что Евгений
Издавна чтение разлюбил,
Однако ж несколько творений
Он из опалы исключил:
Певца Гяура и Жуана,
Да с ним еще два-три романа.
«Евгений Онегин» [5]

Идут года, меняются эпохи, но не меркнет, а, напротив, продолжает жить в памяти славян истинный гений – Пушкин. Каждое новое поколение видит и ценит в нем то, что ему доступно и нужно. Движимые глубоко потребностью духа, чувством благодарности, верности и славы, собираются ныне славяне, где бы они ни обитали, у его духовного алтаря, чтобы «высказать самим себе и пе-

² В статье использованы авторские материалы: Жигалова, М.П. А.Пушкин о Бенжамене Констане и его романе «Адольф» // Кн. Материалы Междун. научн. конф. «Пушкин – белорусская культура – современность». – Мн., «Беларускі кнігазбор» 1999. – С. 234-242.

ред всем человечеством, его словами и в его образах свой национальный символ веры» [3, с. 328].

Вернувшись из школьного литературного музея А.С.Пушкина, что на Малоритчине [4], которому были отданы лучшие годы жизни, думалось о великой внутренней духовно-благостной силе его творений. Пророческими оказались слова Н. Чернышова:

*Пушкина считает не впервые
Земляком любая сторона.*

Вот и этот тихий провинциальный белорусский уголок, насыщенный атмосферой Пушкинских творений, его чистым и светлым духом, стал тем Храмом очищения душ, к которому иные идут годами, некоторые всю жизнь. Иные, к сожалению, до конца жизни так и не находят пути к нему.

Среди разнообразия экспонатов школьного музея – книги (их насчитывается здесь около 200!). Это уникальный мир. Через него мы сближаемся с великим поэтом, его эпохой. Книжный мир и для Пушкина был тем окном в загадочный, таинственный мир жизни, откуда черпал он живительные силы.

В одной из витрин музея находится книга Б. Констан «Адольф» (в переводе А.С.Кулишера), изданная в 1959 г. в Москве [1]. Невольно задаёшься вопросом, какие обстоятельства обусловили ее появление в мировой литературе? Почему она была и остается интересной читателям? Какое мнение об этой книге было у А.Пушкина, и в каком смысле книга важна для нас, почитателей творчества великого поэта?

Роман французско-швейцарского писателя, одного из крупнейших представителей французского романтизма, Бенжамена Констан «Адольф» входит в число любимых книг не только пушкинского героя Онегина, но и самого автора, так как поднимает вечную проблему счастья и смысла жизни, рассказывает о злосчастии человеческого сердца. Роман был высоко оценен А. С. Пушкиным, а главный его герой, оказав заметное влияние на творчество русского поэта, стал одним из первых образцов романтического героя — «сына века»[6].

Книга Б. Констан «Адольф» занимала заметное место в западноевропейской литературе XVIII-XIX в. [1]. Бенжамен Констан де Ребек (1767-1830), швейцарец по происхождению, публицист и писатель, был одним из вожakov либеральной оппозиции во Франции. Он враждебно относился к революционным «крайностям», с одобрением встретил разгром якобинской диктатуры. После революции Констан заявил о поддержке буржуазного правительства Директории, в защиту которого выступил с публицистической работой «О силе совершенного французского правительства и о необходимости поддержать его». Встав в оппозицию к первому консулу Наполеону, Констан вынужден был эмигрировать из Франции.

В 1813г., после поражения Наполеона в России, он опубликовал брошюру «О духе завоевания и узурпации в ее отношении к европейской цивилизации», выступив против внешней политики Наполеона.

В 1815 г. Наполеон бежал из ссылки и вернулся во Францию; начался кратковременный период его правления – «Ста дней». Добиваясь поддержки либе-

ральных кругов буржуазии, Наполеон привлек своего вчерашнего противника Констана к разработке так называемого конституционного «дополнительного акта».

В годы Реставрации Констан избирается в Палату и занимает место в рядах буржуазно-либеральной оппозиции. Он был и в ряду тех, кто способствовал возведению на престол Луи Филиппа – короля банкиров.

Небольшой роман Бенжамена Констана «Адольф. Рукопись, найденная в бумагах неизвестного» был написан в 1806 г., а вышел в свет только через 10 лет – в 1816 г., принеся автору громкую славу. Для такого типа повествования характерна камерность сюжета, крайне суженый круг действующих лиц, обращение к интимной жизни персонажей, изъятых из сферы гражданских взаимоотношений. В «Адольфе» есть и такие мотивы, распространенные в литературе того времени, как: меланхолическое настроение героя, его недоверие к жизни, романтические сетования на судьбу. Но они не составляют главную особенность истории молодого человека, рассказанной Констаном. Удивляет рационализм героя, его холодный самоанализ. Поражает, если учитывать время написания романа, постоянная оглядка героя на общественное мнение, то враждебная, то заискивающая.

Что же привлекало в этом романе А.С.Пушкина? Каково было его мнение о произведении? Чем оно интересно нам?

Литературоведами давно замечено, что самой значительной фигурой в словесном искусстве XVIII-XIX веков был молодой человек, находящийся в разладе с обществом, несущий на себе печать скептицизма и душевной неустроенности. Драматизм его положения заключался в том, что он не хотел жить так, как живут другие. Но романтический герой и не мог жить так, как желал: его идеалы, его притязания были столь же огромны, сколь и неопределенны. На пути героя к личному счастью вставал рок, символизирующий внешние и внутренние препятствия, влекущие за собой катастрофу, гибель героя.

По мнению Пушкина, «Адольф» принадлежит к числу двух или трех романов,

*В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой
Себялюбивой и сухой,
Мечтаньям преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.*

Мнение А.С.Пушкина важно для нас во многих отношениях. Отзвуки большой популярности книги Б. Констана засвидетельствованы великим поэтом в «Евгении Онегине». В черновых набросках седьмой главы поэт запечатлел сцену посещения Татьяной дома Онегина, отсутствовавшего после отъезда хозяина. Посещая библиотеку Онегина, Татьяна находит и сочинения вольнодумцев века Просвещения и новейших писателей – поэмы Байрона, книги Мэтьюрина, госпожи Сталь, Шатобриана, Констана.

Таким образом, Б. Констан привлекал внимание писателей, в том числе и А.С.Пушкина, в начале XIX века.

Перед изумленной Татьяной открылся мир образов и настроений, которым жил Онегин.

*И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее – слава богу –
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще
Чужих причуд истолкованье.
Слов модных полный лексикон? ...
Уж не пародия ли он?*

(гл. 7, строфа XXIV)

Чем больше узнает Татьяна об Онегине, тем больше удивляется его странностям, загадкам его натуры («опаснейший чудак»). В восьмой главе романа в стихах воссоздаются великосветские толки об Онегине, возвратившемся из дальних странствий:

*Чем ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнет иной...*

(глава 8, строфа VIII)

Что же представляет собой в действительности Онегин, кто он – ничтожный призрак, «чужих причуд истолкованье»? Пушкин на этот счет не оставляет сомнений, отметив «неподражательную странность» героя и отвергнув, таким образом, представление о нем, как о человеке, который «носит одежду с чужого плеча».

Да, многое в судьбе и характере Онегина напоминает Адольфа, юношу, который в двадцать с лишним лет уже пресытился светскими удовольствиями. Легкомыслен, ветрен, он никогда не страдает от их последствий. Воспитанный, как и Адольф в духе аристократической культуры, Онегин ведет типичную для «золотой молодежи» жизнь: балы, рестораны, прогулки, посещения театров.

Он пользуется успехом в свете. В отличие от Адольфа, он не таит в себе свои чувства, но, как и Адольф, в одиночестве строит свои планы на будущее, рассчитывает для их осуществления только на самого себя. Советы и помощь других людей были для Адольфа, как и для Онегина, обузой.

Оба они скрывают свои подлинные мысли. Поэтому основным желанием их является стремление к независимости. Вопреки всему их души жаждут искренних чувств, которых нет.

Онегин, как и Адольф, становится безразличен к жизни. И если Адольфа увлекает чтение книг хоть на время, то Онегина книги не удовлетворяли потому, что они были созвучны его мыслям и чувствам. Они не открывали ему ничего нового. Адольф уверен, что нет такой цели, которая была бы достойна хоть малейшего усилия, душа его в отличие от Онегина не жаждет деятельности. Он развлекается и тем самым вызывает в свете лишь презрение к себе, недоверие, а иногда и откровенное озлобление.

«Те, кого я имел неосторожность высмеивать, не нашли ничего лучшего, как объявить себя защитниками принципов, которые я, по их словам, подвергал сомнениям; из-за того, что я невольно заставлял их потешаться друг над другом, все они ополчились на меня, как будто обличив их смешные черты, я выдал некую тайну, которую они со мной поделились...» [1, с. 20].

Скука становится основной чертой характера Адольфа, как и Онегина. Он пытался заняться наукой, но тщетно. Стал развлекаться, искать связи с женщинами, которые бы тешили его самолюбие, жаждал изведать настоящее счастье. Однако усвоенное еще в доме отца довольно циничное отношение к женщинам (... «можно без всякого стеснения сойтись с любой женщиной – а затем бросить ее; им это доставляет так мало неприятностей, а нам – столько удовольствия!») стало серьезным препятствием на пути к счастью.

Встретив Элеонору, Адольф измышляет тысячи способов, чтобы одержать победу над женщиной «достойной того, чтобы ее домогаться». В отличие от Онегина, который дает неопытной Татьяне урок нравственности, благородства («Учитесь властвовать собою: не каждый вас, как я, поймет, к беде неопытность ведет») Адольф не решается порвать узы, которые стали ему тягостны. И своим поведением он только мучает несчастную Элеонору, нанося ей удары все более беспощадные. По словам Герцена, «Онегин – человек, осужденный на праздность, бесполезный, сбитый с пути, человек, чужой в своей семье, чужой в своей стране, не желающий делать зло и бессильный делать добро, не делающий в конце концов ничего, хотя и берущийся за все». И если Онегин тратит силы, ум, жизненную энергию на удовлетворение эгоистических интересов, то Адольф – на искусные планы и всевозможные ухищрения, на самообман. Он, в свои двадцать четыре года, – костер, который уже не излучает тепла.

Таким образом, Онегин и «множество его причуд» не могут быть сведены к заимствованиям.

Возвращается А.С.Пушкин к роману Бенжамена Констана «Адольф» и в статье «Адольф», напечатанной в «Литературной газете» (1830), подчеркивая жизненную достоверность «чужих причуд истолкованья», правдивость воссозданного в «Адольфе» образа. Пушкин сообщает о готовящемся к выходу в свет романе в переводе Вяземского: «Князь Вяземский перевел и скоро напечатает славный роман Бенжамена Констана. «Адольф» принадлежит к числу двух или трех романов,

*В которых отразился век,
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтаньям преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.*

Бенжамен Констан первым вывел на сцену сей характер, впоследствии обнародованный гением лорда Байрона. С нетерпением ожидаем появления сей книги. Любопытно видеть, каким образом опытное и живое перо князя Вяземского победило трудность метафизического языка, всегда стройного, свежего, часто вдохновенного. В сем отношении перевод будет истинным созданием и важным событием в истории нашей литературы»[5, с. 96-97].

Заметка Пушкина вызвала затруднения в публикации из-за цензурных трудностей. Сомов, редактировавший газету совместно с Дельвигом, писал об этом Одоевскому 28 декабря: «Пушкин написал заметку о переводе романа Бенжамена Констана «Адольф», сделанном князем Вяземским для издания его в Москве; наш цензор полагает, что роман находится в списке запрещенных иностранных книг, и отказывается подписать заметку; прошу вас сообщить, действительно ли роман находится в списке запрещенных книг». Вскоре перевод Вяземского вышел в свет в 1831г. с посвящением А.С.Пушкину. В этом посвящении, говорилось: «Мы так часто говорим с тобою о превосходстве творения сего, что, принявшись переводить его на досуге в деревне, мысленно отнесся я к суду твоему»[5, с. 672].

Да, автор «Евгения Онегина» дает сжатую и поразительно меткую характеристику герою произведения Бенжамена Констана.

Черты, отмеченные Пушкиным в облике людей того времени, нашли в Адольфе обобщенное и исключительно наглядное выражение. Констан вошел во внутренний мир романтического героя, подверг его чувствования скрупулезному анализу.

Питомец Геттингенского университета, Адольф в начале романа предстает перед нами как обычный герой – романтик: он желает отдаться чувствам, которые «возвышают душу над обыденностью и вселяют в нее пренебрежение к предметам, ее окружающим». Он жаждет одиночества, не находя в окружающем мире отклика на появляющиеся чувства. Постепенно Б. Констан раскрывает образ Адольфа через его глубокие психологические переживания.

История любви Адольфа и Элеоноры построена на изображении их отношений, переживаний, осложненных множеством противоречий. Связь мучительна для обоих. Но ни размолвки, ни примирения не приводят к разрыву, как, впрочем, и не восстанавливают чувства доверия между героями. Это любовь – отчуждение. И чувства, отношения, реалистически изображенные Б. Констаном, не могли быть иными.

Адольф – жертва эгоизма и чувствительности. Любовь для него – суровое испытание, к которому он не готов. Адольф не способен на любовь, так как она требует жертвенности: бросить вызов мнению общества, или порвать с Элеонорой ради своей карьеры.

Элеонора же – натура по-своему цельная, способная на глубокое чувство, на жертвы во имя любимого человека. Она лишилась богатства, детей, репутации. Общественное положение ее и так было двусмысленно: она не жена, а лишь подруга, графа П.И в свое время ему «пришлось выдержать борьбу с общественным мнением, намеревавшемся исключить его возлюбленную из того круга, в котором он сам был призван вращаться...»[1, с. 14]. А теперь еще и эта любовь – испытание, в результате которой Элеонора теряет и уважение, так как Адольф был слишком слабой личностью, и его не поддерживало никакое сердечное побуждение. Несчастье Элеоноры доказывает, что даже любовь бессильна против установленного порядка.

Чувства Адольфа полярно противоположны. Они составляют основу раздвоенности характера. Да и сам он признается: «Сердце мое требовало любви, а тщеславие – успеха в свете». Душевно неуравновешенным, постоянно испытывающим мучительный разлад между поступками и постоянно меняющимися чувствами, – таким предстает главный герой в процессе развития сюжета романа.

Но в романе дается и своего рода философское оправдание такому поведению: виной чему – извечная неясность человеческих чувств.

Устами Адольфа Б. Констан утверждает то, что в человеке нет полной цельности: «чувства человека неясны и разноречивы»; они слагаются из множества изменчивых впечатлений, ускользающих от наблюдателя, и слова, всегда слишком грубые и слишком общие, могут, разумеется, их обозначать, но неспособны их определять» [1, с. 24].

Как видим, из-под пера Б. Констан вышел образ героя – хамелеона, воплощение уклончивости, оправдывающей слабостью лицемерие даже с собою, а готовность к изменам – ссылками на несовершенство человеческой природы. Примечательной чертой Адольфа является откровенно эгоистическое понимание любви. «Я хочу быть любим», – говорит он. Да, он любим, и что же? Чем отвечает он на любовь?

Адольфа мучают раздираемые, враждебные друг другу страсти: с одной стороны он жаждет избавления от Элеоноры, с другой – боится этого избавления и одновременно удивляется этому страху. Единственное желание Адольфа заключается в том, чтобы Элеонора сама догадалась о происходящих изменениях в сердце героя. Странно, но он испытывает чувство привязанности, когда возникает возможность освободиться от деспотической власти любовницы, и чувство отчуждения и даже ненависти, когда решается, отбросив колебания, навсегда остаться с нею – любящей и достойной любви. Элеонора умирает. Наконец Адольф обретает свободу. Но раскаяние и сожаление его угнетает. Вернувшись в «свет», он чувствует себя чуждым всему миру.

Таким образом, попытки героя бежать от общества, обстоятельств потерпели крушение. Мир, с его неписаными законами и предрассудками, настигает героев и в сфере возвышенных чувств, вторгается в самые интимные стороны человеческого бытия, отравляет помыслы и побуждения людей, лишает их искренности и чистоты, развращает точными расчетами.

Б. Констан убежден, что человек должен бороться с обстоятельствами, ибо «плыть по течению» – значит, «раствориться» в толпе, потерять право на уважение. Адольфа проглотило общество, которое держится на правилах эгоизма, расчета, на культе личных интересов. И избавиться от него для Адольфа – значит, избавиться от собственной тени.

Адольф – жертва эгоизма и чувствительности, молодость которого прошла «без славы, без почестей», без права на уважение людей.

Как же сам автор объясняет драму жизни Адольфа? Устами издателя он говорит в конце романа: «Я ненавижу слабость, всегда обвиняющую других в своем собственном бессилии, и невидящую, что зло – не вокруг нее, а в ней самой» [1, с. 141]. «Обстоятельства не имеют большого значения, вся суть – в характере; тщетно порываем мы с предметами и существами внешнего мира, порвать со своими пороками мы не можем. Мы меняем свое положение, но в каждое из них мы переносим те муки, от которых надеялись избавиться, а так как перемена места не исправляет человека, то оказывается, что мы только присовокупляем к сожалениям – угрызения совести, а к страданиям – ошибки» [1, с. 72], – читаем в романе. Не только обстоятельства и среда, но и характер, виноваты в наших несчастьях, ибо они – воск в руках только сильной личности. Безусловно, Адольф заслуживает всяческого порицания, но в то же время достоин и жалости.

Роман «Адольф» Б. Констана интересен нам не только поднятой проблемой счастья и смысла жизни, но и глубиной, реалистической обусловленностью психологического анализа. Богатый жизненный опыт Б.Констана, наблюдения над жизнью людей своей среды, позволили ему создать «ювелирной точности повествование», которое он сам назвал «правдивой историей о злосчастии человеческого сердца».

Роман Б. Констана справедливо привлекал внимание А.С.Пушкина, ибо давал ключ к пониманию всех движений человеческого сердца, его несчастий.

Бенжамен Констан утверждает, что «ум, предмет нашей гордости, не пригоден ни к тому, чтобы найти счастье, ни к тому, чтобы его дать»; что те «дары, которые следует испрашивать у неба» – это сила характера, стойкость, верность, доброта, сострадание» [2, с. 241]. И наказания Адольфа уготованы самим его характером: у него нет определенного пути в жизни, никому не принес он пользы, растрчивал свои способности, руководствуясь только прихотью, черпая силы в своем лишь озлоблении. Он глубоко несчастный человек.

Урок, данный Бенжаменом Констаном, интересен, полезен и нам, современным читателям, ищущим ответы на вечные вопросы человеческого существования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенжамен Констан. Адольф. Рукопись, найденная в бумагах неизвестного / перевод А.С.Кулишера / Констан Бенжамен. – Москва, 1959. – 142с.
2. Жигалова, М.П. А.Пушкин о Бенжамене Констане и его романе «Адольф». / М.П. Жигалова //Кн. Материалы Междун. научн. конф. «Пушкин – белорусская культура – современность». – Мн., “Беларускі кнігазбор“, 1999. – С. 234-242.
3. Ильин, И. Пророческое призвание Пушкина / И. Ильин // Пушкин в русской философской критике. – М., 1990. – С.328.
4. Литературный музей А. С. Пушкина в Ореховской СШ Малоритского р-на Брестской обл. был создан в 1984.
5. Пушкин, А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. Статьи и заметки. Т.7. / А.С.Пушкин. – М., 1959.
6. <https://ru.wikipedia.org/wiki>

СВЕТЛАНА ЖИГАЛОВА (ВАРШАВА, ПОЛЬША)

студентка второго курса факультета английской филологии
Варшавского университета

УДК 811.111:821.161.1

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА

Аннотация

В статье показано, какое место занимал английский язык в жизни А.С.Пушкина, и какое влияние оказала английская литература на его творчество, в котором так гармонично соединилась русская и английская культура, отразилась неразрывная связь русской и английской поэзии.

Ключевые слова: английский язык, А.С.Пушкин, творчество, культура

Известно, что Александр Сергеевич Пушкин обладал прекрасными лингвистическими способностями. Он владел французским языком, а также изучал латинский, греческий, итальянский, немецкий, английский, испанский, арабский, турецкий языки.

Попробуем проследить, как сам поэт и когда учился английскому, какое место занимал английский язык в его жизни, как в его творчестве отразилась неразрывная связь русской и английской поэзии.

Следует подчеркнуть, что общение членов семьи на французском или английском языке во всех аристократических семьях России первой половины XIX века было явлением обыденным. И семья Пушкиных в этом не была исключением. Поэтому А.С. Пушкин с семи лет начал изучать немецкий, английский и французский языки.

В мемуарах его сестры О. С. Павлицевой, которые она записала для П.В. Анненкова в 1851 году, когда тот работал над первой подробной биографией Пушкина, отмечается, что «когда у сестры была гувернанткой англичанка (М-ме Бели), то он учился и по-английски, но без успеха» [1]. Однако, по утверждению отца, Сергея Львовича Пушкина, ко времени поступления в лицей Пушкин «уже этот язык знал, как знают все дети, с которыми дома говорят на этом языке». Нужно сказать, что позже поэт попадёт под большое влияние английской литературы, переболеет байронизмом и откроет для себя гений В.Шекспира.

Следует заметить, что именно увлечение творчеством Дж. Г. Байрона, стремление читать его произведения в оригинале, подтолкнуло А.С.Пушкина к серьёзному изучению английского языка. К тому времени он уже в совершенстве знал и французский язык, свободно читал французскую литературу, да и своё первое стихотворение поэт написал на французском языке. Долгое время он читал и Байрона во французском переводе. Когда А.Пушкин впервые познакомился с поэзией Дж. Г. Байрона, он почти не знал английского. Французские же переводы давали лишь общее понятие об идее и сюжете произведения. Конечно, этого для него было мало. И Пушкин поставил перед собой задачу: чтобы читать Байрона в оригинале, нужно выучить английский язык. Тем более это было для него важно, потому что его друзья, П. А. Вяземский и П.Я. Чаадаев, читали в молодости Байрона и отличались, как отмечают мемуаристы, «байроновскими манерами».

Начало увлечения Дж. Г. Байроном относится к 1820 году. В это время всё русское образованное общество зачитывалось произведениями английского лорда. Всеобщее настроение передалось и юному Пушкину. По его собственному признанию, он от Байрона «с ума сходил»: «Кто в России читает по-английски и пишет по-русски? Давайте мне его сюда! Я за каждый стих Байрона заплачу ему жизнью своею» [1].

Таким образом, всё слилось воедино: толчок к изучению английского дал Байрон, а знание языка помогло по достоинству оценить его произведения. Поэтому и сегодня имена, Пушкин и Байрон, тесно связаны друг с другом. Пушкинские слова о Байроне «... какое пламенное сознание, какая широкая гениальная кисть» можно отнести и к нему самому. Два гения, русский и английский, были современниками, имели много общего во взглядах, в отношении к жизни и к людям. В их творчестве отразилась одна эпоха, но каждый показал её по-своему.

Исследователи отмечают, что Пушкин обладал особой способностью к изучению иностранных языков. Французский язык для русского поэта являлся вто-

рым родным, но во время южной ссылки Пушкин учился говорить *по-молдавски* (Кишинев), *по-итальянски* (Одесса) и *по-английски*. В бумагах поэта, опубликованных в издании «Рукою Пушкина», сохранились опыты изучения *иврита, древнегреческого, арабского, английского и немецкого языков*.

Но серьезно изучать английский язык А.С. Пушкин принялся во время путешествия в Крым в 1820 году. Так, по сведениям П. И. Бартенева, в доме герцога Ришелье в Гурзуфе, который принадлежал семье генерала Раевского, «нашлась старинная библиотека, в которой Пушкин тотчас отыскал сочинения Вольтера и начал их перечитывать. Кроме того, Байрон был почти ежедневным его чтением. По свидетельству П. В. Анненкова, относящемуся к эпохе 1823-1824 гг., «Пушкин успел выучиться на юге по-английски и по-итальянски и много читал на обоих языках»[2]. «Это пища души», – сообщает он брату в ноябре 1824 года. Подтверждение этому мы находим в его письмах. «Что за чудо «Дон Жуан»!», – писал он П.А. Вяземскому в ноябре 1825 года из Михайловского в Москву[1].

В дальнейшем Пушкин продолжал серьёзное изучение английского языка, но даже в конце 1825 года его познания были, по его же мнению, ещё недостаточными. Об этом свидетельствует его письмо П.А. Вяземскому, написанное в ноябре 1825 года из Михайловского: «Мне нужен английский язык и вот одна из невзгод моей ссылки: не имею способов учиться, пока пора. Грех гонителям моим!»[3]. Пушкин выписывает в Михайловское книги на английском языке. Здесь были и критические очерки, и мемуары, и переписка. Постепенное изучение английского языка дало, наконец, возможность Пушкину оценить смелость выражений в поэме «Чайльд Гарольд», а к концу 20-х годов, по свидетельству современников, поэт окончательно овладел этим языком и стал легко понимать английский текст.

Вот как об этом говорит М. В. Юзефович, рассказывая интересный эпизод из походной жизни Пушкина в конце двадцатых годов: «Пушкин имел хорошее общее образование. Кроме основательного знакомства с иностранной литературой, он знал хорошо нашу историю, и вообще, для своего серьезного образования, воспользовался с успехом ссылкой. Там, между прочим, он выучился по-английски. С ним было несколько книг, и в том числе Шекспир» [1].

Конечно, на изучение английского языка позже вряд ли могли повлиять пушкинское увлечение в 30-е годы английским боксом, масонством и посещение Английского клуба, завсегдаем которого был русский поэт, но эти биографические факты отражают общий интерес поэта к британской культуре в целом.

Еще одним свидетельством пушкинского таланта к языкам могут послужить воспоминания А. Ф. Кони, который пишет: «Поэт стремительно расширяет круг своей образованности, упущенное из-за ссылки время. В 1828 году, в 29 лет, он овладевает английским и читает в оригинале Байрона и его соотечественников. Он изучает Данте и итальянских поэтов, переводит с французского, испанского (Сервантеса), английского, польского, старофранцузского... Глубокая и разносторонняя осведомленность его в вопросах искусства, литературы и истории, политики, даже лингвистики, удивлявшая его собеседников в 30-е годы, складывалась именно в это время. Перед современниками, знавшими его в молодости

сти, поэт неожиданно предстанет как глубокий мыслитель, разносторонний эрудированный ученый, знаток истории человечества и человеческой культуры, как острый критик и публицист» [1].

Пушкин сумел соединить в себе, по выражению Мицкевича, столь «выдающиеся и разнообразные способности, что они, казалось, должны были бы исключать друг друга», но они только дополняли и обогащали.

В тот самый период А.С.Пушкин отчаянно охотился за новинками иностранной литературы о Шекспире, которыми он постоянно пополнял свою огромную библиотеку. Об этом свидетельствуют книги о Шекспире, которые сохранились в библиотеке поэта, и воспоминания современников. Так, Я. К. Грот пишет: «Изучая английский язык, я сошелся с Пушкиным в английском книжном магазине... Увидев Пушкина, я забыл свою собственную цель и весь превратился во внимание: он требовал книг, относящихся к биографии Шекспира, и, говоря по-русски, расспрашивал о них у книгопродавца» [1]. А. А. Долинин не оспаривает тот безусловный факт, что в конце 1820-х годов Пушкин серьезно занимался английским языком и овладел им в такой степени, что стал регулярно читать по-английски, покупать английские книги и переводить английских авторов. Неслучайно все цитаты из англоязычных авторов на языке оригинала появляются в его произведениях не ранее 1828 года.

При всей дискуссионности проблемы английского языка у Пушкина бесспорно одно, что интерес поэта к английской литературе и к Байрону, а затем открытие Шекспира побудили его к основательному изучению английского языка, пробудили в нем азартное желание читать в подлиннике Шекспира, Байрона, английскую литературу в целом.

Так, главным достижением в изучении иностранных языков Пушкиным становится не способность свободно изъясняться устно или даже письменно, что, надо полагать, Пушкин прекрасно делал по-французски, но те уроки, которые поэт извлекал, осваивая иноязычные оригиналы и переосмысливая их на родном языке, совершенствуя таким образом свой литературный дар: «Будучи с детства обучен лишь французскому языку, он позже познакомился, хоть и поверхностно, должно быть, с итальянским и немецким, усердно изучал английский и достиг хорошего его знания (только с произношением так и не сладил до конца), занимался испанским, переводя отрывки из «Цыганочки» Сервантеса» [1].

Инстинкт поэта помогал ему и там, где знаний не доставало, и благодаря этим часам, проведенным над грамматикой и словарем, русский язык «столь гибкий и мощный в своих оборотах и средствах, столь переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам, получал пищу нужную ему, вступал во владение Европой» [3].

И действительно, усиление пушкинского интереса к английской литературе исследователи объясняют не только обретенными им в это время навыками чтения по-английски, благодаря чему его читательский кругозор не мог не расшириться, но в первую очередь, это было связано с поиском новых тем, жанров, художественных средств, что отразилось в его творчестве.

Современные исследователи составили достаточно полный индекс цитируемых Пушкиным английских авторов. В цитатном фонде Пушкина наличе-

ствуют хрестоматийный Шекспир: «Гамлет», «Ричард III», а также Мильтон, Стерн, Э. Берк и, конечно же, поэты-современники: Дж. Г. Байрон, Томас Мур, Роберт Саути, Чарлз Вулф, Уильям Вордсворт, Сэмюель Кольридж, Барри Корнуол. Из 1420 наименований в основных разделах описания составленного фонда библиотеки Пушкина 171 приходится на издания английских и американских авторов либо в оригинале, либо в переводах на русский или французский языки, причем в ряде случаев речь идет о многотомных сериях и собраниях сочинений. В библиотеке Пушкина были хорошо представлены Шекспир, Мильтон и ряд других английских классиков, почти все самые заметные авторы XVIII века, а также современные поэты, романисты и эссеисты [6].

Но особое влияние на творчество поэта оказал Байрон, Шекспир и Вальтер Скотт, потому что именно эти три британца – один за другим – играли важнейшую роль на разных этапах творческой эволюции Пушкина, особенно, когда он осваивал новый эпический и драматический жанры.

Так, английский язык и английская литература стали во многом ключевыми составляющими в творческих поисках поэта.

Восточные поэмы Байрона послужили ему жанровой моделью для «Южных поэм», а «Беппо» и «Дон Жуан» – для «Евгения Онегина» и «Домика в Коломне»; исторические хроники Шекспира – для «Бориса Годунова», романы Вальтера Скотта – для «Арапа Петра Великого» и «Капитанской дочки». Испытывая глубокий интерес к представителям английской литературы Байрону, Шекспиру, Вордсворту, Барри Корнуэллу и к народным шотландским балладам и песням, Пушкин пытался дать и первый стихотворный перевод одного из «Кентерберийских рассказов» Джеффри Чосера.

Имелись в пушкинской библиотеке и прозаические пересказы Чарльза Лэма для детей (CharlesLamb.Tales from Shakespeare.Disigned for the use of young persons. Fifthed. London, 1832), книга Людвиг Тика «Шекспир и его современники» во французском переводе с немецкого (L. Tieck. Shakespeare ets es contemporains. Paris, 1832), книга Л. Мезьера об истории английской литературы, где много говорится о Шекспире (L. Mezieres. Histoire critique dela litterature anglais edepuis Bacon... Paris, 1834).

Было в библиотеке Пушкина и несколько томов не дошедшей до нас классической немецкой книги Карла Иозефа Зимрока «Источники Шекспира» (K. Simrock. Die Quellen des Shakespeare in Novellen, Merchen und Sagen. 1831. 3 Theile). Всё это свидетельствуют о серьезности и основательности изучения Пушкиным творчества Шекспира.

Заметим, что он привез с собой и в Болдино в 1830 году полный сундук книг и рукописей. Среди книг, лежавших в нём, была одна, которая представляет для нас особенный интерес: «The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilsonand Barry Cornwall» («Поэтические творения Милмана, Боулса, Уилсона и Барри Корнуолла»), опубликованная в 1829 году парижским издательством «Галиньяни». Четыре имени, указанных в названии, которые сегодня известны лишь некоторым ученым-литературоведам, А.С. Пушкин знал хорошо. Он часто встречал их статьи в английских журналах, внимательно просматривал каждый английский журнал, попадавший к нему в руки, так как считал англичан законодателями романтической моды в европейской поэзии.

В этом томе четырех английских поэтов были «Драматические сцены» Барри Корнуолла, которые, предположительно, послужили ориентиром для «Маленьких трагедий» Пушкина, а «Сцены» Барри Корнуолла стали примером воплощения такой идеи в произведении.

Джон Уилсон тоже пришелся очень кстати: из пьесы Уилсона «The City of Plague» А.С. Пушкин сделал свой «Пир во время чумы». Есть доказательства, что и Боуэлс, и Милман оставили свой след в пушкинских работах, написанных в ту Болдинскую осень. Так ныне полузабытые английские авторы с их новейшими романтическими идеями вдохновили Пушкина на их переводы и на создание едва ли не лучших произведений поэта.

Заметим, что книга, сопровождавшая его в Болдино, волею судьбы оказалась и последней книгой, которую он читал перед дуэлью. 25 января 1837 года Пушкин написал письмо А. О. Ишимовой с просьбой перевести для журнала «Современник» несколько пьес Барри Корнуолла. На другой день Александра Осиповна прислала ответ с согласием. «Только вот что, – писала она, – мне хотелось бы как можно лучше исполнить желание Ваше насчет этого перевода, а для этого, я думаю, нам нужно было бы поговорить о нем. Итак, если для Вас все равно, в какую сторону направить прогулку Вашу завтра, то сделайте одолжение, зайдите ко мне» [5]. Но завтра было 27 января. Перед тем как ехать на дуэль, Пушкин пишет свое последнее в жизни письмо: «Милостивая государыня Александра Осиповна! Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение. Покамест имею честь препроводить к Вам *Barry Cornwall*. Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переведите их, как умеете – уверяю Вас, что переведете как нельзя лучше» [5].

Переводы А. О. Ишимовой появились в «Современнике» уже после смерти Пушкина, а книга исчезла – казалось бы, навсегда. Нашлась она лишь через сто лет (в библиотеке П. А. Плетнева) – тот самый экземпляр: и пушкинские крестики, которыми он отметил пьесы для перевода, все на месте; лишь одна страница оказалась вырванной – та самая, на которой помещалась «Песня» Барри Корнуолла, переведенная Пушкиным, «Пью за здравие Мэри». А среди них и знакомое «четверопоэтие» Милмана, Боулса, Уилсона и Корнуолла – дублет того, что хранится в Пушкинском Доме, но со всеми целыми страницами. Сотрудники музея К. Чуковского, передавшие затем книгу в Пушкинский Дом, оказываются, и не представляли, какое сокровище стоит у них на полке. Но Чуковский-то это хорошо знал – потому и хранил ее напротив своего рабочего стола в кабинете. «Думаю, для него она была и реликвией (последняя книга, которую Пушкин держал в руках перед дуэлью), и талисманом творческой плодовитости («болдинская» книга!), да и просто символом неразрывной связи русской и английской поэзии...» [7].

То, что контакты с английской литературой и культурой к началу 30-х годов стали регулярны, подтверждают и документальные данные. «В 1830 году, в Болдино, переводил сцену из “Города чумы” Джона Вильсона и изучал Барри Корнуола; в 1831 году просил Плетнева переслать ему в Москву книги Crabbe, Wordsworth, Southey и Shakespeare [3, с. 343] и тревожился о бунтах английской черни [3, с. 332]; в 1834 или 1835, по воспоминаниям, требовал у книгопродавца Диксона «книг, относящихся к биографии Шекспира»; в 1835 в очередной раз

перечитывал Вальтера Скотта в Тригорском, задумывал журнал «наподобие английских трехмесячных Reviews»; перелагал стихами начало «Пути Паломника» Джона Беньяна и заводил книгу заметок по образцу Table Talk Кольриджа; в 1836 отстаивал честь Джона Мильтона (а, опосредованно, и свою собственную) в незаконченной статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая»; и, наконец, в январе 1837 года, в заметке-мистификации «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» произнес последний приговор своему времени и своему окружению – «Жалкий век! Жалкий народ!» – устами придуманного им английского журналиста, а в последнем письме, написанном в день дуэли, заказывал переводы из Барри Корнуола для «Современника» [3, с. 558].

Имя Байрона и его героев очень часто встречаются в переписке и пушкинских произведениях. Нередко Пушкин вводит цитаты на английском языке и в своих произведениях. Например, только в романе «Евгений Онегин» таких упоминаний свыше десяти. В строфах XV и XVI в VIII песни «Евгения Онегина» А.С. Пушкин, показывая образ Татьяны, вышедшей замуж за знатного генерала, характеризуя жизнь, быт и понятия русской великосветской среды, даёт следующую характеристику Татьяне: «Никто б не мог ее прекрасной / Назвать, но с головы до ног / Никто бы в ней найти не мог / Того, что модой самовластной / В высоком лондонском кругу / Зовется vulgar / (Не могу... Люблю я очень это слово, / Но не могу перевести; / Оно у нас покамест ново, / И вряд ли быть ему в чести) /» [5].

Одним словом, констатируя, казалось бы, негативные пробелы в образовании Пушкина, в частности, его некоторые ограниченные познания в английском языке, современные исследователи приходят к справедливому заключению: «Недостаточное знание английского языка и, как следствие, не всегда верное понимание оригинала во многих случаях весьма благотворно влияли на сам ход творческого процесса поэта, ибо активизировали творческую фантазию Пушкина, заставляли его домысливать недостающие элементы или создавать собственные их заменители»[4].

Известны сегодня и пушкинские вольные переработки старинных шотландских баллад «Два ворона» и «Мельник» («Воротился ночью мельник...»), которые являются отображением фрагмента из «Сцен рыцарских времен» народной шотландской песни.

В качестве примера такого пушкинского сотворчества с великими английскими поэтами, спровоцированного недостаточным знанием английского, рассматриваем песню Мэри в «Пире во время чумы», чей подлинник столь обилён шотландскими диалектизмами, «которые Пушкин в Болдино, без специальных пособий и словарей, едва ли имел возможность перевести»[6].

Эти английские штудии особенно ярко стали проявляться в период создания драмы «Борис Годунов», а позже переросли почти в первостепенную задачу всей творческой эволюции русского поэта.

В свою очередь пушкинское творческое наследие привлекало английских переводчиков. Начиная с 1821 года, с публикацией в «New Monthly Magazine» отзыва о поэме «Руслан и Людмила», имя Пушкина появляется в британской литературе. Появление первых переводов стихотворений Пушкина в Велико-

британии, датируемое 1828 годом, связано с именем его современника – поэта и переводчика Джорджа Борроу.

По силе таланта и значимости британцы нередко сравнивают Пушкина с великим Шекспиром. Сегодня известно, что во многих странах мира многие произведения А.С. Пушкина переведены на английский язык: «Борис Годунов», «Моцарт и Сальери», «Евгений Онегин», стихотворения «Узник», «Не пой красавица при мне», «На холмах Грузии...», «Я вас любил...», «Кавказ», «Пора мой друг пора!...», «Я памятник воздвиг себе нерукотворный... » и др. Приводим пример двух стихотворений [4].

Узник

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: "Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..."
А. С. Пушкин, 1822

На холмах Грузии...

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит - оттого,
Что не любить оно не может.

А. С. Пушкин, 1829

Всё это делает А. Пушкина ещё более известным в мире.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод, что творчество гениального поэта является связующим звеном двух культур: русской и английской. А своими переводами с английского А.С. Пушкин подтвердил истинность высказанного им суждения о широких возможностях русского языка, насколько он «гибкий и мощный в своих оборотах и средствах... переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам»[3].

Заложив классические традиции русского перевода, на которые позже будет опираться не одно поколение поэтов-переводчиков, Пушкин сделал доступными для миллионов читателей мира шедевры английской и другой иноязычной поэзии.

Таким образом, мы видим, что даже такой фрагментальный анализ вклада английского языка в процесс расширения лингвистических и литературоведче-

The Captive

A captive, alone in a dungeon I dwell,
Entombed in the stillness and murk of a cell.
Outside, in the courtyard, in wild, frenzied play,
My comrade, an eagle, has pounced on his prey.

Then, leaving the blood-spattered morsel, his eye,
He fixes on me with a dolorous cry,
A cry that is more like a call or a plea-
"Tis time," he is saying, "'tis time, let us flee!

"We're both wed to freedom, so let us away
To where lonely storm-clouds courageously stray,
Where turbulent seas rush to merge with the sky,
Where only the winds dare to venture and I!..."
Translated by I.Zheleznova.

Upon the hills of Georgia lies the haze of night...

Upon the hills of Georgia lies the haze of night...
Below, Aragua foams... The sadness
That fills the void of fairs is, strangely, half delight,
'Tis both sweet pain and sweeter gladness.
Because you haunt my heart, it cannot be at rest,
And yet 'tis light, and untormented
By morbid thoughts.... It loves.... it loves because it must,
And, for all that, remains contented.
(Translated by Irina Zheleznova)

ских возможностей поэта, свидетельствует об обогащении его творческого наследия, которое в какой-то мере, стало и символом неразрывной связи русской и английской поэзии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анненков, П. В. Материалы для биографии А.С. Пушкина / П. В. Анненков. – М: Современник, 1984.
2. Керн, А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка / А.П. Керн. – М: Правда, 1989.
3. Пушкин, А. С. Собрание сочинений в 10 т. / А. С. Пушкин. – М: Художественная литература, 1985.
4. <http://imadin12.narod.ru/entexts/pushkin1.html>
5. <http://stud24.ru/search/page1.html>
6. <http://ksana-k.narod.ru/Book/meshj/01/gl14.htm>
7. http://az.lib.ru/d/druzhinin_a_w/text_0150.shtml

ЖАННА НИКОЛАЕВНА КРИТАРОВА (МОСКВА, РОССИЯ),
к. пед. наук, старший научный сотрудник ФГБНУ «Институт стратегии
развития образования Российской академии образования»

УДК 821.161.1

ДОБРЫЙ ГЕНИЙ В ЖИЗНИ ГОРЦЕВ: А.С. ПУШКИН ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ

Аннотация

Статья носит этнографический характер и посвящена пребыванию А.С.Пушкина на Кавказе. В статье рассказывается о днях, проведенных поэтом во Владикавказской крепости, о горских впечатлениях поэта и создании произведений, связанных с ними, о значении факта присутствия поэта в крепости в культурном развитии города Владикавказ в XIX веке.

Ключевые слова: А.С.Пушкин, крепость Владикавказ, кавказские произведения поэта.

Кавказ с его снежными вершинами гор и быстрыми реками, с буйной зеленью и чистым небом всегда производил на путешественников сильное впечатление. Период войны с горцами придал краю окрас мужества и романтизма. Не

удивительно, что в XIX веке молодые офицеры, многие из которых владели художественным пером, оставили в литературе замечательные произведения о своем пребывании на Кавказе.

А. С. Пушкин бывал на Кавказе дважды. Впервые она попал в этот удивительный край в 1820 году, направляясь с семьей Раевских в Крым и далее в Кишинев к месту службы. Уже в первой поездке, которая ограничилась посещением Кавказских Минеральных Вод, «Кавказский край» очаровал поэта. Вместе с красотами природы А.С. Пушкина вдохновляли сторожевые станицы и доблестные казаки на берегах Кубани, вместе с тем, настораживали непреступные горы и тень опасности, которая волновала его мечтательное воображение. В целях безопасности посещать ближайшие аулы путешественникам было строго запрещено.

По-настоящему увидеть и понять Кавказ поэту удалось лишь во время второй поездки. 4 марта 1829 года Пушкин получил подорожную на проезд от Петербурга до Тифлиса и обратно. Ему предстояло преодолеть почтовый тракт, проехав 107 станций и 2670 верст. О цели своей поездки поэт писал в одном из предисловий к «Путешествию в Арзрум», которое при публикации было опущено. Поэт писал, что хотел увидеться *с братом и с некоторыми из приятелей, однако, приехав в Тифлис, там он никого не застал, так как армия выступила в поход, и он двинулся вслед на ней.*

17 мая А.С. Пушкин прибыл в Екатериноград. О дальнейшем пути читаем в «Путешествии в Арзрум»: «С Екатеринограда начинается военная Грузинская дорога; почтовый тракт прекращается. Нанимают лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачий и пехотный и одна пушка. Почта отправляется два раза в неделю, и приезжие к ней присоединяются: это называется оказией. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день, и на третье утро в девять часов мы были готовы отправиться в путь...» [4, С. 418].

С долей иронии Пушкина писал о крепостях на подступах к Военно-Грузинской дороге, что они охраняются «заржавыми» пушками, не стрелявшими со давних времен, с обрушенным валом, по которому бродит гарнизон куриц и гусей. Очередная оказия, по свидетельству очевидцев, чрезвычайно оживляла крепостную жизнь.

Итак, Владикавказ. Какой увидел поэт Владикавказскую крепость? Александр Сергеевич не дает подробного описания Владикавказа. Но по записям сосланного декабриста А. Беляева (а в пушкинский период во Владикавказском гарнизоне служило немало декабристов) можно судить, что в крепости была прекрасная каменная гостиница, в которой был зал благородного собрания, где собиралось общество и проводились танцы. Поэт был принят комендантом Владикавказской крепости генералом Н.П. Скворцовым. «Дело происходило за обедом. Пушкин, которого с восторгом приняли офицеры отдаленного русского гарнизона, долго разговаривал с комендантом на исторические темы, интересовался, не Дарьяльским ли горным проходом ходил Александр Македонский? А потом на просьбу офицеров что-нибудь почитать из своих сочинений взял с карточного стола мелок и набросал на двери гостиной комендантского дома:

Не черкес, не узбек
Седовласый Казбек
Генерал Скворцов
Угостил молодцов... [2, С.55].

Владикавказская крепость не была похожа на остальные, так как через нее осуществлялась связь с Грузией, а Военно-Грузинская дорога имела стратегическое значение.

Во Владикавказской крепости поэт оставался в ожидании очередной оказии в Тифлис, которая была сформирована 22 мая. Два дня, проведенных в крепости, Пушкин плодотворно работал.

Известный этнограф и исследователь М.О. Косвен в фундаментальном труде «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке», который охватывал исторический период с 15 в. до Великой Октябрьской революции, выявил 825 авторов, писавших на эту тему на русском языке [4, С.130]. Обширная этнографическая литература Кавказа обязана своим появлением, выходящим здесь в большом количестве газетам, сборникам, журналам и другим изданиям. По числу печатных изданий Кавказ не знал себе равных в царской империи. А.С.Пушкин одним из первых открыл Кавказ своим читателям и современникам. Описание путешествий, являлось одним из любимых жанров Пушкина. Личная библиотека поэта состояла из большого количества русских и иностранных книг географического и этнографического характера, о России, о других странах Запада и Востока.

Поэмы и стихотворения Пушкина, связанные с Кавказом, «Кавказский пленник», поэма «Тазит», цикл лирических произведений – «Кавказ», «Обвал», «Калмычке» и многие другие, «Путешествие в Арзрум», отрывки начатых повествовательных произведений, некоторые заметки и письма представляют собой большую художественную и историческую ценность.

В окрестностях Владикавказа поэт посетил осетинский аул, где наблюдал национальный обряд похорон: «Около сакли толпился народ. На дворе стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон и с громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаками в лоб. Женщины стояли мирно... Один из гостей взял ружье покойного, сдул с полки порох и положил его подле тела. Волы тронулись» [4, С. 421]. Поэт сожалел, что пошел без человека, который мог бы объяснить значение увиденного им обряда. Пушкин не оставил сведений, какой аул он посетил. Однако исследователи смогли сделать вывод, что речь идет об осетинском поселении, непосредственно прилегавшим к крепости, нынешней Осетинский слободке. Впечатления поэта нашли отражение в поэме «Тазит» при описании похорон.

...Уж потухал закат огнистый,
Златя нагорные скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихие волы...

Одна из кавказских поэм Пушкина, поэма «Тазит» (1829-1830 гг.), создана под впечатлением посещения Кавказских вод на обратном пути из Арзрума, где поэт

пробыл с 14 августа по 8 сентября. В Пятигорске местный этнограф Шора-Бекмурзин Ногмов познакомил Александра Сергеевича с бытом горцев-черкесов племени адыге и обычаям аталычества, который и нашел отражение в поэме. Поэма не была закончена и опубликована при жизни поэта. Название ее также не принадлежит Пушкину. Поэма «Тазит», созданная во время русско-турецкой войны, носит эпический размах и характер и во многом отличается от романтических поэм поэта, в том числе и поэмы «Кавказский пленник». Поэмы отличаются так же, как и две поездки Пушкина на Кавказ. Первое посещение Кавказа в 1920 году, во время которого возникла идея написать поэму «Кавказский пленник», проходило под влиянием поэтического творчества Байрона и увлечения романтизмом. Опубликованная в 1822 году поэма «Кавказский пленник» явилась первой русской романтической поэмой. Через несколько лет Пушкин в «Путешествии в Арзрум» напишет, что на одном из постоянных дворов нашел «измаранный список «Кавказского пленника» и с удовольствием его перечел, что это «слабо, молодо и неполно», хотя многое угадано и выражено верно.

Во Владикавказе, работая над дневником, Пушкин записал свои воспоминания о встрече по дороге с калмыцким семейством. Обстановка калмыцкой кибитки, угощение, внешний облик молодой хозяйки произвели неизгладимое впечатление на поэта. Во время вынужденного отдыха Пушкин воспоминания преобразились под пером поэта в лирическое послание. Так появилось замечательное стихотворение «Калмычке».

Таким образом, Владикавказ оставил след не только в биографии поэта, но и в его творчестве. Жители Владикавказа с глубоким уважением и любовью относятся к этому историко-литературному факту.

К столетию поэта в 1899 году во Владикавказе были созданы Пушкинское городское училище, публичная библиотека им. А.С.Пушкина, именем поэта названа одна магистральных улиц города. Известный просветитель осетинского народа и глава Владикавказа Г.В. Баяев в изданной к юбилею Пушкина книге «Пушкин в жизни горцев» писал: «В этот торжественный час не достойно молчать и нам – горцам Кавказа. Недаром ведь поэт говорил: «И назовет меня всяк, сущий в ней, язык». Пушкин является добрым гением и в жизни горцев! ...

Не он ли первый в чарующих стихах воспел неувядаемую прелесть их родины, – семейный и общественный быт, суровые патриархальные обычаи этих племен, любовь их к свободе, мощь духа?!... Разве не под его неотразимым влиянием созданы Лермонтовым те бессмертные песни из жизни горцев, которые являются перлами мировой поэзии? ...» [1, С.8].

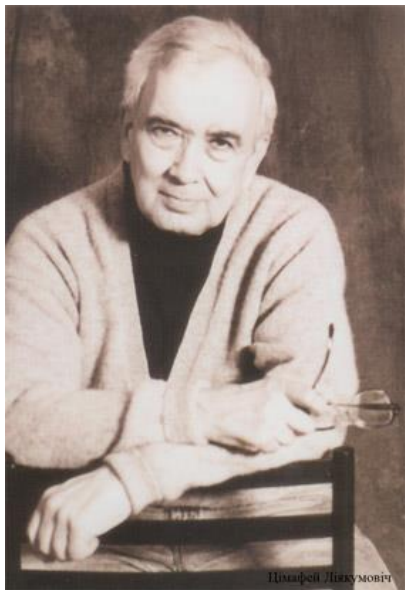
Слава же тебе, царю песни о горцах! Слова Баяева на все времена.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баяев, Г. В. Пушкин в жизни горцев: (В память закладки здания Горско-Пушкинского общежития Общества распространения образования и технических сведений среди горцев Терской области) / Гаппо. – Владикавказ: Казбек, 1902. – 38 с. – (Кавказская библиотека).
2. Гетоева-Миндзаева, Л.К. А.С.Пушкин и Владикавказ / Л.К.Гетоева-Миндзаева, Г.И.Кусов. – Владикавказ: Перо и Кисть, 2010. 289 с. – С.55.
3. Калоев, Б.А. Дневник кавказоведа / Б.А. Калоев. – Владикавказ. Изд-во «Зонд», 2002. – 406 с.
4. Пушкин, А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959—1962. Том 5.

«Белорусская ветвь долгое время оставалась забытой. Может, и не узнали бы мы о ней, если бы не прибыл в 60-х годах XX века на Бобруйщину учительствовать Тимофей Лиокумович. Рассказам местных старожил о внучке Пушкина, жившей здесь с семьей, поначалу он не слишком поверил. А после уж Пушкиниана стала делом всей жизни. Тимофей Борисович отыскал практически всех наследников белорусской ветви, вел с ними переписку, на основе которой в начале 90-х издал книгу "Потомки Пушкина в Беларуси".

Светлана Лицкевич / Советская Беларусь от 24.11.2004

ТИМОФЕЙ БОРИСОВИЧ ЛЮКУМОВИЧ (ЧИКАГО, США),
доктор филологических наук, профессор

УДК 82.09

«ПРИБРЕЛ ПРАВО НА ВЕЧНУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ...»

Аннотация

В статье показана жизнь старшего сына знаменитого поэта Александра Александровича Пушкина, который высоко пронеся фамильную честь, вписал новые страницы своего рода в историю отечества. Он также многое сделал для успешного развития пушкиноведения, оставив заметный след в русской культуре.

Ключевые слова: пушкиноведение, жизнь, сын, род, русская культура.

Хотя Александр Александрович Пушкин (1833 – 1914), старший сын знаменитого поэта, любил шутить: «Я самое неудачное произведение своего отца», но прожил яркую жизнь, высоко пронеся фамильную честь, и вписал новые страницы своего рода в историю отечества. Он также многое сделал для успешного развития пушкиноведения, оставив заметный след в русской культуре.

Размышляя о будущем сына, которого поэт считал своим любимцем, Пушкин писал жене, Наталье Николаевне, в апреле 1834 года: «Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тезкой; с моим тезкой я не ладил. Не дай бог идти ему по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах отца он не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет»[1, с. 160].

Александр Александрович смутно помнил отца. Когда Пушкин скончался от смертельной раны, полученной на дуэли, ему не исполнилось еще и четырех лет.

Детская память сохранила отдельные мгновения, которые, по признанию Александра Александровича, согревали всю жизнь: не забылось, как папа брал на руки, как залиvisto смеялся над некоторыми его детскими шалостями, как подарил глиняный свисток в форме петушка, издававший звонкие переливчатые звуки; запомнилось, что отец носил панталоны в клетку и красноватый сюртук с большим воротником...

После смерти поэта Наталья Николаевна с четырьмя маленькими детьми уехала в Калужское имение Гончаровых, Полотняный завод, и посвятила себя их воспитанию.

Вначале Саша учился во 2-й Петербургской гимназии, а в пятнадцатилетнем возрасте его отдали в Пажеский корпус.

После окончания в 1851 году с отличием этого привилегированного учебного заведения по подготовке будущих офицеров (был выпущен корнетом в гвардию с похвальной отметкой в открывающемся послужном списке: «в уважение примерной нравственности признан отличнейшим воспитанником и в этом качестве внесен под № 5 в особую книгу») началась его армейская служба, продолжавшаяся 35 лет.

Дослужился до чина генерала от кавалерии. Был награжден почти всеми российскими орденами. В 1902 году в столетний юбилей Пажеского корпуса Александру Александровичу преподнесли значок в форме восьмиугольного мальтийского креста белой эмали. Сын поэта с удовольствием носил этот знак отличия до своих последних дней, с благодарностью вспоминая учебное заведение, давшее ему путевку в жизнь, положившее начало его военной карьере, позволившей успешно «отчизне посвятить души прекрасные порывы».

С 1867 года Пушкин служил в Вильно. Был энергичным членом комиссии по крестьянским делам при Виленском генерал-губернаторе. До Вильни, находясь по семейным обстоятельствам в непродолжительной отставке, исполнял обязанности мирового судьи в Бронницком уезде Московской губернии, принимая деятельную активность в проведении в жизнь реформы по освобождению крестьян от крепостного гнета. Делал все возможное для того, чтобы внести благожелательные коррективы в судьбу земледельцев, помогал им обустроиться в новых жизненных условиях. За эту работу был награжден знаком «За участие в крестьянской реформе» и некоторыми другими благодарными отличительными вознаграждениями за видные общественные заслуги. Полк А.А.Пушкина некоторое время был расквартирован в Белоруссии – в маленьком провинциальном городишке Новогрудке.

Здесь Александру Александровичу довелось во второй раз (в 1861 году умерла годовалая дочь Соня) изведать отцовское горе: в 1870 году ушел из жизни его пятимесячный сын, восьмой ребенок в семье, Петя, могила которого сохранилась до наших дней. На надгробном камне можно прочесть: «Младенец Петр Пушкин, род(ился) 9 июня 1870 г., скон(чался) 6 ноября 1870 г.»

Особенно прославился Александр Пушкин как участник освобождения Болгарии от чужеземного ига в русско-турецкой войне 1877 – 1878 годов. Он возмущался тем, что в центре Европы подвергался истреблению целый народ, которому искренне сочувствовал. Сын поэта считал своим долгом оказание помощи угнетенным болгарам в борьбе за освобождение от многовековых мучений под султанским гнетом, в борьбе за восстановление независимости, в борьбе за утверждение самостоятельного государства. Пушкин командовал 13-м Нарвским полком, сформированным еще в петровские времена. Историк этой воинской части А.Н.Тихоновский писал о нем: «Сын известного поэта, именем которого гордится Россия, полковник Пушкин являл собой идеал командира-джентельмена». 5 июня 1877 года, накануне памятного дня рождения отца полковника Пушкина, его эскадроны пересекли границу Румынского княжества и

вскоре достигли Дуная, у берегов которых, по преданию, сын поэта напутствовал русских патриотов: «Кавалеристы! Посмотрите, перед нами Болгария – священная славянская земля! Там погибают наши братья и сестры! Они ждут нашей помощи!» [2, с. 49]

Полку, которым командовал Пушкин и в котором, кстати, было много белорусов, в составе передового рушукского отряда приходилось сдерживать наступление стотысячной турецкой армии. Гусары участвовали во многих ожесточенных сражениях. Кровопролитнейшими оказались бои при городе Елене, где турки сосредоточили огромные силы, фанатически пытаясь овладеть переправой через Дунай. Когда османским войскам не удалось осуществить свои намерения, они в злобной ярости подожгли город. Гусары Нарвского полка, рискуя своими жизнями, потушили пожар.

Нарвскому полку также поручали выполнять важные разведывательные задания. Довелось Пушкину командовать одновременно и болгарскими ополченцами.

Гусаров Пушкина встречали как освободителей во многих болгарских городах и поселках. В боях за свободу народа, лишённого элементарных человеческих условий жизни, истребляемого с особой жестокостью, от османского владычества сын поэта зарекомендовал себя как проникательный и способный командир, как выносливый и смелый воин. Он постоянно находился среди солдат, поражался их самоотверженности, готовности пожертвовать собой во имя спасения болгар, пострадавших за пять веков в иноземной неволе. Гусары уважали своего доблестного командира не только за удачу и храбрость, но и за человеческое отношение к себе, за чуткость.

В одном из боев за национальное и государственное возрождение болгарского народа сын поэта был ранен, контужен. За проявленные отвагу и мужество его наградили золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Этими наградами он гордился всю жизнь. Поздней офицеры полка подарили Александру Александровичу часы, на циферблате которых вместо цифр отмечались названия болгарских городов и сел, освобожденных под его командованием. Нетленной остается память о нем на болгарской земле по сегодняшний день. Имя сына поэта с особой благодарностью звучит в марте каждого года, когда отмечается очередная годовщина независимости Болгарии на торжествах в этой стране. Оно олицетворяет собою взаимопонимание и взаимопомощь народов, скрепленное кровью в боях за свободу. И, конечно, добрым словом и с признательностью помнят о благородном потомке любимого поэта в России и в Белоруссии.

Выйдя в отставку, Александр Александрович не расставался с военным мундиром, без которого не мог себя представить. Ему разрешено было за большие заслуги перед отечеством носить генеральскую форму. Современникам он запомнился в парадном мундире, в очках с золотой оправой, спокойным и доброжелательным.

Не мыслил себя Александр Александрович без общественной деятельности. В последние годы жизни много внимания уделял организации образования в России, особенно женского. С начала учебного 1898 года до 1913 года был членом педагогического совета Екатерининского и Александровского женских институтов. Перед этим, после выхода в отставку, заведовал учебным отделом мужского коммерческого училища, был почетным членом, а позднее председателем Московского присутствия опекунского совета дворянских учебных заведений города.

Александр Александрович, отличавшийся высокими нравственными качествами, руководивший в жизни высокими принципами, оставил память о себе как о честном, справедливом и отзывчивом человеке. Он неизменно поддерживал начинания, которые шли на пользу простым людям. Так, в подмосковном поселке Малаховка до наших дней работает больница, построенная в начале XX века на средства писателя Николая Дмитриевича Телешова. А.А.Пушкин, будучи в то время членом учетно-ссудного комитета Московской конторы Государственного банка по сельскохозяйственным кредитам, помог ему добиться разрешения на строительство «лечебницы для крестьян». В имени автора интересных «Записок писателя» бывали на знаменитых литературных «средах» Иван Бунин, Леонид Андреев и другие литераторы «серебряного века» русской словесности, подолгу гостили Федор Шаляпин и Владимир Немирович-Данченко.

Александр Александровичу почитатели великолепного мастера русского слова обязаны тем, что в суматохе лет и событий не потерялся ряд пушкинских

рукописей, черновых записей, вещей поэта. Благодаря ему сохранились варианты многих пушкинских произведений, а также некоторые неопубликованные сочинения писателя. Он оказался основным и бережливым хранителем отцовского архива. В 1880 году сын поэта передал этот бесценный золотой фонд для исследователей жизни и творчества любимого классика русской литературы Румянцевскому музею (ныне Российская государственная библиотека). Понимая ценность хранившихся у Александра Александровича документов о родоначальнике современной русской литературы, П.И.Бартенев уже в следующем году издал в Москве сборник «Бумаги А.С.Пушкина» (1881). Тогда же Александр Александрович предложил в дар музею 43 письма поэта к жене при условии, что они станут достоянием общественности только после смерти последнего члена семьи Пушкина.

Александр Александрович трепетно относился к книгам отца, понимал ту важную роль, которую они сыграли в жизни писателя. Не забывался рассказ Василия Жуковского о последних часах умиравшего Пушкина, о его трогательном прощании со своей библиотекой. Обращаясь к книгам – к своим неизменным и верным спутницам в земных радостях и житейских передрягах – как к живым и близким людям, поэт произнес с горестным сожалением и искренней признательностью: «Прощайте, друзья!» В значительной степени заботами Александра Александровича удалось уберечь от гибели библиотеку Пушкина, которую он вывез из подвалов казарм отчима П.П.Ланского в свое имение Ивановское Бронницкого уезда Московской губернии. На полях страниц многих книг хранились пушкинские замечания, рисунки, разного рода надписи, позволившие полнее уяснить мировоззрение великого художника слова, ибо в пометках выражены его сокровенные мнения, суждения и раздумья, тем самым представляющие собой исключительную ценность. Книги, как настоящие друзья поэта, много интересного поведали о своем владельце. В 1906 году бесценная библиотека поэта стала достоянием Пушкинского дома, где к ней отнеслись как к настоящему сокровищу.

У себя же на хранение Александр Александрович оставил дневник писателя за 1833 – 1835 годы, считая его семейной тайной, не подлежащей разглашению и общественному обсуждению. К тому же в дневнике были даны отрицательные оценки некоторым современникам поэта, а его сын, обладавший чутким душевным тактом и природной деликатностью, не хотел обидеть близких потомков этих людей, бросить на них тень, осложнить им жизнь. Однако обманым путем с пушкинских записей была снята полная копия, которую стали использовать, публикуя ее по частям. Впервые памятные заметки поэта появились в собрании сочинений Пушкина под редакцией С.А. Венгерова в 1915 году. Сама же рукопись дневника перешла после смерти Александра Александровича к его старшей сестре Марии, а после ее смерти к внуку поэту Григорию Александровичу, который передал пушкинские записи в Румянцевский музей. Дневник сразу был напечатан Государственным издательством уже не по копии, а по подлиннику и в Москве, и в Петрограде.

Примеру Александра Александровича следовали и другие потомки поэта, передавая хранящиеся у них семейные реликвии, в том числе портреты близких ему людей и другие ценные предметы, связанные с жизнью и творчеством писателя и судьбою его родных, на государственное хранение.

Из всех пушкинских детей Александр Александрович оказался самым близким матери – Наталье Николаевне. Его единоутробная сестра А.П.Арапова (дочь Натальи Николаевны и Ланского) свидетельствовала, что Александр Александрович проявлял к матери «редкую нежность», а она, в свою очередь, с чувством признательности заявляла, что таким добрым сыном можно гордиться. По воспоминаниям внучки поэта Анны Александровны Пушкиной (1866 – 1949), он, будучи «офицером, уже женатым, ...приходил каждую субботу (суббота в семье Пушкиных считалась днем памяти поэта. - *Т.Л.*) к своей матери, и она рассказывала ему об отце, об их жизни». [3, с. 43]. Наталья Николаевна завещала памяти старшего сына самые дорогие воспоминания, зная, что в его сердце они найдут глубокое понимание и горячий отклик. Рассказы матери дополнялись воспоминаниями близких А.С.Пушкину людей – П.А.Вяземского, П.А.Плетнева, П.В.Нащокина и других, с которыми часто встречался Александр Александрович. Его память позволила сохранить для потомства многие факты из пушкинской биографии, сведения о литературном и житейском окружении поэта.

Александр Александрович оказывал постоянное содействие издателям сочинений своего отца, приходил на помощь организаторам выставок о поэте. Обладая исключительной скромностью, он не гонялся за внешним эффектом и сетовал в разговоре с сыновьями Льва Толстого: «Плохо нам с вами. Чувствую, что от меня требуют, чтобы я был с бакенбардами, как от вас – чтобы непременно носили окладистую седую бороду. Иначе все недовольны: какие же это Пушкин и Толстой?» [4]

У Александра Александровича было развито чувство родовой памяти. Он считал своим долгом принимать участие в многочисленных мероприятиях, проходивших в России в память об отце. В 1880 году присутствовал на открытии памятника Пушкину в Москве: дети поэта первыми возложили венок к подножию величественного монумента. Сохранились воспоминания о том, как их чествовали на заседании Общества любителей российской словесности в Колонном зале Дворянского собрания. Сошлемся на описание одного из очевидцев: «В первом ряду, на первом плане – семья Пушкина. Старший сын Александр Александрович, командир Нарвского гусарского полка, только что пожалованный флигель-адъютантом, в военном мундире, с седой бородой, в очках; второй сын – Григорий Александрович, служивший по судебному ведомству, моложавый, во фраке; две дочери: одна постоянно жившая в Москве, вдова генерала Гартунга, заведовавшего еще недавно московским отделением государственного коннозаводства, и другая – графиня Меренберг – морганатическая супруга герцога Гессен-Нассауского, необыкновенно красивая, похожая на свою мать. Накануне я видел их в университете и участвовал в орациях, устроенных им публично, профессорами и студентами. Когда ректор, говоря

речь, упомянул о том, что Пушкин где-то сказал, что его более всего трогает, когда чествуют потомков за заслуги их знаменитых предков, ввиду полного бескорыстия и искренности этих чествований, весь совет профессоров, сидевших на эстраде, а за ними и вся зала, как один человек, встала со своих мест и, обратившись в сторону Пушкиных, разразилась долго не смолкавшими рукоплесканиями. Пушкины страшно смутились от внезапности и искренности всех в зале охвативших чувств». (Д.Н.Любимов). [5, с. 157]

В 1899 году Александр Александрович – почетный гость на торжествах, посвященных 100-летию со дня рождения поэта. Тогда же вместе с братом Григорием и другими пушкинскими родственниками он принял участие в возложении на могилу отца серебряного венка. Во время этих пушкинских празднеств «сердечные орации, - как сообщала одна из тогдашних газет, - были сделаны по адресу представителей семьи Пушкина при поднесении Александру Александровичу Пушкину диплома почетного члена Румянцевского музея». В те дни газета «Русские ведомости» писала о нем: «Это красивый, седой как лунь, но еще бодрый с военной выправкой старец. Симпатичное выразительное лицо его окаймлено окладистой бородою, и по высокому лбу и тонкому носу с горбинкой и по выражению его голубых глаз нетрудно догадаться, что в молодости Александр Александрович очень походил на своего покойного отца, насколько это можно судить по современным поэту портретам»[6].

В 1900 году Александр Александрович вместе с сыном Григорием присутствовал на открытии памятника Пушкину-лицейцу в Царском селе.

Сына поэта уважали многие знаменитые современники, в том числе писатели, деятели искусств. На торжественном обеде по случаю открытия памятника Пушкину в Москве в честь его детей произнесли тосты И.С.Тургенев и Ф.М.Достоевский, А.Н.Островский и А.Н.Майков, Я.П. Полонский и И.С.Аксаков. В 1887 году на панихиде, заказанной Александром Александровичем в связи с 50-летней годовщиной смерти отца, присутствовал И.А.Гончаров. Тепло относился к нему последний поэт «золотого века» русской поэзии К.К.Случевский.

Как обаятельного человека и остроумного собеседника Александра Александровича ценил А.П.Чехов. Они нередко общались, прогуливались вместе по аллеям мелеховского сада, когда вишни и яблони поражали красотой цветения, а соловьи неистово выводили свои звонкие трели. Иногда Чехов навещал своего соседа, любовался парками усадебного ансамбля, каскадными прудами. Оба радовались, когда в 1896 году добились в Лопасне (ныне г. Чехов) открытия почтового отделения и телеграфа, в здании которого сейчас расположен музей писем автора «Вишневого сада» и непревзойденных юмористических рассказов и повестей. Через лопасненскую почту прошли сотни неповторимых чеховских писем и телеграмм, рассказывавших об его общественной и личной жизни, об его отношениях с писателями и артистами, о работе над рассказами и повестями.

Пользовался услугами лопасненской почты и А.А.Пушкин для связи с окружающим миром, для переписки с близкими себе людьми. На ее адрес стали приходить к нему и письма из Белоруссии от старшей дочери Натальи, вышедшей замуж за одного из лучших офицеров его полка Павла Аркадьевича Воронцова-

Вельяминова, который увез ее в свое имение Вавуличи на Бобруйщине. Каждую весточку о житейских делах и заботах дочери и ее детей, своих внуков, сын поэта воспринимал с отрадным чувством, радуясь тому, что растет и множится пушкинская династия. Александр Александрович, приветствуя младое племя, был уверен в том, что оно достойно понесет дальше эстафету пушкинского рода и неизменно будет хранить светлую память о своем великом предке.

И хотя со времени его службы в Белоруссии прошло более четверти века, и хотя «покорная общему закону» переменилась жизнь, минувшее живо вставало перед ним, напоминая с грустью о белорусском крае, который крепко запал в сердце зелеными нивами, голубыми озерами, сказочными лесами и бесхитростными трудолюбивыми людьми, страдальческую участь которых он искренне пытался облегчить в бытность членом Виленской комиссии по крестьянским делам.

Таким образом, лопасненская почта в конце XIX – начале XX века на совесть поработала в интересах русской культуры.

Известный русский художник Константин Коровин, близко знавший А.А.Пушкина, часто встречавшийся с ним, отмечал, что это был «скромный человек», с «добрыми и удивительными глазами». Художнику приходилось наблюдать за сыном поэта в библиотеке за чтением: «...Лицо его было внимательно и задумчиво кротко. В лице... что-то тихое, благородное и робкое. И образ великого отца его вставал передо мной». [7, с. 563]

Александр Александрович часто бывал в доме известного филолога и искусствоведа, директора Румянцевского музея и основателя Музея изящных искусств (Музей изобразительных искусств им. А.С.Пушкина) Ивана Владимировича Цветаева, и его дочь, будущая поэтесса, с интересом вслушивалась в разговоры отца с именитым гостем, стараясь разглядеть в нем пушкинское начало.

Сын поэта воспринимался ею как вещественное доказательство, как живая кровь и жизнь писателя, перед которым она благоговейно склоняла голову, в котором неизменно подспудно ощущала, как ей казалось, творческое сочувствие, настолько вся она была проникнута любовью к пушкинскому слову, мечтая, чтобы и к ее «стихам, как драгоценным винам», пришел «свой черед». [8, с. 429]

Не только известные деятели русской культуры уважали и ценили Александра Александровича, но и простые люди. Крестьяне деревни Львовка, принадлежавшей ему в Болдинских окрестностях, и сегодня с гордостью заявляют: «Мы... не какие-нибудь завалящие, мы тоже пушкинские!» Старики еще в 70 – 80-е годы прошедшего века вспоминали его участливое расположение к людям, готовность прийти на помощь тем, кто в ней нуждался. Из поколения в поколения передается добрая память о нем: «Уж такой, говорят, справедливый и обходительный был человек!». [9]

Александр Александрович оказался прекрасным семьянином, отцом 13 детей. Правнучка поэта Н.С.Шепелева рассказывала в телепередаче «... И обо мне вспомнит» 29 мая 1998 года (канал «Культура», Россия) о своих впечатлениях: «Семья у Александра Александровича была большая, шумная, но дружная и добрая. Младшие тянулись к старшим, все уважали пожилых людей, были внимательны друг к другу. Это был народ интересный, образованный...

Обычно переживали ложные высказывания о поэте, его жене... Александр любил Лопасню, ее старинную церковь, красивый дом, в котором жил, парк с семью большими и малыми прудами, с благоустроенными липовыми аллеями, по которым часто прогуливался сам, или с детьми, или с гостями» [10].

Всю жизнь Александр Александрович чувствовал ответственность за славное имя, полученное при рождении, стараясь быть его достойным носителем. Никогда и ни в чем он не запятнал фамилию отца, память о котором была для него святой. Он благотворил свою мать, преждевременная смерть которой потрясла его, уважал отчима П.П.Ланского за благородство души. Верный сын России, человек высокого общественного долга, стойких нравственных качеств Александр Александрович служил образцом поведения для тех, кто имел счастье быть знакомым с ним. Весомым вкладом в развитие Пушкинианы он «приобрел право на вечную благодарность русских людей» [11, с. VIII].

Скончался А.А.Пушкин 19 июля 1914 года в возрасте 81 года, разволновавшись, узнав о вступлении России в войну с Германией, сожалея, что по причине преклонного возраста и состоянию здоровья уже не в силах взять оружие в свои руки.

Вначале был погребен (тело его забальзамировали) недалеко от усадьбы своей второй жены М.А.Пушкиной (в девичестве Павловой, 1852 – 1919) в селе Марыгино Каширского уезда.

Только в 1963 году по настоянию его потомков, стремившихся выполнить волю сына поэта, его перехоронили в городе Чехове – в любимой им Лопасне.

При захоронении присутствовали писатели. Александру Александровичу были возданы воинские почести, в память о нем прогремел салют. Рядом с ним покоится обожаемая первая жена Софья Александровна Пушкина (в девичестве Ланская, 1836 – 1875, племянница отчима, с которой сын поэта вместе воспитывался), некоторые из детей и внуков.

Человек светлой души, безупречной честности и рыцарского благородства Александр Александрович Пушкин прочно прописан в человеческой памяти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пушкин, А. С. Собрание сочинений: В 10 т. / А. С. Пушкин. – М: Худ. лит., 1978. – Т.10.
2. Тихановский, А.Н. Памяти исторического прошлого Нарвского полка / А.Н. Тихановский. – Спб., 1897.
3. Цит по: Цявловская, Т. Г. «Храни меня, мой талисман...» // Прометей. – 1974. – № 10.
4. Гард, Э. Потомки Пушкина / Э. Гард // Тридцать дней. – 1936. – №6. – С. 92 – 96.
5. Любимов, Д. Из воспоминаний // Вопросы литературы. – 1961. – С.156 –166.
6. «Русские ведомости». – от 27.05.1899.
7. Константин Коровин вспоминает... – М., 1971.
8. Цветаева Марина. Моим стихам, написанным так рано... (1913) // Серебряный век русской поэзии. – М., 1994.
9. Киреев, И.В. Предания и песни болдинской старины / И.В. Киреев. – Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1972.
10. Шепелева, Н.С. «... И обо мне вспомнят» / Н.С. Шепелева // Телепередача по каналу «Культура» (Россия) 29 мая 1998 г.
11. Модзалевский, Б.А. А. Пушкин /Б. А. Модзалевский // Пушкин и его современники: материалы и исследования. – Пг., 1914. – Вып. 19–20.

РАЗДЕЛ II. ОТРАЖЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С.ПУШКИНА

ЖИГАЛОВА ВИКТОРИЯ ВИТАЛЬЕВНА (МАЛОРИТА, БЕЛАРУСЬ),
учащаяся 10 «Б» класса Малоритской районной гимназии

УДК 821.161.1

ПУШКИНСКИЙ ЯЗЫК СДРУЖИЛ НАРОДЫ МАЛОРИТЧИНЫ

Аннотация

В статье показано, как русский язык на Малоритчине, школьный литературный музей А.С. Пушкина, фестиваль культур помогают не только познавать и развивать русскую и этническую культуры, но и сближают судьбы разных народов.

Ключевые слова: Пушкин, русский язык, Малоритчина, судьбы народов

На Малоритчине, расположенной на границе Украины и Польши, проживают сегодня представители более 20 наций и народностей. И неудивительно, потому что здесь в разные исторические периоды земли принадлежали то Польше, то России, то Украине [1]. И то, что люди разных национальностей здесь понимают друг друга, во многом зависит и от того языка, на котором они общаются, какие культурные ценности сохраняют, какие традиции соблюдают [2]. Не будет преувеличением, если я скажу, что Малоритчину сдружил язык Пушкина, русский. И хотя он здесь, конечно, имеет много заимствований и из других славянских языков, украинского и польского, но остаётся ведущим многие годы.

В силу разных исторических событий в малоритском многонациональном регионе постоянно и активно происходило сближение народов многих этносов, сглаживая их национальные различия. А их традиции отложились в памяти жителей Малоритчины – в первую очередь, в языке литературного и песенного творчества, который является средством взаимодействия поколений, культур и цивилизаций.

Поэтическое творчество писателей представлено на Малоритчине в большинстве своём тоже на русском языке. Это способствует «смягчению» отношений между людьми различных национальностей, которые говорят по-русски, но умеют ценить традиции другой культуры, каждая из которых занимает своё достойное место на Малоритчине.

И сегодня, общаясь по-русски, здесь живут в мире и согласии представители России и Азербайджана, Армении и Украины, Польши и Израиля, Пакистана и Казахстана, Туркменистана и Узбекистана и др.

Во многом содействует такой гармонизации отношений и то, что язык Пушкина в Беларуси является вторым государственным языком, который становится для каждого из нас родным уже с детства.

И нет ничего удивительного, что пушкинисты из Ореховской средней школы создали музей Пушкина в белорусской глубинке, который за 35 лет своего существования принял более 20 тысяч посетителей из различных стран мира: белорусов и поляков, украинцев и китайцев, туркменов и узбеков, евреев и казахов. Среди них учителя и учащиеся, преподаватели высших учебных заведений и известные учёные, писатели и поэты, депутаты и журналисты, сотрудники музеев и государственные служащие, инженеры и студенты.

Первая запись в книге отзывов здесь была сделана 15 марта 1985 года участниками Всесоюзного семинара бывшего Советского Союза, которые поблагодарили создателей за «неожиданно приятную встречу с А.С.Пушкиным» и пожелали «дальнейших успехов и неутомимой энергии в этом благородном труде» [из книги отзывов и предложений музея].

Хозяева фестиваля, малоритчанки-белоруски, приглашают гостей

И то, что в этом соцветии культур в Беларуси в целом и на Малоритчине в частности, язык Пушкина, русский, по-прежнему является языком межнационального общения, подтвердили Дни культуры, которые проходили в октябре 2019 года.

То, что каждая культура, представленная малоритчанам и её гостям, не чужая белорусам, я убедилась, побывав в этом году на Малоритском региональном фестивале национальных культур под названием «Соцветие культур», который стал уже в Малорите традиционным. Он проводится раз в два года. На этот раз 19 октября 2019 года Фестиваль национальных культур в Малорите собрал представителей разных диаспор, живущих в Брестской области.

Сюда съехались представители разных национальностей: азербайджанской, армянской, белорусской, еврейской, кабардино-балкарской, польской, русской, туркменской, украинской и др.

Гостей приветствуют представители народных ансамблей Малоритчины «Рыцкі куфэрак» и «Хотиславяне»

Открыл фестиваль народный ансамбль песни «Рыцкі куфэрак», художественный руководитель А. Борисюк (г. Малорита) песней «Добры дзень Вам, госці». Многочисленных гостей праздника порадовали народным творчеством многие национальные артисты: выступили 20 самодеятельных коллективов и солистов, которые исполнили национальные танцы, песни как на русском, так и на родных им языках.

Участники фестиваля демонстрировали и своё искусство вышивки, соломоплетения, знакомили посетителей с национальными традициями.

Угощение от украинского стола

Приветствует гостей молодое поколение россиян

Звучали стихи и песни разных народов: кабардинская народная песня «Къофэ адыга» («Кабардинцы танцуют»), азербайджанская народная песня «Азербайджан», туркменская народная песня «Йурэж сеси» («Танцы на стекле»), украинская народная песня «Зелёная вишня» и др.

Туркмены-малоритчане на фестивале

Особенно мне показались зажигательными танцы: армянский танец невесты (Кристина Джаванян, Малоритский район), туркменский народный танец «Кушт депди», исполненный танцевальным коллективом БрГУ им.А.С.Пушкина (рук. Эзис Сатлыков), еврейский народный танец «Хава-Нагила» (народный ансамбль «Юность», г. Барановичи) и др.

Соцветье культур Малоритчины: азербайджанцы, армяне, евреи, казахи, туркмены, узбеки

Украинцы-малоритчане угощают гостей фестиваля

В этот солнечный день на фестивале в Малорите перед Домом культуры я побывала и на выставке декоративно-прикладного искусства разных стран. Здесь каждый посетитель смог не только познакомиться с национальными изделиями, но и купить их, а также попробовать фирменные национальные блюда, которые привезли сюда представители диаспор.

Радостные лица гостей праздника

Я радовалась, что видела счастливые лица своих земляков и гостей праздника, благодаря которым до позднего вечера в моей поликультурной Малорите не смолкали песни и танцы разных народов, чувствовавших себя здесь единой семьёй, которую ещё больше сдружил и укрепил фестиваль национальных культур и наш пушкинский русский язык.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. «Заставацца сабой...»: Гніламёдаў Уладзімір /уклад. Мікола Мікуліч. – Мінск: Выдавецтва «Четыре четверти», 2012. – 574с. – С. 8-9.
2. О песенном творчестве белорусско-польского пограничья читайте в книге: Gdzie bije zrodlo...: Piesni ludowe pogranicza Polski i Bialorusi/ redakcja: Feliks Czyzewski, Agnieszka Dudek-Szumigaj, Marija Zygalova; Transkrypcja: Anna Michalec, Lidija A.Zacharczuk. – Lublin – Wisznice, 2015. – 288s. – S 37-51; 95-109.

ЗАХАРЧУК ЛИДИЯ АЛЕКСАНДРОВНА (БРЕСТ, БЕЛАРУСЬ),
кандидат педагогических наук, доцент Брестского
государственного университета имени А.С. Пушкина

УДК 398:821.161.1

ДУХОВНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XIX ВЕКА

Аннотация

В данной статье рассматриваются духовно-нравственные, эстетические аспекты народного творчества, определяются сущностно-содержательные характеристики фольклора, особенности его функционирования. Подчеркивается значение некоторых фольклорных жанров для развития русской классической литературы на примере творчества А.С. Пушкина

Ключевые слова: духовность, ценности, народ, творчество, культура

Феномен фольклора становится объектом изучения в XVIII веке. До этого времени доминировал стихийный интерес к народному творчеству: народные песни, танцы, инструментальные наигрыши рассматривались параллельно с церковными обрядами, кантатами, духовными стихами.

Стандартный словарь фольклорной мифологии и легенд насчитывает более двух десятков определений этого феномена культуры, которые дают представители различных направлений зарубежной и отечественной науки.

Некоторые ученые отмечают такие признаки, как устность, традиционность фольклора. Коллективность, как важнейший признак народного творчества, многие авторы не рассматривают.

Нет единства и во взглядах на сущность, место, роль фольклора в истории развития культуры, особенностей его функционирования, возникновении и формировании видов и жанров искусства. Например, фольклорист В.Е. Гусев рассматривает это явление в трех аспектах: как культуру нецивилизованных народов, как «реликт первобытной культуры в культуре цивилизованных обществ и как «культуру народных классов в цивилизованных странах»[1, с. 128].

Между тем, отмечая роль фольклора в культуре общества, исследователи народного творчества указывают, что по кругу входящих в него представлений

и по своим функциям фольклор имел для народа более широкое значение, чем искусство. Он был для народа историей, философией, социологией, педагогикой, источником творческого вдохновения художников, поэтов, музыкантов. Многие представители русской классической литературы: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов исследуют нравственные аспекты человеческой жизни, исходя из духовных ориентиров, сформированных в народной культуре, рассматривают народное творчество как основу для развития видов и жанров искусства.

Современный этнограф К. В. Чистов характеризует фольклор как «совокупность устных, словесных текстов, функционирующих (или функционировавших) в быту какого-либо этноса или его какой-либо локальной, конфессиональной, профессиональной или иной первичной контактной группы» [2, с. 21].

Некоторые фольклористы рассматривают фольклор как искусство по форме и не искусство по функциям, очевидно полагая, что народное творчество явилось источником создания видов искусства в содержательном, образно-тематическом плане и жанровом многообразии.

Несмотря на наличие различных подходов к определению рассматриваемого понятия, его сущности и роли, в то же время, обнаруживается и тенденция единства большинства философов, культурологов, этнографов, музыковедов к определению народного творчества.

Мы предлагаем терминологическую характеристику фольклора как коллективного творчества народа, охватывающего различные стороны его жизнедеятельности, в том числе духовно и эстетически направленные виды художественного творчества: поэтического, музыкального, хореографического, драматического и др., и отражающего его жизнь, воззрения, идеалы.

Широкий спектр применения фольклора, его многоуровневость, богатое жанровое разнообразие не позволяют в рамках одной статьи охватить это сложное явление во всех его формах и проявлениях. Мы рассмотрим духовно-эстетические аспекты народного творчества и определим значение лишь некоторых фольклорных жанров в творчестве А.С. Пушкина.

Решая задачу комплексно, необходимо изучать особенности функционирования фольклора (устно-поэтического, музыкального, календарно-обрядового, внеобрядового, других видов).

Комплексный подход к исследованию фольклора предполагает наличие способности к многообразному, глубокому проникновению в сущность этого явления, рассмотрению его в синкретическом единстве всех сторон через теоретическое осмысление философско-исторических национальных особенностей фольклора, его воздействия на духовно-эстетическое развитие личности.

В широком понимании фольклор не может ограничиться отдельными видами народного творчества, поскольку в нем объединяются утилитарно-организационный, нравственно-эстетический, мировоззренческий аспекты народной культуры как результат развития многих поколений. В системе фольклорного мировосприятия, отмечают исследователи, полезное, доброе и прекрасное всегда были в синкретическом единстве. Фундаментальными идеями в

народном творчестве всегда были и остаются те, которые возрождают веру, обновляют жизнь, прославляют природу и человека.

Многозначность фольклора, специфический характер его происхождения и развития определили различную функциональную направленность народного творчества.

Среди функций фольклора выделяются следующие: утилитарная, гносеологическая, воспитательная, этическая, информационная, коммуникативная, ритуальная, эстетическая.

Ни одна из вышеуказанных функций фольклора не выступала и не выступает изолировано. В каждый исторический период она проявляется в зависимости от изменений общественных условий жизни людей: может быть ведущей или находиться в начальной стадии развития и ждать своего часа проявления. Утрата фольклором утилитарной функции в современных условиях не устраняет его синкретического характера, поскольку практическая, этическая, эстетическая и некоторые другие функции были слиты уже в ранних образцах народного творчества. Выделяя гносеологическую функцию, следует обратить внимание на то, что народная культура является итогом накопления огромного эстетического опыта и духовных знаний. Этот опыт стал для многих видов искусства, а также для других видов эстетической деятельности, неисчерпаемым источником эстетических знаний и обобщений, творческой деятельности, поскольку в процессе формирования и развития эстетического сознания общества именно народное творчество является первичным обобщением и объединением его духовных, эстетических, художественных представлений.

Коммуникативная функция фольклора проявляется, на наш взгляд, в непосредственном художественном творчестве, эстетической деятельности, которые объединяет людей. способствуют их взаимопониманию. Она взаимосвязана с информационной, которая и находит отражение в процессе эстетического восприятия фольклора.

Педагогическую функцию нам необходимо особо выделить как ведущую, так как большинство образцов народного творчества, наряду с практической направленностью, обладают не только совершенством формы и содержания, но и большой силой эмоционального воздействия на личность, источником и средством воспитания. Дидактическая функция многих фольклорных жанров определяет направленность фольклора, что является его характерной особенностью по сравнению с другими видами искусства.

Функциональное, жанровое, этнографическое разнообразие фольклора, его древнее происхождение и тенденции исторического развития предопределили существование комплекса наук, изучающих народное творчество с различных аспектов.

- история – историческое содержание фольклорных произведений,
- этнография – материальную культуру, культурно-бытовые взаимоотношения народов,
- лингвистика – связь словесного и музыкального текстов,

- музыкальная психология – развитие музыкального мышления, восприятия и творчества;
- археология – материальные ценности музыкальной культуры (музыкальные инструменты),
- фольклористика изучении музыкально – поэтического творчества народа, его быта в историческом развитии,
- педагогика – использование фольклора как средств образования и воспитания с целью формирования культуры личности.

Многовариантность определения фольклора, его полифункциональность, выявление специфических особенностей в различных областях человеческого знания (философии, истории, этнографии, литературе, музыке, эстетике, педагогике и др.), несомненно, свидетельствуют о том, что традиционная народная культура, представленная жанрово-содержательным многообразием, богатством художественных средств – явление значительное, духовно и эстетически ценное в развитии общества. Народное творчество представляет собой значительную часть в конгломерате культуры в целом, и является специфической формой творчества, частью художественной культуры.

Роль, место, функции фольклора в жизнедеятельности людей детерминируются историческим типом определенной системы духовной культуры, в составе которой он возникает, существует и функционирует. Фольклор в целом, как и конкретные его проявления, характеризуется как сумма детерминант исторического, экономического, национального характера, удовлетворяющих духовно-практические потребности человека.

Уже на ранней стадии развития духовной культуры фольклор был полифункциональным, обслуживая познавательные, коммуникативные, магические, религиозные, этнические и другие потребности общества. Об этом пишут В.Л. Гошовский, И.И. Земцовский, К.В. Квитка, Ф.А. Рубцов и другие исследователи. "Народная песня, – отмечает фольклорист В.Л. Гошовский, – как явление социальное, сложившееся в определенных исторических условиях, всегда выполняла в жизни народа определенную функцию" [3, с. 13]. Функция песни определяла характер и тип напева, образное и эмоциональное содержание, которое зависело от времени года, характера народного праздника или события, типа трудовой деятельности, эмоционального состояния исполнителя.

История каждого народа, его традиции, обычаи, национальный характер широко и многообразно отражены в музыкальном, календарно-обрядовом и других видах фольклора, пестром жанровом разнообразии. Возникновение народной музыки и большинства обрядовых элементов относится к глубокой древности. Данные археологии и этнографии убеждают, что элементы танца, краткие напевы, охотничьи сигналы существовали в эпоху зарождения цивилизации и служили целям общения, организации коллективного труда, эмоционального воздействия на человека, магического – на природу.

В настоящее время мы имеем незначительное количество работ, исследующих историю развития музыкальной культуры славян. Остается открытым вопрос – была ли музыка древних людей примитивной или достаточно развитой и эстетически полноценной? К.С. Давлетов, например, отмечает, что в самый

ранний период истории развития человечества художественное творчество вообще не существовало в самостоятельном виде, так же как и вся духовная деятельность. По мнению Ф.А. Рубцова музыкальная культура древности была достаточно развитой, но затем ее развитие приостановилось.

В.Л. Гошовский утверждает, что славяне отличались большой музыкальностью, музыканты служили при дворе византийских царей, что свидетельствует о высоком уровне исполнительского мастерства и эстетической ценности славянской народной музыки.

Характеризуя фольклор в системе культуры, следует отметить параллельное существование фольклорных и нефольклорных форм; "культурный дуализм", функционировавший в различных областях общественной жизни, фольклор перестает быть единственной сферой, составлявшей культурную традицию этноса. Дифференциация происходит также внутри самого фольклора, в связи с чем выделяются жанры с доминирующей эстетической функцией (эпические песни, сказания, былины, лирика и др.) и жанры, в которых эстетическая функция вторична (обрядовый фольклор, трудовые, колыбельные песни). В этой группе духовные и эстетические основы возникают и проявляются в связи с практической реализацией художественного замысла. Несмотря на некоторую ограниченность в формах проявления, фольклор продолжает выступать важным интегрирующим компонентом материальной и духовной культуры народа.

Постепенно мелодии фольклорных произведений усложняются, ритм становится более разнообразным, динамика более гибкой и фольклор в ходе своего развития (особенно вокальные его жанры) выполняет не только утилитарно-организационную, магическую функции, но и в равной степени нравственно-эстетическую, становясь неотъемлемой частью народных праздников, увеселений, зрелищ, приобретая воспитательную направленность. Народная культура возносится над повседневностью и олицетворяет собой силу и красоту трудового народа,

Богатые средства художественной выразительности, идейно-образное содержание фольклора способствовали тому, что он становится эстетической ценностью сначала крестьянской, а затем городской духовной культуры, удовлетворяя нравственно-эстетические потребности народа, соответствуя его этическим, эстетическим нормам.

Функциональная направленность народной музыки, ее выразительные средства формировали традиционный тип музыкально-эстетического мышления, развивали навыки ее восприятия и исполнения, а также способствовали выработке критериев эстетической оценки.

В период формирования национальных культур, возникновения, дифференциации и развития видов искусства, фольклор становится источником развития многих художественных жанров, проникает в профессиональное искусство, приобретает значение неотъемлемой части всей культуры и быта. Нередко именно в фольклоре народ находил ту моральную поддержку, которая помогала ему отстоять нравственно-эстетические идеалы и принципы.

В эпоху становления буржуазной культуры фольклор сначала перемещается с «низшего уровня» на «высший уровень» культуры, охватывая многие виды и

жанры искусства (литературу, живопись, театр, музыку и др.), приобретая значение формообразующего элемента национальной культуры. В 19-20 вв. многие собиратели фольклора создают сборники народного творчества, представляющие духовно-эстетическую ценность в культуре народа.

Особое внимание преемственности народной культуры, вопросам ее сохранения уделял В.Ф. Одоевский. Современно звучат его мысли о необходимости изучения национальной культуры, о том, что не модные западные образцы, а созданное своим народом способствует формированию духовных ценностей. В народной культуре заложен огромный источник эстетического и нравственного влияния на молодежь. "Народная музыка, отмечает В.Ф. Одоевский, – дело важное во всех отношениях, не даром древние (см. Платона, Плутарха и пр.) видели тесную связь между музыкой и народными нравами" [4, с. 201].

Проблема сохранения традиционной народной культуры нашла отражение и в творчестве А.С. Пушкина, который трепетно и бережно относился к фольклору в целом и к народной песне – ведущему жанру музыкальной культуры. Духовно-эстетические ценности русской народной культуры, преломляясь через творческий, индивидуальный опыт поэта, входили в психологическую его структуру и проявлялись в форме творческой, художественно-поэтической деятельности, личных отношений, которые воздействовали на нравственные ориентации, эстетические суждения, оценки общества. Духовно-эстетические ценностные ориентации А.С. Пушкина в области традиционной культуры определялись как в форме нравственно-эстетической оценки к конкретному фольклорному произведению, так и отношением к народному творчеству в целом.

Исследователь Е.И. Дворникова отмечает, что русская классическая литература XIX века представляет собой сумму «вочеловеченных» идей, выражающихся в системе эстетических конфликтов: человек и природа, человек и общество, человек и история, человек и власть, человек и судьба, человек и народ, человек и Бог, человек и обстоятельства... [5, с. 9].

В творчестве А.С. Пушкина и в русской литературе в целом отражены ценностно-нормативные основы народной культуры, в которой наряду с национальным заложен глубокий духовно-нравственный, общечеловеческий потенциал, выраженный в приоритете таких ценностных этических и эстетических категорий как добро и справедливость, совесть и долг, любовь и красота.

Говоря о духовно-нравственных аспектах творчества А.С. Пушкина, С.Л. Франк указывает, что «... муза его мысли и духовной жизни есть настоящая русская муза: ее истинная духовная глубина, ее великая и серьезная жизненная мудрость проникнута той простотой, безыскусственностью, непосредственностью, которая образует невыразимое своеобразие русского духа» [6, с.420].

Основоположник русской национальной музыки М.И. Глинка находил вдохновение в народных песнях, утверждая, что музыку создает народ, а композиторы ее аранжируют. Его современник А.С. Пушкин также черпал художественные образы, погружаясь в сокровищницу народной культуры, музыки, философии. Поэт впервые в русской литературе использует нестилизированные народные песни (например, обрядовая «И вынулось колечко ей под песенку старинных дней»).

В творчестве Пушкина встречаются старинные русские народные песни («Зимний вечер»).

Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила.
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.

Фольклористы отмечают, что поэт настолько погружался в народное творчество, что иногда его собственные сочинения неотличимы от подлинных фольклорных произведений.

Характер исторических народных песен можно проследить в произведении «Песни о Стеньке Разине», в романе «Евгений Онегин» это лирическая песня «Девушки, красавицы». Эту традицию продолжил великий русский композитор П.И.Чайковский, создавая в одноименной опере народную сцену с великолепным женским хором.

Духовно-нравственные черты, эстетические ценностные характеристики русского народа (доброта, милосердие, терпимость, страдание, любовь, смирение, возвышенность, честь, благородство, простодушие, искренность, скромность и др.), представленные во многих видах и жанрах фольклора, составляют основу положительных героев в творчестве А.С. Пушкина.

В русском песенном фольклоре простые, искренние люди всегда едины в своем стремлении к добру и миру. Об этом же писал А.С. Пушкин «Когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся...».

В сегодняшнем социально-политическом хрупком мире, с потоком негативной информации о человеке, его месте в общественной жизни особенно актуальны мечты великого поэта.

Пушкин изучал творческое наследие русского и других народов, перекладывая на стихи молдавские, цыганские, татарские, грузинские, украинские песни и, затем используя народные мотивы в своих произведениях. Впоследствии многие композиторы, обращаясь к творчеству поэта, создавали шедевры русской музыкальной классики на основе этих произведений (так, например, цыганская песня «Старый муж» – песня Земфиры из поэмы «Цыганы» является украшением оперы С. Рахманинова «Алеко»). В связи с этим следует отметить записи русских народных песен известным поэтом, например «Ты, река ли моя, реченька»

58. Ты, река ли моя, реченька

Обработка А. К. ЛЯДОВА

Умеренно

С. Ты, ре. ка ли мо. я, ре - чень. ка, ты, ре. ка ли мо. я быстрая.

А.

Ты, река ли моя, реченька,
Ты, река ли моя быстрая!
Течешь, речка, не колыхнешься,
На крутой берег не взольешься.
На крутой берег не взольешься,
Желтым песком не возмутишься!
«От чего же мне возмутится?
Ни дождя нету, ни вихорю!».
Ах ты, умная девица,
Ах ты, Марья Михайловна,
Что сидишь ты, не улыбнешься,
Говоришь речи, не усмехнешься?
«Что чему же мне смеяться,
На что глядя, радоваться?
Полон двор у нас подвод стоит,
Полна горница гостей сидит.
Уж как все гости собиралися,
Одного-то гостя нет как нет.
Уж как нету гостя милого,
Моего батюшки родимого.
Снарядить-то меня есть кому,
Благословить-то меня некому;
Что снарядит меня родная мать,
Благословит меня чужой отец».

Текст песни записан А.С. Пушкиным

Некоторые критики народное творчество воспринимали как «сниженную культурную ценность». Они предрекали в XX веке исчезновение некоторых его жанров. Однако проходят столетия и, несмотря на то, что многое из фольклорного наследия сохраняется лишь в памяти старшего поколения, значительная его часть возрождается и продолжает жить в атмосфере огромного потока радио-теле-видео информации, в окружении профессиональной культуры.

Этот процесс проходит в сложных условиях, в борьбе старого и нового, художественного и антихудожественного в народном быту, особенность которого составляет временное преобладание процесса активного усвоения потока информации над процессом собственно творческим.

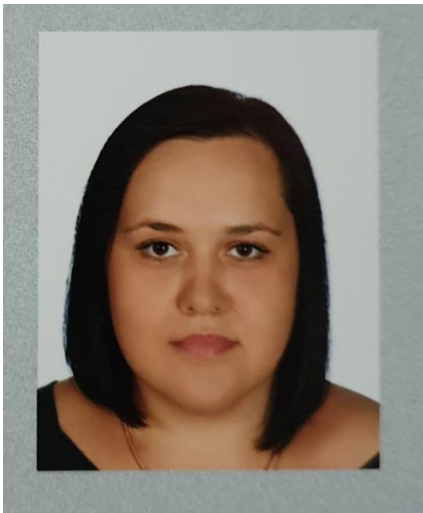
В 1990 году была принята рекомендация ЮНЕСКО государствам – членам ООН о необходимости сохранения фольклора. Рекомендация принята, исходя из того, что народная культура является частью совместного наследия человечества и мощным средством сближения разных народов социальных групп, утверждения их культурной самобытности. В связи с этим возникает необходимость определения роли традиционной культуры как эстетической, нравственной ценности в жизнедеятельности государств, а также устранения опасности исчезновения некоторых ее форм. «Для того, чтобы дать возможность

усвоить ценность традиционной народной культуры и необходимость обеспечения ее сохранения, очень важно широко распространить это культурное наследие» [7].

Следует отметить, что роль фольклора в развитии современной культуры возрастает, он все больше находит применение в различных областях творческой деятельности, распространяется в быту. Яркое свидетельство этому – проведение фестивалей и праздников народного творчества. Глубокие идейно-содержательные основы народного творчества, эстетическая направленность фольклорных произведений формируют потребности в самовыражении, творческом проявлении личности или коллектива. Синкретический характер фольклора способствует его связи с материальной и духовной культурой, непосредственной или опосредствованной, как, например, в календарно-обрядовом, семейно-обрядовом жанрах. Эта связь транслируется веками, приобретая традиционный характер, выражающийся в общих действиях, нормах и принципах общественного поведения, сохраняемых и передаваемых из поколения в поколение. Развитие мировой народной культуры показывает, что ценностный аспект пронизывает большинство фольклорных жанров в философско-смысловом, историческом, образно-содержательном отношении. Произведения фольклора воспроизводят и отражают нравственно-эстетические ценности личности, общества, природы: красоту труда, единство природы и человека. Поэтому народная культура обладает большой силой нравственно-эстетического воздействия на личность. Проявление этой силы, прежде всего в создании фольклорных произведений творцом-сочинителем, которое наряду с практической, ритуальной, коммуникативной функциональной направленностью, присутствует в процессе творчества, а затем в эстетическом воссоздании их исполнителем. В этом диалектическом процессе посредством эстетического отношения (восприятия – понимания – знания – художественного творчества) происходит преломление в эстетическом сознании и практической, профессиональной, творческой деятельности народной культуры предшествующих поколений, осмысление ее как исторической, философской, гуманистической ценности, детерминирующей духовное развитие общества и личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гусев, В.Е. Фольклор как элемент культуры // Искусство в системе культуры / под ред. М.С. Кагана. – Л.: Наука 1987. – 256 с.
2. Чистов, К.В. Народные традиции и фольклор / К.В. Чистов. – Изд. Наука., Ленинград. отд., 1986. – 303 с.
3. Гошовский, В.Л. У истоков народной музыки славян / В.Л. Гошовский. – М.: Сов. Композитор, 1971. – 303 с.
4. Одоевский, В.Ф. Музыкально-литературное наследие / В.Ф.Одоевский: М., 1956. – 723с.
5. Дворникова, Е.П. Духовно-нравственные ценности русской классической литературы // Искусство и образование. – М., 2011.
6. Франк, С.П. О задачах познания Пушкина. Пушкин в русской философской критике. Конец XIX-XX век / С.П. Франк. – М., 1999. – С. 468.
7. ЮНЕСКО, Межправительственный комитет по всемирному развитию культуры, 1990 г.

ЛАЎРЭНКА ЛАРЫСА ВІКТАРАЎНА (БРЭСТ, БЕЛАРУСЬ),
настаўнік гісторыі ДУА “Сярэдняя школа в. Скокі”,
магістр педагагічных навук

УДК 94 (476) «1921/1939»

ГАНДАЛЬ У ЗАХОДНЕБЕЛАРУСКАЙ ВЁСЦЫ Ё 1921–1939 ГГ.

Анатацыя

У артыкуле даецца характарыстыка гандлю ё заходнебеларускай вёсцы. Вызначаюцца асноўныя віды гандлю, якія атрымалі распаўсюджанне менавіта на вёсцы. Раскрываецца роля гандлю ё паўсядзённым жыцці селяніна. Паказваюцца адносіны паміж вяскоўцамі і гандлярамі. Робіцца вынік, што заходнебеларускі рынак меў шэраг спецыфічных рысаў і характарызаваўся невялікай запатрабаванасцю ё спажывецкіх таварах у сувязі з нізкім дабрабытам насельніцтва і захаваннем значнага сектара натуральнай гаспадаркі ё вёсцы.

Ключавыя словы: гандаль, вулічны гандаль, разносна-развозны гандаль, нелегальны гандаль, канкурэнцыя, гандляры, менавы гандаль.

*«Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон щепетильный
И по Балтийским волнам
за лес и сало возит нам»
А.С. Пушкин «Евгений Онегин»*

Гандаль заўсёды займаў значнае месца ё жыцці людзей розных этнасаў. І ё XIX стагоддзі, у час пушкінскага жыцця і творчасці, ён быў у Расіі не толькі разнастайны, але і міжнародны. Аб гэтым сведчаць словы з рамана А.Пушкіна “Евгений Онегин”: *Все, чем для прихоти обильной / Торгует Лондон щепетильный / И по Балтийским волнам / За лес и сало возит нам.*

А якім ён быў у Заходняй Беларусі крыху пазней, ужо у пачатку XX стагоддзя? Паспрабуем сваім артыкулам адказаць на гэтае пытанне.

У 20–30-я гады XX стагоддзя гандаль займаў важнае месца ё сацыяльна-эканамічным жыцці Заходняй Беларусі і быў прадстаўлены стацыянарным,

перыядычным і неперыядычным гандлем. Вясквы гандаль быў бедны, дрэнна арганізаваны і складаўся з вялікай колькасці аднаасобных устаноў.

Гандаль у заходнебеларускай вёсцы насіў пасіўны характар. Тавары пастаўляліся ў той колькасці, якая магла быць рэалізавана, бо пакупная здольнасць сельскага насельніцтва была вельмі нізкай. Апроч падаткаў, сяляне плацілі масу розных збораў і павіннасцяў.

Саміх гандлёвых выплат на той час існавала каля 60 відаў. Найболей распаўсюджанымі былі выплаты ў выглядзе завышаных цэн на тавары першай неабходнасці, такія як: газа, соль, цукар, запалкі і г.д.

Асноўнымі харчовымі таварамі, напрыклад, жыхароў в. Чудзін Лунінецкага павета з'яўляліся хлеб, бульба, агуркі і капуста. Мясца, малака, а таксама цукар ужываліся ў невялікіх колькасцях. Яйкі вельмі часта мяняліся ў крамах на соль, фарбу, запалкі і іншыя дробязі [1, с. 198].

Паўсюднай з'явай, якая была характэрна як для гарадскога, так і для сельскага гандлю, як адзначалася раней, быў гандаль «на вока». Цэны былі вельмі нізкія. Увесну 1932 г. 1 кг. ялавічнага мяса яўрэй-пасрэднік прадаваў па 50 грошаў. Цана за цэлую карову ў такім разе вагалася ў памеры 15–30 злотых. Гадоўля буйной рагатай скаціны з'яўлялася амаль адзіным заняткам і крыніцай забеспячэння наяўнымі грашыма большасці сельскіх жыхароў Заходняй Беларусі [1, с. 189].

У вёсках, аддаленых ад гарадоў на вялікія адлегласці, прадметы першай неабходнасці сяляне выраблялі самі, а менавіта: хатнія прылады, посуд, адзежу, бялізну, санкі, вазы, сельскагаспадарчы і рамесны інвентар, кошкі, сеткі, харчовыя тавары. Амаль усё сельскае насельніцтва на выраб адзежы і бялізны выкарыстоўвала палатно ўласнай вытворчасці. Сукно можна было набыць толькі праз знаёмых, бо вытворчасцю сукна займалася невялікая колькасць сельскіх жыхароў [2, с. 68-70].

Лішкі вырабленай прадукцыі сяляне вывозілі на базары і кірмашы, дзе большасць тавараў куплялі пасрэднікі. Продаж у сельскіх мясцовасцях Заходняй Беларусі ажыццяўляўся за грошы, але шырока быў распаўсюджаны і менавы гандаль. Асноўнымі прадуктамі абмену сялян былі малочныя прадукты, птушка, жыта і бульба. Мянялі іх галоўным чынам на прамысловыя тавары: абутак, скуру, адзежу, мануфактуру.

Так, у в. Чудзін вельмі мала прадавалася малочных прадуктаў. Яйкі тут абменьваліся ў мясцовых магазінах на соль, фарбу для льняных сукенак, запалкі, газу і іншыя тавары. Ні масла, ні малака не прадавалі, бо самі адчувалі недахоп дадзенага віду тавараў. Кірмашы і базары, якія праводзіліся ў Клецку і Ганцавічах, на гаспадарчае жыццё в. Чудзін аказвалі малаважны ўплыў. Часцей за ўсё селянін ехаў туды з мэтай купіць трохі збожжа ці іншых тавараў і адвезіў туды трохі льнянога насення, сушаных грыбоў або некалькі штук авечых шкур [1, с. 189].

У в. Лагішын Пінскага павета мясцовае насельніцтва займалася эксплуатацыяй змешчаных тут залежаў мелу. Мел фармавалі ў шарыкі дыяметрам 10 см, які

выкарыстоўваўся для пабелу сцен, а таксама іншых гаспадарчых мэт. Продаж яго ажыццяўлялася ўзімку. Лагішынец падрыхтоўваў воз «белым таварам», мяшкамі для бульбы і адпраўляўся ў дарогу. Паездка звычайна праходзіла па навакольных вёсках, дзе мел абменьваўся на бульбу. Кошык мелу ацэньвалася ў памеры 1:1, гэта значыць за адзін кошык мелу давалі адзін кошык бульбы. Менавы гандаль распаўсюджаны быў і сярод ганчароў [2, с. 75].

Нелегальны гандаль быў найбольш развіты менавіта ў вёсках і на перыферыі гарадоў – там, дзе кантроль улад быў слабым.

Палатачны гандаль выконваў галоўным чынам дапаможную ролю пры распаўсюджванні тавараў у населеных пунктах, дзе праводзіліся рынкі. Дыферэнцыраваны асартымент тавараў палатак, а таксама іх лёгкі перанос з месца на месца рабіла магчымым абслугоўванне кліентаў, якія масава з'язджаліся ў мясцовасці, дзе праводзіліся рынкі і базары. Неабходна адзначыць, што выезд на рынкі часта складаў адзіную вялікую падзею для сельскага насельніцтва, якое вяло на вёсцы даволі аднастайнае жыццё.

Розныя грамадска-эканамічныя ўмовы ўплывалі на тое, што вандроўны гандаль набываў зусім розныя формы ў горадзе і на вёсцы. Вандроўны гандаль у горадзе выконваў галоўным чынам раздатачную функцыю (за выключэннем скупкі даўніны), тым часам як на вёсцы галоўнай яе задачай была скупка тавараў з мэтай перапродажу. Прычым перапродаж быў найбольш распаўсюджаным. Праводзіўся ён на аснове абмену. Асноўнымі прадметамі скупкі былі рыззё, пакулле, лён, грыбы і г.д., у абмен за рознага віда галантарэю, мыла і запалкі. Гэта быў натуральны абмен. Вельмі частымі былі выпадкі, што разносчыкі выкарыстоўваючы недасведчанасць селяніна, разлічвалі яго паводле цэн на 100% вышэй ад цэн, запрошваемых у горадзе стацыянарным гандлем.

Гандляры ў базарныя дні скуплялі ў земляробаў птушку, масла, яйкі. У пякарнях набывалася печыва, якое потым разносілася па вуліцах і дамах. Гандляры марожаным з Давыд-гарадка з пачаткам сезону бралі з сабой амуніцыю, неабходную для доўгага пастоя ў іншых гарадах, і адпраўляліся ў суседнія паветы, дзе выраблялі і прадавалі свой тавар за наяўныя грошы [3, арк. 39]. Ганчары з Гарадной у асноўным мянялі свае гаршкі на зерне. Неабходна звярнуць увагу на тое, што разносна-развозны і вулічны гандаль у вялікіх гарадах быў слаба развіты. Гандаль у вялікіх гарадах ажыццяўляўся пераважна асобамі з суседніх ваяводстваў, якія гандлявалі мануфактурай, кілімамі і г.д. [3, арк. 26зв]. Жыхары Давыд-гарадка продавалі з вазка цукровыя ледзянцы і насення агародніны ўсіх відаў. Жыхары вёскі Гарадная спецыялізаваліся на продажы гаршкоў уласнай вытворчасці. Агульная колькасць асоб, якія займаліся разносна-развозным і вулічным гандлем у Палескім ваяводстве, складала каля 650 чалавек [3, арк. 26].

Разносчыкі, якія прадавалі па вёсках, таксама збіралі замовы на тавары і дастаўлялі іх пазней, ці самі іх куплялі за гатоўку ў невялікіх колькасцях. Маглі браць у камісіённы продаж ад ананімных вытворцаў, напрыклад шакалад,

цукеркі, наборы для шыцца, мануфактуру і інш. Скуплялі для далейшага перапродажу яйкі і трусіны мех у сялян-вытворцаў.

Нягледзячы на шматлікія цяжкасці імкненне сельскага насельніцтва да заснавання ўласных магазінаў было вялікім і апраўдана дадатковымі прыбыткамі, атрыманымі з сельскай гаспадаркі.

Сельскія магазіны ў большасці сваім былі маленькімі, складаліся з аднаго памяшкання і падобныя былі на дробныя лаўкі і нават прылаўкі. Яны не мелі наёмных работнікаў, як правіла, там працаваў толькі адзін чалавек, які з'яўляўся і прадаўцом, і ўладальнікам магазіна. Абароты дадзеных прадпрыемстваў былі малымі і маглі складаць да 22 злотых штодня. Асноўную масу ўладальнікаў сельскіх магазінаў складалі яўрэі. У бедных вёсках, у якіх збожжа хапала толькі для таго, каб пракарміць сям'ю, таваразварот быў зусім нязначны.

У в. Чудзін ў 1920-х гг. XX ст. налічвалася каля 9 магазінаў і магазін гарэлкі. У часы лепшай кан'юнктуры і калі заробкі былі адносна высокімі, у магазінах можна было набыць шакалад, цукеркі, арэхі і іншыя ласункі. Тут знаходзіліся таксама магазін каўбасных вырабаў і піўная, якія мелі пастаянных кліентаў не толькі сярод прыезджых рабочых, але і мясцовай моладзі [1, с. 190].

У 1930-я гг. колькасць магазінаў скарацілася да 5. Нягледзячы на скарачэнне колькасці магазінаў, асартымент тавараў застаўся практычна ранейшым. Тут можна было набыць усё неабходнае: ад хлеба да змазкі для вазоў. Уладальнікамі магазінаў былі пераважна яўрэі. З 5 магазінаў толькі ў 2 уладальнікі былі хрысціянскага веравызнання, адзін з якіх прыязджаў з Давыд-Гарадка. Найбольшай папулярнасцю карыстаўся магазін прыезджага па мянушцы «Haradzuk» («Гарадчук»), сям'я якога мела магазіны ў шматлікіх навакольных вёсках: Малых і Вялікіх Ружанах, Гаўрыльчыцах, Чучэвічах, Калках і інш. Рэалізуемыя ім тавары прывозіліся з Барановіч, а ў дакрызісны перыяд – з Вільна [1, с. 190].

Дыяпазон цэн у Чудзіне, Ганцавічах і Клецку быў разнастайным. Ад станцыі Ганцавічы тавар дастаўляўся на вазах у невялікіх колькасцях, у залежнасці ад аддаленасці ад станцыі цана на яго расла. Так, напрыклад, 1 кг цукру ў Ганцавічах каштаваў 1 злоты 65 грошаў, а ў Чудзіне – 2 злотыя 10 грошаў. У 1930-е г. большасць тавараў першай неабходнасці набываліся сялянамі Чудзіна ў Ганцавічах. Ралецкі Р. звязвае дадзены выбар са з'яўленнем чыгуначнай келейкі з Ганцавічаў у Людвікава, за праезд па якой сяляне нічога не плацілі. Улічваючы той факт, што лесараспрацоўкі былі прыпынены, сяляне мелі досыць часу, каб набыць дадзеныя тавары па больш нізкай ў Ганцавічах. Але большасць тавараў сяляне набывалі на месцы. Найбольш распаўсюджаным таварам куплі-продажу сельскага насельніцтва была свойская жывёла, якая куплялася непасрэдна ў гаспадара. Былі і спецыялізаваныя рынкі, прызначаныя для куплі-продажу толькі жывёлы. Адбываліся яны галоўным чынам у гарадах і мястэчках [1, с. 190].

Пасля далучэння заходнебеларускіх земель, у вясковым гандлі цалкам дамінавалі яўрэйскія пляцоўкі і працэнт магазінаў, якія належалі яўрэям перавышаў у некаторых ваяводствах 90%. У адпаведнасці з дадзенымі

статыстыка-эканамічнага бюро ў 1935 году колькасць магазінаў у параўнанні з даваенным перыядам паменшылася на 35%.

Колькасць магазінаў у 1914 і 1935 гг. [4, с. 32].

Ваяводства	Колькасць магазінаў у 1914 г.			Колькасць магазінаў у 1935 г.		
	Усяго	З іх, якія належалі яўрэям	У %	Усяго	З іх, якія належалі яўрэям	У %
Беластоцкае	64	54	85	142	23	16
Віленскае	68	54	80	92	39	40
Навагрудскае	16	12	75	38	11	30
Палескае	94	75	80	126	64	50

Для заахвочвання польскіх купцоў-хрысціян да заснавання гандлёвых фірмаў на заходнебеларускіх землях пад канец 1936 г. быў выдадзены дэкрэт які прадугледжваў наданне падатковых льгот для будоўлі такіх прадпрыемстваў на тэрыторыі Навагрудскага, Віленскага, а таксама некалькіх паветаў Беластоцкага ваяводстваў у перыяд з 1 студзеня 1939 г. Дадзеныя мерапрыемствы праводзіліся з мэтай зніжэння ўдзелу яўрэйскага насельніцтва ў гандлі. Аб колькасць яўрэяў у гандлёвых адносінах у 1933 г. і 1938 г. сведчаць дадзеныя табліцы 3.9. Дадзеныя аб нацыянальным складзе заходнебеларускіх гандляроў у 1933 і 1938 гг. [4, с. 40].

Ваяводства	Агульная колькасць гандлёвых пляцовак		Прадпрыемствы					
			Хрысціянскія (у %)		Яўрэйскія (у %)		Змешаныя (у %)	
	1933 г.	1938 г.	1933 г.	1938 г.	1933 г.	1938 г.	1933 г.	1938 г.
Віленскае	13 691	11 708	36,5	29,3	61,9	70,4	1,6	0,3
Беластоцкае	20 349		40,1	27,8	58,2	71,4	1,7	0,8
Навагрудскае	10 544	7 884	34,8	24,0	63,9	75,6	1,3	0,4
Палескае	10 745	7 619	31,5	18,5	66,8	81,2	1,7	0,3

Асноўнай праблемай было тое, што купцы-перасяленцы прадстаўлялі іншы тып гандлю, чым той, які існаваў на тэрыторыі заходнебеларускіх земель. Акрамя таго, яны прапаноўвалі ў большасці выпадкаў тавары, якія заходнебеларускае насельніцтва магло і не ведаць, або такія, да якіх яны не былі прыстасаваны. Вельмі часта гэта былі тавары лепшай якасці, і цэны, адпаведна, на іх былі вышэй, чым на аналагічныя тавары ў яўрэяў. У выніку гэтага ў мясцовага насельніцтва склалася меркаванне пра дарагавізну ў магазінах асаднікаў, якое адпужвала пакупнікоў. Праблема высокіх цэн у хрысціянскіх магазінах і складах прыводзіла да таго, што польскія купцы аддавалі перавагу тавару з яўрэйскага аптовага склада, бо «... цукар у лавачніка, які бярэ ў яўрэя-аптавіка, значна лепш, буйней, а ў лавачніка-каталіка – горшы (пясок), наступствы для другога пакупніка жудасныя, таму што адштурхоўвае ад іх кліентуру». Акрамя таго «у не польскім аптовым складзе абслугоўванне добрасумленнае, і ў фарсіраваным рэжыме, а ў купца ўсё залежыць ад часу» [4, с. 41].

У адным з часопісаў «Курса Wiejskiego» («Сельскі купец») адзначалася: «Як моцна яны [яўрэі] імкнуцца схіліць да сябе дзяцей, якія зазіраюць у іх магазіны. Яўрэй знойдзе для дзіцяці і слова, і ўсмешку, і некалькі цукерак і старанна спакуе тавар. Яўрэй з'яўляецца лепшым знаўцам чалавечай душы, у дадзеным выпадку дзіцячай». Гэта было найбольш удалым метадам з боку купцоў-яўрэяў, бо купцы-сяляне не надавалі ніякай увагі дадзенай «малой катэгорыі кліентаў». Гэта, у сваю чаргу, пазбаўляла іх вялікай колькасці патэнцыйных пакупнікоў, бо дарослыя, занятыя працай, пасылалі ў магазін часцей за ўсё дзяцей» [4, с. 41].

Заходнебеларускі рынак меў шэраг спецыфічных рысаў. Ён характарызаваўся невялікай запатрабаванасцю ў спажывецкіх таварах у сувязі з нізкім дабрабытам насельніцтва і захаваннем значнага сектара натуральнай гаспадаркі ў вёсцы. Шырокае распаўсюджанне ў заходнім рэгіёне польскай дзяржавы нестачыярнага гандлю – вулічнага і вандроўнага – абумоўлівалася спецыфікай тамашняга рынку. Пашыранасць развознага гандлю выклікалася распыленнасцю паселішчаў, а ў Палессі і цяжкадаступнасцю да іх праз палескія балоты і пушчы. Вулічныя і вандроўныя гандляры мелі паважлівыя адносіны з пакупнікамі ў вёсках адпаведна са старадаўняй традыцыяй. Шырокае распаўсюджанне вулічнага і вандроўнага гандлю ўцягвала ў гандлёвую дзенаць дробных вытворцаў (рамеснікаў, сялян-саматужнікаў і сялян-земляробаў), а таксама перакупшчыкаў-яўрэяў. Яўрэі дамінавалі ва ўсіх відах гандлю.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Rolecki, R. Czudzin wieś powiatu łuninieckiego. Stosunki społeczno-gospodarcze / R. Rolecki // Białoruskie zeszyty historyczne. – 2006. – № 26. – S. 146–217.
2. Tomaszewski, J. Z dziejow Polesia 1921–1939. Zarys stosunków społeczno-ekonomicznych / J. Tomaszewski. – Warszawa, 1963. – 209 s.
3. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці. – Фонд 1. – Воп. 1. – Спр. 333. Цыркуляр Міністэрства прамысловасці і гандлю Палескага ўпраўлення; перапіска з павятовымі староствамі аб стане дробнага гандлю ў паветах (1936 г.).
4. Korycki, G. Etyka kupiecka i handel przywatny w Drugiej Rzeczypospolitej / G. Korycki. – Warszawa, 1993. – 131 s.

РАЗДЕЛ III. ПСИХОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ, ЛЮДИ И СУДЬБЫ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА

БЕЖЕНАРУ ЛЮДМИЛА ЕФИМОВНА (ЯССЫ, РУМЫНИЯ) – доктор филологических наук по специальности «русская литература» Софийского университета им. Климента Охридского (Болгария), доцент Минобразования Румынии кафедры Славистики «Петру Караман» Ясского университета «Ал.И.Куза», (Яссы, Румыния).

УДК 821.161.1

«ТАТЬЯНЫ МИЛЫЙ ИДЕАЛ»

Аннотация

В главе автор определяет образ Татьяны Лариной как неотъемлемую часть русской картины мира, как «национальный тип» русской женщины, пылкой и чистой, мечтательной и прямодушной, который стал эталоном и примером для бесчисленных женских персонажей в произведениях многих русских авторов. Глазами Татьяны читатель способен увидеть космический фон романа, целую вселенную, со всеми прелестями космоса, созданного автором. Милый образ Татьяны, сочетающий в себе христианское смирение и нравственную силу, стал одним из самых выдающихся и неповторимых женских образов в русской литературе.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, роман «Евгений Онегин», образ, Татьяна Ларина, идеал поэта.

По произведениям XIX века можно проследить развитие идеала женского образа в русской литературе. Благодаря женским образам авторы приносят какой-то особый характер в повествование. Каждый автор описывал женщину по-своему, но для всех она была опорой, надеждой и предметом восхищения.

В период «Золотого века» в русской литературе наблюдается развитие идеала женского образа, в котором внутренний мир женщины приобретает значительную роль. Для Пушкина главной добродетелью женщины была её супружеская верность, потому таким идеалом стала героиня романа «Евгений Онегин» – Татьяна Ларина. Воображение Пушкина основывается на реальных впечатлениях, поэтому главные образы романа – это осуществление творческих фантазий поэта. В произведении он создаёт новый мир, переделывает и перекраивает

жизненные ощущения, мысленно ставит в людей в ситуации, в которых настоящий мир отрёкся о них, и сочетает черты, рассеянные в реальности, по абсолютно разным характерам. Пушкин способен разглядеть в совершенно различных людях одного человека, а в одном – несколько разных личностей. Это присуще типизации в романе, где Пушкин преднамеренно делает характер героини Татьяны сложным и наделённым противоречивыми чертами.

Часто в популярных изданиях рассматривается проблема прототипов романа «Евгений Онегин». Как считают исследователи, в образе Татьяны Лариной воплощены черты не только одной, а нескольких современниц писателя. Существует мнение, что прототипом Татьяны стала Мария Волконская, в которую Пушкин был влюблён и которой он посветил ряд стихотворений. Мария может послужить образцом непреклонности Татьяны из второй части романа. Но, также известно, что Мария Волконская не была уездной барышней, как Татьяна, и по некоторым причинам, не совсем была похожа на Татьяну из второй и шестой главы. А Татьяне из первой части романа по характеру соответствует сестра А. С. Пушкина – Ольга Сергеевна Павлищева.

Существует версия, что прообразом Татьяны была некая Наталья, так как в первых черновых вариантах Пушкин написал: *«Её сестра звалась Наташа»*[8]. Видимо, поначалу, Александр Сергеевич задумал назвать героиню Натальей, и многие исследователи склонны к выводу, что прототипом Лариной была Наталья Дмитриевна Фонвизина-Пуцина³, так как частично, её судьба была схожа с судьбой пушкинской «милой Татьяны».

Наталья, подобно Татьяне, совершила подвиг самоотречения, и, как настоящая христианка, покорилась судьбе и вышла замуж, ибо считала это своим долгом. Её муж был старше её на семнадцать лет, и так же, как и муж Татьяны, был генералом.

Можно предположить, что начальное имя главной героини связано и с крепостной актрисой домашнего театра Натальей, которой был увлечен молодой Пушкин. Именно ей поэт посвятил послание «К Наталье» (1813) и стихотворение «К молодой актрисе» (1815). За другой Наташей, «премиленькой горничной», ухаживали многие лицеисты. В том числе и Пушкин, который бегал к ней на свидания и посвятил этому предмету своей страсти стихотворение «К Наташе» (1815). Графиня Н. В. Кочубей, (1800 –1854), которая была, по воспоминаниям Корфа, «первым предметом любви Пушкина», и Е. И. Овощникова (1804 –1845), с которой Пушкин встречался в 1819 –1820 годах в доме у Н.В.Всеволожского и на театральные вечера, и в которую поэт тоже был влюблён, вполне могли стать прообразом Татьяны Лариной. Об этом писал литературовед П. К. Губер в своей работе «Донжуанский список Пушкина»[8]. Также, П. К. Губер был согласен с версией о том, что прототипом образа Татьяны автору послужила Ели-

³ Исследователи считают, что Наталья Апухтина-Фонвизина-Пуцина послужила одним из прототипов ряда произведений классической русской литературы: в частности, Татьяны Лариной, Сонечки Мармеладовой в романе Достоевского "Преступление и наказание" (1866), Наташи Ростовской в черновом варианте неопубликованного романа Л. Н. Толстого «Декабристы», задуманного в 1856 году и написанного в ноябре 1860 — начале 1861 года и переработанного писателем в роман "Война и мир" (1863—1869 гг.). Известно, что Толстой встречался с декабристами, читал их воспоминания, включая «Исповедь» Н. Д. Фонвизиной. И, вероятно, главной героиней романа «Декабристы» Л. Н. Толстой предполагал сделать Наталью Дмитриевну.

завета Ксаверьевна Воронцова, жена начальника Пушкина по Одессе, женщина, которую Пушкин любил и большую и длительную сердечную привязанность к которой запечатлел в своих поэмах «Храни меня, мой талисман», «Пускай увенчанный любовью красоты», «Сожженное письмо», «Всё в жертву памяти твоей». В рукописях А.С. Пушкина сохранилось более 30 рисунков с ее изображением. Предполагалось, что характер Евгения Онегина был схожим с характером Александра Раевского, воздыхателя Воронцовой, следовательно, Татьяна Ларина могла быть наделена и чертами Елизаветы Воронцовой.

В романе «Евгений Онегин» А. С. Пушкин создал необыкновенный образ – образ русской женщины, гармоничной, мирной, тихой, близкой к природе. В результате сочетания этих черт пред нами встаёт поистине русская, зрелая, духовно богатая, глубокая, самоотверженная и нравственно чистая женщина Татьяна. В образ Татьяны Лариной Пушкин вложил свои представления о женском идеале, в её лице он воспроизвёл русскую женщину. Она стала любимой героиней писателя. Именно с неё в русской литературе начинается время изображения прекрасных женщин с истинно русским характером. Женщина, образ которой воплотил в себе все идеальные черты русской женской души, стала как для читателя, так и для самого автора, не только любимой героиней, но и идеалом женщины, эталоном женской искренности, благородства и непосредственности.

В. Г. Белинский внимательно следил за тем, как Пушкин подробно описывал характер своей героини в развитии: детство, юность, знакомство с Онегиным, период встреч с ним в деревне, в Петербурге, после замужества. Предубеждения помещичьей среды, провинциальное воспитание и французские романы оказали влияние на изумительные задатки её характера. Это обусловило душевное развитие Татьяны. А первый жизненный опыт, то есть встреча с Онегиным, ознакомление с волнующими его интересами, стали следующей, немаловажной ступенью в нравственном развитии героини. И как выразился Белинский, *«Посещение дома Онегина и чтение его книг приготовили Татьяну к перерождению из деревенской девочки в светскую даму, которое так удивило и поразило Онегина»* [16, с. 87]. Татьяна внутренне растёт: её чувства стали другими, по-иному стала она относиться к жизни, и то романтическое восприятие жизни, с которой мы знакомимся в начале романа, у неё исчезло. Но вопреки всему, постоянство в её привязанностях сохранилось. Это одна из наиболее важных черт её характера.

Татьяна раскрывается перед нами не только как неповторимая индивидуальность, но и как тип русской девушки, живущей в провинциальной дворянской семье. На фоне быта русского дворянства XIX века «мир женщины» представлял собой обособленную сферу, располагающую особенностями известного своеобразия. Образование дворянской девушки было более поверхностным и часто домашним. Оно ограничивалось навыком бытового разговора на одном или двух иностранных языках, умением танцевать и вести себя в обществе, иметь элементарные навыки пения, игры на каком-либо музыкальном инструменте и знать азы истории, географии и словесности. Мать преподаёт Татьяне уроки «приличия», учит «законам света», французскому языку и прививает страсть к романам: *Ей рано нравились романы;/Они ей заменяли всё;/Она влюблялася в обманы/И Ричардсона и Руссо* [16, с. 71].

Татьяна, по определению Белинского, – глубокая, страстная и любящая натура. Ей присуще серьёзное отношение к любви, к жизни и к своему долгу. Связь с русским народом и природой воспитали в ней все эти черты, и создали поистине русскую женщину. Татьяна – «русская душою», и эту черту характера автор подчёркивает на протяжении всего романа. Но в пятой главе – понятие «русская душою» более ярко описывает глубокую человечность в характере Татьяны. Природа и обряды оказались близкой для неё стихией. Татьяна плохо говорила и писала по-русски, читала иностранную литературу, но французские романы и уроки маменьки не разорвали её связей с народом, не нарушили близость с его духовной жизнью: *Татьяна (русская душою, / Сама не зная почему) / С её холодною красою / Любила русскую зиму.* [16, с. 130].

Читатель получил возможность пристально всмотреться в душевный мир Татьяны, понять характер её представлений. В пятой главе поэт раскрыл народные начала характера героини. Участию героини в святочных гаданиях автор уделяет особое внимание, так как эти гадания являлись частью народного русского быта того времени. *«Татьяна верила преданьям простонародной старины, и снам, и карточным гаданьям, и предсказаниям луны»* [16, с. 130]. Она гадала на святки, но ничего не видит в зеркале. Тогда Татьяна пробует все гадания: одно за другим, но ни одно не предвещает ей счастья. Бесконечное звёздное небо и бег луны отражаются в зеркале героини в момент гадания: *Морозная ночь, всё небо ясно; / Светил небесных дивный хор / Течёт так тихо, так согласно... / Татьяна на широкий двор / В открытом платьице выходит, / На месяц зеркало наводит...* [16, с. 132]. Все её переживания, дрожание руки и биение сердца передаются вселенной. «Дивный хор светил» замирает в её зеркальце. Портрет Татьяны в этой главе написан движением света и звёздного неба, которыми пронизан весь роман. Для неё в этом движении нет ничего зловещего. И здесь образ Татьяны близок образу Джульетты из трагедии Шекспира. Татьяна, как и Джульетта, поверяет свои тайны звёздному небу. Невинная луна, мерцание звёзд шекспировских женских образов близки Татьяне Лариной. Можно считать, что начальный портрет героини сплетен из рассвета и небесных светил: *Она любила на балконе / Предупреждать зари восход, / Когда на бледном небосклоне / Звёзд исчезает хоровод* [16, с. 71]. Также Татьяна решилась гадать «на сон». Поэтому нельзя не упомянуть о том, что гадание «на сон» – опасное занятие, но совершенно обычное для святочных гаданий, в процессе которого гадающий начинает общение с нечистой силой. Приступая к гаданию «на сон», молодые девушки должны были снимать с себя кресты и пояса. Пояс имеет значение оберега. Пушкин не случайно подчеркнул, что *«Татьяна поясок шелковый сняла»* [16, с. 133]. В быту русских крестьян пояс признавался оберегом, с чем связано и опоясывание новорожденного во время крещения. В этнографических описаниях русских поверий постоянное ношение пояса – это мера профилактики, средство борьбы с чарами колдуна. Еще у россов пояс символизировал связь жениха и невесты в свадебных ритуалах, а также являлся знаком чести девушки, он обязательно должен был быть красным. *«Татьяна, по совету няни / Сбираясь ночью ворожить...»* [16, с. 133] – во многих источниках отмечено, что

девушкой во время святочного гадания должна руководить опытная старуха. Поэтому здесь присутствует не кто иной, как няня Татьяны, которой она доверяла все свои тайны и с которой делилась самыми сокровенными мечтами. Близость к няне Филиппевне оказало огромное влияние на формирование характера Татьяны, откуда и её любовь к родной природе. *«Её тревожили приметы; / Таинственно ей все предметы /Провозглашали что-нибудь...»*, [16, с. 130] – вера в приметы является ещё одним знаком близости к народному сознанию. А. А. Потебня приходит к выводу, что *«Татьяна Пушкина – «русская душой» и ей снится русский сон <...> Этот сон предвещает выход замуж, хоть и не за милого»* [13, с. 270]. Сон Татьяны, как и ее настольная книга – сонник, имеют в романе Пушкина двойной смысл. Причиной её вещего сна, насыщенного фольклорными символами и образами, являются напряжённые переживания по поводу странного поведения Онегина, а также тоской и мечтанием о несбыточном счастье. Её взволновало безразличие и холодность Евгения, отсюда и сон, тревожный и полный предчувствий. Сон Татьяны пророчит беду. В нём она вступаем в диалог с объектами сновидения, которые помогают ей видеть Евгения в роли злодея, убивающего «дружбу»: *Спор громче, громче; вдруг Евгений /Хватает длинный нож, и вмиг /Повержен Ленский...* [16, с. 139]. Татьяну, которая верила в приметы и предзнаменования, охватил страх и ужас. Она пытается осознать увиденный сон. В народной мифологии и в некоторых сказках переход через реку является символом смерти. Однако сон имеет и другую трактовку. Такие символы как *переход через ручей по мосту из жёрдочек и медведь* являются предвестием свадьбы. Но Татьяна тогда ещё не знала, что замуж она выйдет за нелюбимого человека.

Главным событием романа и жизни Татьяны была ее встреча с Евгением Онегиным, которого девушка страстно полюбила. Внутренний мир пушкинской героини заключался в желании любить и быть любимой, её ум спал, а душа ничего не хотела слушать. Жажда любви была заложена в Татьяне с раннего детства, вместе с воспитанием и чтением книг. *«Давно её воображенье, сгорая негой и тоской, алкало пищи роковой», «душа ждала... кого-нибудь, и дождалась...»* [16, с. 83] – она повстречала Онегина. Пушкин отметил, что Татьяна полюбила Евгения не потому, что она узнала и поняла его необычную натуру, а потому, что *«пора пришла, она влюбилась»* [16, с. 82]. Для неё все образы книжных героев слились в одном – Онегина – образе, и *«любовник Юлии Вольмар... и Ветер, мученик мятежный, и бесподобный Грандисон»...<...>/Все для мечтательницы нежной/В единый образ облеклись, /В одном Онегине слились* [16, с. 83]. Татьяна сердцем почувствовала в Онегине человека близкого ей. Она интуитивно выбрала для себя родственную душу, и сумела разглядеть доброе сердце Онегина, хоть он изо всех сил пытался удержать на себе маску светской любезности, под которой была скрыта его загадочная личность. Именно поэтому Татьяна никогда бы не смогла полюбить кого-нибудь другого. Она чувствовала себя чужой в собственной семье, не говоря уже о среде провинциального дворянства.

Близость к иному миру, не похожему на мир Татьяны, олицетворением которого была духовно близкая ей няня Филиппевна, оберегала чистоту души Тать-

яны. Для няни Филипьевны Татьяна – «пташка ранняя», «сердечный друг», «дита моё», «родная»... Именно няня, а не родная мать знала обо всех сердечных тайнах юной барышни. О своей любви к Онегину Татьяна не говорит никому, кроме няни. Томимая этим чувством, она доверчиво ищет поддержки у няни. Эмоциональное состояние героини, её тревога и растерянность трудно не замечать, читая диалог Татьяны и Филипьевны в третьей главе романа. Беседовать о любви с барышней было неприлично, поэтому няня обрывает разговор: *«И, полно, Таня!»*[16, с. 88]. Но удивительно, что подобный разговор всё-таки состоялся между молоденькой барышней и старой женщиной. Изображённая в третьей главе романа «Евгений Онегин» Татьяна, под словом «любовь», понимает романтическое чувство к её любимому человеку. Няня же, в свою очередь, имеет нба это несколько иной взгляд. Она, как и другие крестьянки того времени, вышедшая замуж в тринадцать лет по принуждению, ни о какой любви не думала до замужества: *Мы не слышали про любовь;/А то бы согнала со света / Меня покойница свекровь* [16, с. 88]. Для няни Филипьевны любовь – это запретное чувство женщины к другому мужчине, не к мужу. Объяснение между Татьяной и Евгением ещё не состоялось, и автор вмешивается в повествование и вступает в некий диалог со своей героиней: *«Татьяна, милая Татьяна! / С тобой теперь я слёзы лью.../ Погибнешь, милая...»*[16, с. 81], тем самым предупреждая читателей о предстоящем.

Полюбив Онегина, естественная, глубокая Татьяна, вдруг, при первом столкновении с реальной жизнью, стала смелой и самостоятельной. Поистине героическим поступком было признание Онегину в любви. Она делает первый шаг и пишет ему письмо. В третьей главе «Евгения Онегина» автор ставит акцент на том, что молодая барышня Татьяна *«...по-русски плохо знала,/ Журналов наших не читала/ И выражалась с трудом//На языке своём родном...»*[16, с. 92]. Конечно же, Татьяна владела русской речью, с детства заучивала молитвы, понимала церковные тексты, но письменным стилем она не владела, и не могла свободно выразить свои чувства к Евгению. А любовное письмо требовало книжного языка, нежели устная бытовая речь (*«Доныне дамская любовь / Не изъяснялася по-русски»*)[16, с. 92]. Французский же язык даёт Татьяне возможность наиболее сильно передать свои чувства. В своём письме Татьяна присваивает себе *«чужой восторг, чужую грусть»* и, *«воображаясь героиней своих возлюбленных творцов»*, строит свою любовь по литературным примерам *«Кларисы, Юлии, Дельфины»*[16, с. 84]. Но это не делает её чувства менее чистыми. Она мыслит и чувствует как героиня любовных романов. Её выражения в письме литературны, а любовь её глубоко искренняя. В письме Таня задаёт вопрос Онегину: – *«Кто ты, мой ангел ли хранитель,/ Или коварный искуситель...»* [16, с. 96]. – Грандисон или Ловелас? Если Градинсон – то, по мнению Татьяны, жизнь её станет похожа на идиллию, если же Ловелас – то её ждёт неизбежная гибель. Её любовь поразительно бескорыстна и беззаветна: *Татьяна любит не шутя / И предаётся безусловно / Любви, как милое дитя* [16, с. 91].

В то время обращаться первой с любовным признанием к мужчине было весьма рискованно для Татьяны. Письмо к Онегину – это немислимый посту-

пок, не соответствующий нормам поведения дворянской барышни начала XIX века. Тот факт, что она первая признаётся в любви почти неизвестному ей человеку, и даже то, что она начинает переписываться с ним без ведома матери, делало её поступок недопустимым с моральной точки зрения того времени. Но, как писал В. Г. Белинский, Татьяна – «существо исключительное». Она следует зову сердца, руководствуется эмоциями и нахлынувшими чувствами. Она ведь не размышляет категориями тех «пошлых» норм, она живёт в мире своих романов, в которых героини получают послания от героинь, и их не осуждают за это, а окружают лаской, одаряют счастьем или же губят. Не думая о последствиях, она говорит о своей любви сразу, без хитрости и преувеличений. В этом любовном послании Татьяна распахивает всю свою неопытную доверчивую душу перед Онегиным. Если бы он не умолчал о получении им письма от молодой барышни, доброе имя девушки непоправимо пострадало бы. Но наивному поступку девушки есть оправдание. Она живёт в окружении сломленных и смирившихся со всеми невзгодами людей, у которых погас давно живой огонь в сердцах, в результате чего Татьяна, волей-неволей, начинает привыкать к мысли, что ей придётся повторить судьбу матери. Пушкин объясняет отважный шаг своей героини: Татьяна «не ведает обмана и верит избранной мечте», ведь «так доверчива она, что от небес одарена воображением мятежным... и сердцем пламенным и нежным» [16, с. 91]. В этом нет её вины... Она призналась Онегину в письме, что если бы не его приезд, всколыхнувший её сердце, она («души неопытной волненья / Смирив со временем...») [16, с. 95] так бы и не узнала настоящего чувства. Но вдруг непокорный характер Татьяны начинает противостоять уготовленной ей судьбе и уготовленному для неё «другому». «Другой!.. Нет, никому на свете не отдала бы сердца я!» [16, с. 99], – говорит Татьяна. Она не хочет жить с нелюбимым человеком из привычки, поэтому она против замены счастья «привычкой». Героиня была очень обеспокоена этим письмом, и потому с утра до вечера ходила бледная и неухоженная: «Бледна, как тень, с утра одета...» [16, с. 108]. В утреннем уборе, в то время, дама считалась не одетой. В обед было принято менять туалет, – «одеваться». А вечером – надевались вечерние туалеты. Выражение «С утра одета» – позволяет читателям понять и прочувствовать переживания и напряжённость, с которыми Татьяна ожидала приезд Онегина.

Очевидно, что Татьяна влюблена в Евгения, питает надежду, считает его защитником. В своей семье она ощущает себя одинокой, ей кажется, что никто не способен понимать то, что происходит в её душе. Евгений же, получив письмо Татьяны, потрясён её откровенностью, хрупкостью, но в то же время боится, что разочарует её ожидания. На миг вспыхнула та искра «влюбленности», которая в тот же момент и погасла, не успев превратиться в любовь. В характере Онегина преобладает эгоизм, и эту отрицательную черту автор объявляет ещё в эпиграфе произведения: «*Petri de vanite il avait encore plus de cette espece d'orgueil qui fait avouer avec la meme indifference les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment de superiorite, peut-etre imaginaire*» [1, с. 137]. Барышня с трепетом ждала ответа, но холодного и непоколебимого Онегина было не сломить. Он не услышал признание девушки. Герой романа настолько не желал лишиться своей свободы, что не захотел услышать даже ис-

поведь неиспорченной души Татьяны. Она говорила о любви, а он – о женитьбе: *«Когда бы жизнь домашним кругом я ограничить захотел...»* [16, с. 109]. Татьяна распахнула перед ним душу, а он с высоты своего величия поучал: *«Учитесь властвовать собою; не всякий вас, как я, поймёт; к беде неопытность ведёт»* [16, с. 108]. Но даже в этот момент он не упустил возможность пококетничать своим благородством: *«...То, верно б, кроме вас одной невесты не искал иной...»* [16, с. 109], и в то же время внушал ей: *«Сменит не раз младая дева мечтами лёгкие мечты... полюбите вы снова...»* [16, с. 113]. Поучая Татьяну, Евгений лишал её надежды на то, что искренние чувства ещё существуют в том обществе и в нашем мире вообще, тем самым ставил под сомнение её веру в людей. Он обескуражил романтическую натуру девушки, которая была готова к «счастливым свиданьям» и к «гибели». Это отдалило его от Татьяны. Она становится одинокой и тихо страдает от безответной любви: *«Любви безумные страданья не перестали волновать молодой души», «здоровье, жизни цвет и сладость, улыбка, девственный покой, пропало всё, что звук пустой»* [16, с. 133]. На её глазах развивается счастливая любовь её сестры Ольги и Ленского. И от этого Татьяне становилось ещё хуже: *Увы, Татьяна увядает, /Бледнеет, гаснет и молчит!* [16, с. 135].

Любовное письмо, как и «роковое» свидание, по большому счёту не изменили её судьбу, но всё же Татьяна «увядает». Онегин отказался быть в роли соблазнителя. *«Погибну, – Таня говорит, – Но гибель от него любезна»* [16, с. 152]. И она начинает понимать, что Онегин никакой не Грандисон, и то, что он является соблазнителем её сестры и убийцей Ленского, заставляет видеть в нём именно «погубителя»: *«Не может он мне счастья дать»*.

В седьмой главе центральным событием является описание посещения дома Онегина Татьяной. Хотя он и разочаровал ее, отповедь его ничуть не убила любви Татьяны. Она познаёт настоящую душу Евгения, рассматривает обстановку в его кабинете, разглядывает его вещи, предметы, просматривает и внимательно читает его книги, выбор которых ей показался странным. Татьяна интересуется исключительно им, и хочет знать о нём всё, поэтому изучает пометы на полях его любимых книг, и размышляет о том, *что же такое Евгений, кто он на самом деле?* Чего в нём больше, доброго или злого? Она разгадала его необычный и противоречивый характер. Читая те самые книги, она по-новому открывает для себя Евгения: *«ей открылся мир иной»*. Перечитывая книги Евгения, в её душе возникало чувство тревоги, некое волнение. В её разуме пробуждались новые мысли, новые истины. Она выросла, мир менялся, становился другим, не похожим на мир, который она видела из окон родительского дома. Таня, наконец, стала понимать, *«что есть для человека интересы, есть страдания и скорби, кроме интереса страданий и скорби любви»* [5, с. 37], как утверждал В. Г. Белинский.

Чтение Татьяной книг своего избранника равносильно их новой встрече. Она ещё больше полюбила Онегина, так как ещё лучше его узнала. Властный темперамент Евгения даже на расстоянии оказывал влияние на чистую душу Татьяны. Находясь в его кабинете и зачитываясь его пометками на полях книг,

она первый и последний раз почувствовала духовную близость с ним, и это для неё было огромным счастьем.

Татьяна выросла, превратилась из девочки в невесту, поэтому выгоднее всего её «пристроить» можно в Москве на «ярмарке невест». Мать решила увезти дочь в Москву. В один прекрасный момент Татьяна осознаёт – не бывать счастьем. Таню окутывает страх из-за предстоящего переезда. Она понимает что замужество – это совершенно другая жизнь. Закончилась юность, рухнули все мечты, потому что даже родная мать не способна разглядеть и оценить богатую и в то же время ранимую душу Татьяны. Тяжело ей даётся расставание с родной деревней. Ею овладевает тоска: *Простите, мирные долины / И вы, знакомых гор вершины, / Куда, зачем стремлюсь я? / Что мне сулит судьба моя?* [16, с. 201].

В Петербурге Татьяна также скучает по «бедному жилищу». Но даже там, во всей этой атмосфере, она не в силах бороться с чувствами, и «тайну сердца своего, заветный клад и слёз и счастья, хранит безмолвно между тем и им не делится ни с кем» [16, с. 201]. «Тайна сердца» – это, конечно же, любовь к Евгению Онегину. Она мысленно убегала от этой жизни, из этого фальшивого мира в родную деревню, она убегала к нему: «*В сумрак липовых аллей, туда, где он являлся ей*» [16, с. 217]. Но всё это улетучилось в один миг. Татьяна вышла замуж.

События, происходящие с нею ранее, до замужества – это неразделённая любовь, дуэль и смерть Ленского, отъезд Евгения, и собственно само замужество, Татьяна перенесла тяжело. Мир заставил героиню многое пережить и принять его против своей воли, жить по другим нормам. Но это не сломило её, а сделало сильнее. Из мечтательной слабой девушки она превращается в сильную женщину, серьёзно размышляющую над жизнью. Пленительный образ молодой влюблённой барышни сменяется величественным образом знатной дамы: *Как изменилась Татьяна! / Как твёрдо в роль свою вошла!... / Кто б смел искать девочонки нежной / В сей величавой* [16, с. 210] Татьяна?

Таким образом, Александр Сергеевич подчеркнул, что Татьяна изменилась: из обычной уездной барышни превратилась в великосветскую княгиню. И поведение её, в некоторой степени, может показаться странным, необъяснимым. Её первое появление в новом образе было несколько неожиданным для читателей: «*к ней дамы подвигались ближе, старушки улыбались ей; мужчины кланялись ниже, ловили взор её очей; девицы проходили тише пред ней по зале, и всех выше и нос и плечи подымал вошедший с нею генерал*» [16, с. 212]. Здесь и произошла внезапная встреча с Онегиным. При этой встрече, спустя несколько лет, она уже совершенно его знает, чего не скажешь о нём, так как в своё время он отказался от шанса узнать её. Татьяна вела себя тихо, непринуждённо, чувствовала себя уверенно и на удивление спокойно. Невероятно заметны были душевные перемены Татьяны Дмитриевны в момент этой встречи: *Удивлена, поражена, / Но ей ничто не изменило / <...> Но и следов Татьяны прежней / Не мог Онегин обрести* [16, с. 222].

Татьяна повзрослела, стала опытной и мудрой, уважаемой, научилась «владеть собой», скрывать настоящие чувства, говорить не то, что велит сердце, а то, чего требует этикет. Автор нам показывает совершенно другую Татьяну –

повзрослевшую, рассудительную, сильную женщину, имеющую чувство собственного достоинства и внушающую уважение общества к собственной персоне. В ней нет никакого кокетства, вульгарности, дамских ужимок. Ее романтичность и мечтательность исчезли, остались в прошлой жизни: неразделенная любовь стерла эти черты из ее характера. Татьяна играет *роль*, но в глубине души она осталась той же Татьяной, с которой автор знакомит читателя в первых главах романа. Она не могла перестать быть собой. Евгений Онегин был не менее удивлён переменной Татьяны Дмитриевны. Он был поражён и даже поначалу не узнал её. В деревне она была непосредственной, смелой. Она писала: «Где сердце говорит, где всё наружи, всё на воле», в Петербурге же, она скрытна, холодна и равнодушна, но так же смела. В деревне она упрямо верила в людей, но теперь в ней что-то сломалось. Глядя на теперешнюю Татьяну, кажется, что она смирилась с жизнью и счастлива. Она могла быть весёлой, в то время как сердце разрывается от судорог. Теперь она не может верить людям так, как раньше. После получения письма от Онегина, Татьяна Дмитриевна не верит ему больше. Сейчас она боится *«чтоб муж иль свет не угадал проказы, слабости случайной... всего, что мой Онегин знал...»*[16, с. 225]. То ли гнев, то ли страх чувствовала Татьяна после прочтения письма, она сама ещё не понимала. Но в тот момент, когда она его только читала со слезами на глазах, раскрылась прежняя молодая барышня: *«Кто прежней Тани, бедной Тани /Теперь в княгине б не узнал!»* [16, с. 228]. Это была прежняя Таня: испуганная, беззащитная, растерянная, не умеющая скрывать свои чувства девушка, и в то же время княгиня – уверенная в себе женщина, с новым опытом, главной чертой в котором является утрата доверия к людям. После долгого молчания, поборов в себе волнение, она заговорила с Онегиным. Теперь настала очередь её отповеди. Её речь начинается упрёком Евгению в том, что он не полюбил её тогда, когда она была «моложе» и «лучше», когда она его любила. В ней таилось желание мести за оскорблённое самолюбие: *«Что ж ныне Меня преследуете вы?! Зачем у вас я на примете?!»* [16, с. 220]. Эти слова стали свидетельством того, что Татьяна, став княгиней, «твёрдо в роль свою вошла». Она толковала с уверенностью состоявшейся личности, освоившей жизнь светского общества. В её голосе и словах было столько гордости и высокомерия, что становилось чудовищно больно, это ранило сердце Онегина, как когда-то его слова ранили её душу. Она жестоко обвинила его в том, что он, мол, имеет в виду завязать с ней светский роман – флирт. Но как считает критик Г. А. Гуковский, Татьяна просто не поняла любви Онегина, и не поверила в его признание. Он для неё остался тем же светским и опустошённым. Любой искренний жест кажется ей обманом, *«затеей хитрости презренной»*[16, с. 109]. Причиной этому были несправедливые уроки жизни. В молодости романы, прочитанные ею, воспитали в ней уважение к личности, к чувствам, научили отстаивать свои права на счастье. Благодаря этим качествам Татьяна сумела полюбить Онегина. Но последующий опыт был для неё не столь радостным, даже наоборот – суровым. Жизнь сыграла с Татьяной злую шутку. Заставляя переступать через себя и идти против своих чувств, общество отнимало у неё то, с чем она шла по жизни, то во что верила. Оно отняло у неё даже

саму веру – веру в людей. И Онегин в этом тоже сыграл свою роль. Он, под видом благородного Дон Жуана, сам когда-то давал ей наставления: «*Учитесь властвовать собой*» [16, с. 229]. Вот она и научилась держать себя в руках и не верить людям. И она не была виновата в том, что утратила способность поверить даже любимому человеку, что научилась лукавить, изображать роль счастливой жены, преуспевающей княгини, прекрасной семьи, которую уважают в высшем свете. Но на самом деле, как она потом сама призналась, ей всё это не нравится, ей всё чуждо. Душа Татьяны рвётся к простой жизни, полной любви и искренности, но путь к этой жизни ей, увы, заказан уже навсегда.

Где-то глубоко внутри, она понимает, что её упреки в адрес Евгения несправедливы, и осознаёт, что сама в чём-то ошиблась, но уже ничего не исправить. Сцена последнего свидания Татьяны с Онегиным очень точно и пронизательно раскрывает сердечную драму героини, её нелёгкую жизнь. Княгиня, упрекающая Евгения, миг переменялась, и вместо неё мы снова видим плачущую Татьяну: *Я плачу... если вашей Тани/Вы не забыли до сих пор...* [16, с. 229]. Это слёзы несчастной женщины. Все упреки и оскорбительные подозрения сменились искренней сердечной обидой. В этот момент она, замужняя женщина, признаётся Онегину в том, что всё ещё любит его: «*Я вас люблю (к чему лукавить?)*», но сразу же и отвергает его: «*Но я другому отдана; и буду век ему верна*» [16, с. 229]. Татьяна умоляет Онегина уйти, покинуть её: «*Я вас прошу, меня оставь; я знаю: в вашем сердце есть и гордость, и прямая честь*» [16, с. 229]. В этих словах чувствуется и решительность сильной женщины, готовой на подвиг. Литературовед Сергей Михайлович Бонди считал главным свойством Татьяны – высокое душевное благородство, сильно развитое чувство долга, которое превосходит самые сильные чувства под названием «любовь». Она отвергает Онегина не потому, что не любит, а потому, что не желает изменять своим взглядам, и самой себе. Для неё слово «верность» – это не пустой звук. Настоящей потребностью души Татьяны остаётся верность и добродетель. Для неё невозможно разрушить брак, у неё есть свои моральные принципы, нарушение которых приведёт к нарушению гармонии в её душе. Она не могла последовать зову сердца, как сделала это раньше, и не может предать человека, который верит ей, и которому она дала клятву верности. Для Татьяны Дмитриевны честь мужа-генерала и чувство долга перед ним и перед самой собой важнее личного счастья, которым она была готова в очередной раз пожертвовать.

Могла ли Татьяна поступить иначе? Нет, не могла. Она думает, да нет, она уверена в том, что если уж дала добровольно обещание нелюбимому быть верной женой, то просто обязана сдержать слово. И поэтому она сохраняет верность до конца, зная, что выйдя замуж, совершила ошибку, готова страдать за это сама, не нарушая покой мужа. Таким решением она определила не только свою дальнейшую судьбу, но и судьбу Онегина. Эта решительность, напор, честность, неспособность к обману и верность своим принципам – все эти черты характера делают её душевный облик тонким, чутким и привлекательным.

Татьяна Ларина в романе Пушкина в некоторых случаях сопоставляется с античными богами природы. А цельность и чистота образа Татьяны в чём-то

схожи с чистотой мировосприятия гомеровских героев. Цитата, которая даётся перед началом третьей главы, принадлежит французскому поэту Мальфилатру и взята из поэмы «Нарцисс на острове Венеры»: *«Она была девушка, она была влюблена»* [9]. Очевидно, что в этой главе автор сравнивает Татьяну с нимфой Эхо, влюблённой в Нарцисса. Другой античный образ, ассоциирующийся с пушкинской Татьяной – это образ Луны, связывающий героиню с природой. Луна, сопровождающая Татьяну на протяжении всего романа, названа именем Дианы, вечно юной и непорочной богини-охотницы. В природных и космических пейзажах пушкинского романа распахнулась вся вселенная Татьяны.

Татьяна – тип положительной красоты, это апофеоз русской женщины. Она глубже и мудрее Онегина. Многие исследователи считают, что такой тип русской женщины, с внутренней духовной красотой, почти больше не повторялся в русской художественной литературе.

В романах были возможны «русские», «благородные» имена. Для положительных героев таковыми были: Владимир, Леонид, а для комических персонажей – «комические» имена, например: Пахом, Филат. Имя Евгений находилось среди имён, даваемых отрицательным персонажам. А вот имя Татьяна литературной традиции не имело. К имени *Татьяна* Пушкин сделал примечание: *«Сладкозвучнейшие греческие имена, каковы, например, Агафон, Филат, Федора, Фекла и проч., употребляются у нас только между простолюдинами»* [16, с. 74]. Татьяна (от греческого) означает устроительница, повелительница. Она олицетворяет верность и обладает непоколебимым чувством собственного достоинства. Не терпит зла и коварства. Иногда Татьяна – страдальца от обстоятельств судьбы. Это стремительная натура, поэтому строгая исполнительница заданного себе стремления. Литературовед В. А. Никонов установил, что имя *Татьяна* встречается у дворянок реже – десять раз на тысячу, а у крестьянок чаще – от восемнадцати до тридцати, в зависимости от уездов. Семья Лариных в романе «Евгений Онегин» Пушкина придерживалась старых традиций: *«Они хранили в жизни мирной привычки милой старины...»* [16, с. 69]. Вот поэтому нашу героиню родители назвали *Татьяной*, именем, которое встречалось в дворянском кругу всё реже и реже. После появления романа «Евгений Онегин» это имя получило вторую жизнь в русском языке. Пушкин не ошибся, дав своей героине звучное имя Татьяна. Романтизированное Пушкиным имя гармонично слилось с внешностью, с характером, привычками и манерами его носительницы. Бесподобная романтическая героиня должна была иметь красивое, освящённое традицией имя, и иметь особую жизненную судьбу. Татьяна Пушкина уже своим одним именем тесно связана с народными обычаями. Знакомя читателей со своей героиней, Пушкин продолжает развивать мысль, высказанную в своём примечании по поводу её имени: *Впервые именем таким/Страницы нежные романа/Мы своевольно освятим* [16, с. 79]. Следующую строфу – 25-ю, Пушкин начинает повторным упоминанием имени девушки: *Итак, она звалась Татьяной* [16, с. 79]. Союз «итак» в очередной раз доказывает мысль автора о простонародности имени героини.

В романе портрет Татьяны является неотъемлемой частью русской картины мира. Ведь в роман входит не просто природа, а целая вселенная, с мерцанием неба, со сменой дня и ночи, со всеми прелестями космоса. Глазами Татьяны читатель способен увидеть космический фон романа, созданный автором. Произведение полностью насыщено светом. Это восходы и закаты солнца, свет луны, сияние звёздного неба, отражение горящей свечи или камина. Бело-серебристое сверкание луны и звезд, чередующееся с золотым светом солнца или камина – вот световая гамма романа. Здесь природа представляет доброе начало человеческой жизни, которое является неотделимым от образа Татьяны Лариной. Завершённый автором характер, лучший образ романа, «Татьяны милый идеал» сочетает в себе прекрасные и достойные подражания черты: искренность, женственность, чувствительность, и при этом – удивительную силу воли, честность и порядочность. Это психологически правдивый и убедительный образ настоящей русской женщины, грустной и глубокой, и в то же время смелой, решительной и искренней в своих чувствах. Милый образ Татьяны, сочетающий в себе христианское смирение и нравственную силу, стал одним из самых выдающихся и неповторимых женских образов в русской литературе. Будучи любимой героиней главного в жизни А. С. Пушкина романа, Татьяна Ларина стала музой для многих композиторов, современных художников, привлекла внимание такого вида современного искусства, как кинематограф.

Созданный Пушкиным образ Татьяны вдохновил таких художников, как: Дмитрий Белюкин, Константин Рудаков, Виктор Апухтин, Лидия Тимошенко. Огромное количество их работ можно встретить во многих музеях и галереях России и других стран.

Известный художник Дмитрий Белюкин, работы которого с изображением Татьяны Лариной находятся в Государственном музее А. С. Пушкина и в Государственной Третьяковской галерее, проиллюстрировал роман «Евгений Онегин». Белюкин использовал живые цвета, желая выделить не физическую, а внутреннюю красоту Татьяны, её характер. Он предпочёл изобразить героиню на фоне природы, чтобы передать её близость к родному краю, близость к природе. Эти картины символизируют рвение её души к свободе.

Художник Виктор Апухтин проиллюстрировал перевод романа «Евгений Онегин» на узбекский язык. Он писал исключительно чёрно-белые иллюстрации. Читая роман, художник увидел пространство цвета тёмного шоколада. Концепция именно такого пластического решения бессмертного произведения Пушкина показалась любопытной многим другим любителям изобразительного искусства. Такой видит Татьяну автор иллюстраций – грустной и задумчивой. Она изображена, как богиня, на фоне небесных светил, с пером и письмом в руках.

Очень трогательной выглядит Татьяна на картине Лидии Тимошенко – «Уж не пародия ли он». Молодая барышня изображена в кабинете Онегина с книгой в руках. Как мы понимаем, это одна из книг Евгения.

В картинах этих знаменитых художников Татьяна самая разная: романтическая, влюблённая, страждущая, мечтающая и, наконец – великолепная.

В 1958 году советский режиссёр Р. И. Тихомиров снял художественный фильм «Евгений Онегин». Экранизация одноимённой оперы Чайковского по роману А. С. Пушкина увенчалась огромным успехом и стала одним из величайших произведений мирового оперного искусства. Татьяну Ларину сыграла актриса Ариадна Шенгелая, а партию Татьяны спела звезда Большого театра Галина Вишневская. Правдиво воссоздать гениальный образ Лариной Ариадне помогли непосредственность и открытость – качества, которыми обладала сама актриса. Ей выпала нелёгкая задача – изобразить Татьяну такой, какой видел её Пушкин в романе, а Чайковский – в музыке. Актриса тонко прочувствовала и искусно передала мир интимных переживаний Татьяны. Ариадна – одна из многих актрис, которая сумела понять и ощутить интонационную струю музыки Чайковского, и талантливо раскрыть пушкинский образ. Ариадна Шенгелая, в роли Лариной, чрезвычайно проста и обаятельна. Душевная чистота актрисы, внесённая в фильм, указывает на его сходство с романом Пушкина. За гениальное исполнение роли великой героини пушкинского романа Ариадна Шенгелая была удостоена премии на Московском кинофестивале в 1959 году, а также получила главный приз на Всесоюзном кинофестивале в Киеве.

В 1999 году в Санкт-Петербурге был снят британско-американский фильм «Онегин», в котором роль Татьяны Лариной сыграла известная американская киноактриса и модель Лив Тайлер.

Так как «Евгений Онегин» Пушкина является гениальнейшим его произведением, российские композиторы очень деликатно отнеслись к вопросу о создании оперы или других музыкальных произведений по сюжету романа. Некоторым эта идея показалась абсурдной. Но всё же, отдельные гении музыкального искусства порадовали меломанов своими творениями.

Сергей Прокофьев – русский и советский композитор, дирижёр и пианист в 1836 году написал музыку к неисполненному спектаклю «Евгений Онегин». В создании своего произведения Прокофьев соревновался с Чайковским. Он написал «Евгения Онегина» для режиссёра Александра Таирова, но проект не был осуществлён. Созданные Прокофьевым фрагменты «Онегина» Геннадий Рождественский использовал в своей сюите «Пушкиниана». А музыку Прокофьева к неосуществлённому спектаклю «Евгений Онегин» записал М. Юровский. В 1980 году была осуществлена радиопостановка, основанная на Прокофьевском «Евгении Онегине».

Пётр Ильич Чайковский в 1877 году начал работу над своей оперой «Евгений Онегин». Поначалу он не осмеливался даже думать об этом, так как считал «Онегина» священным творением Пушкина. Но в виду некоторых событий, произошедших в его жизни и напомнивших ему судьбу Онегина, композитор решает создать оперу по сюжету пушкинского романа. В 1878 году он закончил свою блестящую работу. В возбуждённом сознании композитора соединяются образы Татьяны Лариной и Антонины Милюковой, которая страстно любила Чайковского. В знаменитой опере Чайковского, в точности как в романе Пушкина, замечательно изображена полнота чувств и праздничная сторона

жизни, плавно переходящая в равнодушную покорность, смирение и, наконец, самоумаление. В опере также обнаружилось понимание того, что любовь невозможна, и это, в музыкальном смысле, напрямую связано с Татьяной Лариной. Мотив Татьяны является основой всей музыкальной композиции оперы. Чайковский очень точно «обрисовал» образ Татьяны, особо выделив в нём русские народные черты. Оркестровое вступление позволяет слушателям мысленно перенестись в мечтательный мир героини, в мир её душевных переживаний. Более выразительной предстаёт перед нами Татьяна в центре второй картины. Заметно душевное состояние героини в сцене письма: робость, отчаяние, страстный порыв. «Евгений Онегин» П. И. Чайковского считается гениальной и самой удачной оперой на сегодняшний день, такой, каким, по сути, является и сам роман А. С. Пушкина.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антокольский П. Машинский С., Гугевич А., Каган М., Кедров К., Еремин М., Соловьёв В., Озеров Л., Чичерин А., Соловьёв С., Поляков Е., Селезнёв Ю., Машинский С., Соловьёв Б., Гусев В., Михайлов А. Л., *В мире Пушкина*, Сборник статей, Москва, Изд-во: Советский писатель, 1974
2. Баевский В. С., *Присутствие Байрона в «Евгении Онегине»*, Известия РАН, Серия литературы и языка, 1996, Т. 44. №6
3. Банкалюк Л. В., Бегалюк Ж. В., Майорова И. Х., Палади Е. Д., *Русская литература*, Кишинёв, Изд-во: «Лумина», 1989
4. Беликова А. В., *«Евгений Онегин» А. С. Пушкина и «Дон Жуан» Дж. Г. Байрона в свете традиций литературы Просвещения и романтизма*. - М., 1980
5. В. Г. Белинский, *Сочинения Александра Пушкина: Евгений Онегин*, Москва, 1845г.
6. Бонди С. М., *Черновики Пушкина*, Москва, 1987г.
7. Громбах С. М., *Об эпиграфе к «Евгению Онегину»* // Известия АН СССР, Серия литературного языка, 1969, Т. 28. Вып. 3
8. Губер П. К., *Донжуанский список Пушкина*, Москва, 1923г.
9. Кедров К., *«Евгений Онегин» в системе образов мировой литературы*, Сборник статей «В мире Пушкина», Москва, 1974г.
10. Лотман Ю. М., *Пушкин, Биография писателя, Статьи и заметки. 1960-1990, «Евгений Онегин». Комментарий*, Санкт-Петербург, Изд-во: «Искусство-СПБ», 1997
11. Лотман Ю. М., *Александр Сергеевич Пушкин*, Ленинград, Изд-во: «Просвещение», 1982
12. Лотман Ю. М., *Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителей*. - Л.: Просвещение, 1980
13. Лотман Ю. М., *Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»*, комментарий, Ленинград, Изд-во: Просвещение, 1983
14. Лучанова М. Ф., *Читатель в повествовании романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»* // Проблемы психологизма в художественной литературе: Сб. статей. Томск, 1980.
15. Макогоненко Г. П., *Роман Пушкина «Евгений Онегин»*, Москва, 1963
16. Пушкин А. С., *Евгений Онегин, Роман в стихах*, Москва, Изд-во: Художественная литература, 1984
17. Рукопись деп. В ИНИОН АН СССР № 5399 от 19.05.80
18. Соловей Н. Я., *Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»*, Москва, Высшая школа, 1981
19. <http://melanyja.livejournal.com/681603.html>
20. <http://www.13doors.ru/person.html>
21. <http://horo.mail.ru/namesecret/tatjana/>
22. <http://www.litra.ru/composition/get/coid/00853061230017597355/>

БОРСУК НИНА НИКОЛАЕВНА (БРЕСТ, БЕЛАРУСЬ),
канд. фил. наук, заведуючая кафедрай беларускаго і рускаго
языков Брестскаго дасударственага тэхнічнага ўніверсітэта

УДК 82/821.0

**ЭКЗАМЕН НА СТАЛАСЦЬ МАСТАКА: ПАРАЎНАЛЬНЫ АНАЛІЗ
ПЕРАКЛАДУ ВЕРША А.С. ПУШКІНА «Я ВАС ЛЮБИЛ...»
ВА ЎЗНАЎЛЕННІ А. КАСКО, В. ЗУЁНКА, Ю. СВІРКІ**

Рэзюмэ

У артыкуле сцвярджаецца думка, што быць паэтам-перакладчыкам – гэта не толькі прафесія, але і стан душы. Да перакладу верша А. Пушкіна «Я вас любил» спрычыніліся многія беларускія паэты. Аўтар артыкула спыняецца на перакладах А. Каско, В. Зуёнка і Ю. Свірка і аргументавана даказвае, што самы дасканалы варыянт належыць берасцейскаму творцу.

Беларускія паэты многа і добра перакладаюць з А.С. Пушкіна. Работа над перакладамі пушкінскіх твораў – гэта не толькі выражэнне павагі да паэта, але і сур’ёзная школа паэтычнага майстэрства кожнага мастака слова. Да пушкінскага радка спрычыніліся Янка Купала, Максім Багдановіч, Максім Танк, Аркадзь Куляшоў, Пімен Панчанка, наш берасцеец Алесь Каско і многія іншыя. Кожнае пакаленне паэтаў адчувае і інтэрпрэтуе творы А. Пушкіна па-свойму. Не дзіўна, што на сённяшні дзень існуе па 3–7 версій перакладу таго ці іншага твора рускага гена. Напрыклад, да верша А. Пушкіна «Я вас кахаў...» звярталіся А. Бачыла, М. Лужанін, Ю. Свірка, В. Зуёнак, А. Каско, Я. Міклашэўскі...

Быць паэтам-перакладчыкам – гэта не толькі прафесія, але і стан душы. Каб пераканацца ў гэтым, звернемся непасрэдна да перакладу верша А. Пушкіна «Я вас любил», зроблены берасцейскім паэтам А. Каско. Паколькі чалавеку ўласціва пазнаваць і сябе, і свет, у якім ён жыве, у параўнанні, лічым неабходным увесці ў даследаванне пераклады В. Зуёнка і Ю. Свірка, якія таксама спрычыніліся да пушкінскага шэдэўру.

І. А. Каско, і В. Зуёнак у перакладзе выкарысталі дзеяслоў «кахаў», у той час як Ю. Свірка – «любіў», як у А. Пушкіна. Думаецца, абодва паэты ўслед за

Н. Мацяш тонка адчулі розніцу не толькі ў стылістыцы, але і ў змесце паміж «кахаю» і «люблю». На думку У. Калесніка, менавіта берасцейская паэтка сваім вершам «Я вас люблю...» (1970 г.) «пачала адоленне табуізаванай пропасці паміж «кахаю і люблю», што стала перашкодай на шляху да ўсяго чалавечага, а яно забяспечвае паэзіі жыццёвую паўнагучнасць, уменне бачыць бляскі і цені жыцця, знаць ім меру і пану» [1, с. 7]:

На Ваша «ты» сказаць Вам «ты» не смею,
І калі позірк позіркам злаўлю,
Як птушанё, спалохана нямею.
Я не кахаю Вас. Я Вас люблю.

Каму з «парнасікаў» адрасаваны гэтыя паэтычныя радкі? Уладзіміру Калесніку, Уладзіміру Караткевічу, Янку Брылю, Анатолю Вярцінскаму...? І ўвогуле: ці гэта так важна? Верш успрымаецца намі сёння як шчырае прызнанне паэткі ва ўдзячнасці да тых спагадлівых, таленавітых мастакоў слова, з душамі якіх у Н. Мацяш існавала набачная духоўная павязь. Любіць, як сцвярджала Н. Мацяш, – значыць паважаць, давяраць, штодзённа адчуваць духоўную падтрымку. Слова каханне асацыіруецца ў нашым ўяўленні з інтымным светам гераіні, дзе пануе таямніца, недасканаласць, пяшчота, вернасць і здрада, радасць і сум. Спадзяюся, што недзе на ўзроўні падсвядомага на напісанне верша берасцейскай паэткі аказаў уплыў верш А. Пушкіна «Я вас любил». Абодва вершы збліжае эмацыйны накал, чысціня пачуццяў, глыбокі філасофскі змест.

Верш Н. Мацяш карыстаўся папулярнасцю сярод студэнтаў-філолагаў 70-х гадоў, да ліку якіх належылі М. Пракаповіч, А. Разанаў, А. Каско. Як ні дзіўна, але менавіта А. Каско, «дзёрзкага ды шорсткага», па трапнай заўвазе У. Калесніка, ранні шэдэўр берасцейскай паэткі натхніў на пераклад верша А. Пушкіна «Я вас любил». На карысць выказанай намі думкі сведчыць той факт, што ўжо ў першым варыянце, зробленым яшчэ студэнтам А. Каско у сценах Брэсцкага дзяржаўнага педагагічнага інстытута імя А.С. Пушкіна, ужыты дзеяслоў «кахаю» («Я вас кахаў, пачуцці твая мусіць», / У сэрцы яшчэ цепляцца маім»). Ды і сам паэт сцвярджаў, што пераклад славуэта пушкінскага радка быў зроблены не без уплыву традыцый Н. Мацяш.

Звернем увагу на пераклад пабочнага слова «быть может». Ю. Свірка ўжывае «здаецца», В. Зуёнак – «відаць», А. Каско – «мусіць» (у папярэднім варыянце – «можа»). Рамантычнаму герою пушкінскага верша здаецца, мроіцца, што каханне жыве яшчэ ў яго душы, што яно здольна ў любую хвіліну перарасці ва ўсёпаглынальную страсць. Пэ гэтай прычыне правамернымі ўяўляюцца ўсе тры варыянты перакладу пушкінскага «быть может».

Аднак пры асэнсаванні дзеяслова «угасла» прыярытэт, без сумнення, аддаецца берасцейскаму паэту. «Пачуцці...у сэрцы яшчэ цепляцца маім» – «любовь...в душе моей угасла не совсем». Нам здаецца, што разгледжаны вышэй радок сапраўдная знаходка паэта. Атрымаўся дакладны адпаведнік, але ж як ён самабытна гучыць, «па-нашаму». Не шмат такіх дасканалых узораў тоеснасці можна назіраць у беларускай перакладной літаратуры. Вось адзін з

нямногіх прыкладаў майстэрства такога ўзроўню: у А. Куляшова «зорка зорцы голас падае», у М. Лермантава «и звезда с звездой говорит». Асаблівую каштоўнасць перакладу А. Каско можна адчуць у параўнанні з адпаведнымі радкамі В. Зуёнкі і Ю. Свіркі, якія ўжываюць замест дзеяслова «цепліцца» – «пагасла». «Пагасла» – значыць знікла, патухла назаўсёды і ўдакладненне «не зусім» не выраतोўвае сітуацыю.

Развітваючыся са сваёй каханай, герой А. Каско марыць, каб нішто і ніхто болей не засмучаў яе шлях да шчасця ў адрозненні ад героя А. Пушкіна, які перажывае, каб успамін аб мінулым мімалётным шчасці не азмрочваў настрой яго былога захаплення. Праблему вернасці і здрады берасцейскі перакладчык вырашае ў духу М. Багдановіча, на першы погляд, глыбей сягаючы думкаю нават за А. Пушкіна. На такія разважанні нас падштурхоўвае трэці радок: «Но пусть она вас больше не тревожит» – у А. Пушкіна, «ды хай нішто Вас болей не засмуціць» – у А. Каско, «Яна не патрывожыць ваша сэрца» – у Ю. Свіркі; «Ды больш яно вас турбаваць не стане» – у В. Зуёнкі. Герой Ю. Свіркі спадзяецца, што яго любоў болей не патрывожыць сэрца каханай. Узнікае пытанне: як увогуле герой мог пакахаць жанчыну, якая застаецца абыякавай да душэўных пакут чалавека, што шчыра ёю захапіўся. Непрымальнай бачыцца пазіцыя В. Зуёнкі ва ўжыванні дзеяслова «турбаваць» – «не тревожит». Пры такім падыходзе перакладчыка рамантычнае каханне героя, якое дае яму жыватворныя сілы да жыцця, паслабляецца ў сутыкненні з бытавымі турботамі, дробязнымі людскімі пачуццямі, уяўляецца крыху прыземленым. Радок «не мог з надзеяй рэўнасць разлучыць» узмацняе адчуванне паўсядзённасці, надае адценне спрощанасці гэтаму ўзвышанаму пачуццю. Можна гэта не віна перакладчыка, а бяда, калі штодзённая мітусня пачынае прасочвацца ў вершы пра каханне. Каб зразумець прычыну нараджэння ў А. Пушкіна радка такога зместу, неабходна нагадаць некаторыя факты з біяграфіі паэта. А. Пушкін, як вядома, лёгка захапляўся прыгажунямі. Перад тым, як стаць мужам Н. Ганчаровай, паэт сватаўся да С. Пушкінай, да А. Аленінай. У 1829 годзе ён просіць рукі Ганчаровай, атрымаўшы няпэўны адказ, ледзь не заручыўся з К. Ушаковай. Гэта далёка няпоўны пералік сімпатый паэта. Даследчык творчасці А. Пушкіна Ю. Лотман выказаў цікавае меркаванне. «А. Пушкін у гэты час збіраўся жаніцца не таму, што быў закаханы, а закахайся таму, што збіраўся жаніцца» [2, с. 160]. Прычыну такіх паводзін паэта, думаецца, трэба тлумачыць сутнасцю яго рамантычнай натуры, тыпам тэмпераменту. У вершы ён шчыра прызнаецца;

Каков я прежде был, таков и
ныне я;
Беспечный, влюбчивый. Вы знаете,
друзья,
Могу ль на красоту взирать без
умиления...

Не будзем засяроджвацца на трэцім радку. Дачытаем верш да канца. «Я вас любил так искренно, так нежно, / Как дай вам бог любимой быть другим».

Гэтыя радкі абвяргаюць вышэй выказаную намі думку. Апошняе двухрадкоўе ўражвае дзівоснай праўдзівасцю, тонкасцю, далікатнасцю, з якой А. Пушкін як бы знутры перадае найглыбейшыя інтрымныя пачуцці. Верш А. Пушкіна – гэта своеасаблівае, унікальнае ў сусветнай літаратуры духоўна-эстэтычнае адкрыццё сілы і характава кахання. Да спасціжэння гэтай высокай ідэі імкнецца і А. Каско: «Я Вас кахаў так шчыра, так пяшчотна, / Як дай жа Бог, каб Вас кахаў другі». Непераканальна, няўпэўнена гучыць гэты радок у перакладзе Ю. Свіркі: «Дык дай вам бог, каб іншы так любіў». Па першае, гэты радок можна разумець парознаму: каб «іншы» змог паспытаць такія моцныя пачуцці, як герой пушкінскага верша. Па-другое, слова «іншы» нясе ў сабе дадатковую нагрузку цьмянасці. У дадзеным кантэксце важна падкрэсліць: не «іншы» нехта, не новы, а «пэўны». Адчуўшы заганнасць слова «іншы» А. Каско своечасова ад яго адмовіўся (у перадапошнім варыянце мы сустракаемся з варыянтам «іншы»). Спадзяюся, берасцейскі перакладчык спыніўся на варыянце «другім» – не толькі дзеля дакладнай і даволі багатай рыфмы, але ж менавіта так А. Каско выяўляе трагічную высакароднасць А. Пушкіна і яго лірычнага героя. А калі яшчэ ўлічыць, што замест свайго ранейшага «як дай Вам Бог» паэт напісаў «з мэтай ўзмацнення радка эмацыйна» «як дай жа Бог» і займеннік Вам ужыў з вялікай літары, то становіцца зразумелым, чаму нашы сімпатыі як чытачоў аддаюцца перакладу берасцейскага паэта. З мэтай абагаўлення, узвышэння жанчыны А. Каско ўжывае займеннік Вы з вялікай літары, падобна А. Блоку, які словы «Жена, Царица, Она» пісаў таксама з вялікай літары. Гэтага нават мы не знойдзем у А. Пушкіна.

Заслуга А. Каско нам бачыцца ва ўменні паэта паступова перадаць развітанне героя з нязбытнаю, але такою заповітнаю мараю: кахаць і быць каханым.

Каханне выступае ў паэзіі А. Пушкіна як крытэрыі чалавечнасці, як сіла, якая здольна супрацьстаяць злу, эгаізму. Для берасцейскага паэта верш рускага генія «Я вас люблю» стаў узорам руху да адчування паўнаты жыцця, да людзей праз пераадоленне ў душы індывідуалістычна абмежаванага: «Я не хачу няволіць Вас нічым». У пяшчотным радку, што прамаўляе лірычны герой А. Каско, выяўляецца свет яго душы, багацце і шматстайнасць высокіх пачуццяў. Гэты радок дзіўна спалучае асабіста-перажытае і быццёва-ідэальнае. Нам вядомы прыклады, калі бацькі з лёгкасцю распарадзіліся лёсам сваіх дзяцей, свядома рабілі іх няшчаснымі. Можна ўспомніць жыццё красуні А. Керн, у якую быў закаханы А. Пушкін. Прыгожую, добрую, наўную шаснаццацігадовую дзяўчыну выдалі замуж за пажылога генерала. Колькі было потым расчараванняў, сардэчных захапленняў, покуль яна знайшла пакой і шчасце. Змяніўся час, але па-ранейшаму, як сведчыць працытаваны з перакладу А. Каско радок, несумяшчальнымі застаюцца паняцці: каханне і «няволя». Па гэтай прычыне непрыёмальнай нам бачыцца пазіцыя героя Ю. Свіркі, які ў маналогу да каханай шчыра прызнаецца: «то, як ваш цень, хадзіў» (у А. Пушкіна – «то робостью томим»). Азначэнні «пакутліва», «нямотна», з якімі мы сустракаемся ў радках перакладу А. Каско («Я Вас кахаў пакутліва,

нямотна, / Ад рэўнасці згараў і ад тугі») дапамагаюць нам глыбей у параўнанні з азначэннем «журботна» (у Ю. Свіркі) і азначэннем «самотна» (у В. Зуёнка) адчуць драму героя. Каханая страчана, затое герой здабывае права на іншыя, не менш высакародныя адносіны зычлівага пакланення жанчыне, якія ў сваю чаргу здымаюць боль, улагоджваюць згубныя страсці.

А. Каско пераклаў на беларускую мову не толькі верш А.С. Пушкіна, але і верш-прывячэнне рускаму паэту, які быў напісаны С. Ясеніным. Пераклад быў зроблены па заказе і надрукаваны ў жабінкоўскай газеце «Сельская праўда» (1985 г.). «Заказ» звычайна выдае паспешлівасць, шаблоннасць. Адчуваў недасканаласць перакладу і А. Каско. Паэт гаварыў, што верш гучыць не так натуральна па-беларуску, як «Я Вас любил». Сапраўды, у перакладзе прысутнічаюць элементы чыста рускія: «магутныя дары», «гордай галавой», «пець» і інш. Магчыма паэт-перакладчык спрабаваў захаваць дух ясенінска-пушкінскай мовы. Але, на наш погляд, гэты факт не можа паслужыць апраўданнем таленавітаму, неардынарнаму паэту, перакладчыку ў засмечванні беларускай мовы русізмамі. Каб верш-пераклад стаў сапраўдным нацыянальным набыткам, неабходна, як мага паўней выкарыстоўваюць магчымасці беларускай мовы. Гэтую думку берасцейскі паэт, на наш погляд, пераканальна сцвердзіў у вершы-перакладзе з А. Пушкіна «Я вас любил», які годна ўваходзіць сёння ў беларускую перакладную літаратуру.

Берасцейскім паэтам было зроблена некалькі варыянтаў узнаўлення пушкінскага твора на беларускую мову і толькі ў 1985 годзе А. Каско прыняў рашэнне вынесці свой пераклад на суд чытача. Нельга не ўлічваць той факт, што перакладчыцкая дзейнасць адыгрывае важную ролю ва ўзбагачэнні беларускай мовы. Пры перакладзе радка «Я вас любил безмолвно, безнадежно» з верша А. Пушкіна «Я вас любил» А. Каско ўводзіць слова «нямотна», якое не зафіксавана покуль што акадэмічным тлумачальным слоўнікам. Наватвор гэты ўзяў паэт у У. Хадыкі з верша «Абрысы старадаўняй пушчы»:

І што не змог народ нямотны –

Я да канца дагавару.

«Нямотна» (напэўна, ад «немата») – надзвычай ёмістае слова, убірае, здаецца, два пушкінскія: «безмолвно, безнадежно». Сваім перакладам А. Каско сцвярджае, што дадзенае слова вартае ўжывання.

Зварот А. Каско да пушкінскай школы перакладу, па-першае, спрыяе духоўнаму самаўдасканаленню асобы як паэта, так і чытача, фарміраванню іх эстэтычнага густу і пашырэнню сапраўдных уяўленняў аб прыгожым. Па-другое, пераклады з'явіліся для паэта своеасаблівай праверкай яго таленту і майстэрства.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Калеснік, У. Дар гармоніі / У. Калеснік // Мацяш Н. Паміж усмешкай і слязой. – Мн. : Маст. літ., 1993. – С. 3–16.
2. Лотман, Ю. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя: Пособие для учащихся / Ю. Лотман. – Л. : Просвещение, 1983. – 255 с.

СИНЕЛЬНИКОВА ЛАРА НИКОЛАЕВНА (ЯЛТА, КРЫМ), доктор филологических наук, профессор Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университета в г. Ялте

УДК 821.161.1-1. 09

РЕМИНИСЦЕНЦИИ ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ ПУШКИНА КАК ДЛЯЩАЯСЯ МЫСЛЬ

«Всюду Пушкина пламенный зной».

И. Шкляревский

Аннотация

В статье категория памяти конкретизируется описанием реминисцентных связей стихотворений поэтов XX и XXI веков с поэзией Пушкина. Реминисценция определяется как родовое понятие по отношению к таким видам отсылки к другому тексту, как рецепция, интертекстуальность, аллюзия, прецедентность, цитата. Представлены примеры, фиксирующие длящуюся в слове пушкинскую мысль. Материал статьи соответствует принципу метапредметности в такой его характеристике, как обобщённое усвоение знаний литературоведческого, лингвистического и культурологического характера.

Ключевые слова: Пушкин, реминисценция, рецепция, интертекстуальность, аллюзия, прецедентность, метапредметность.

Реминисценция включена в широкий синонимический ряд: *память, воспоминание, воскрешение, отражение, намёк, заимствование, отголосок, отзвук, автореминисценция, флэшбэк*, что свидетельствует о семантической и функциональной полифонии термина, взявшего на себя роль родового понятия. Интегральная сема – *воспоминание (воскрешение)* согласуется с теорией познания как антропологической потребностью. И тогда само знание человека о мире оказывается реминисцентным.

Дефиниция реминисценции соотносит её с преобразованной цитатой, перефразирующей текст-источник, что даёт возможность свободного изменения референции; реминисценция может ассимилироваться с текстом-реципиентом в

разных формах и, следовательно, участвовать в смыслообразовании в соответствии с замыслом цитирующего.

Поэзия – особая форма знания, в котором мысль и чувство в их совместности помогают понять значимые смыслы, развивают индивидуальность и принимают участие в формировании общественного сознания. Культурная память сохраняет энергию духовности, связывает времена и поколения. Память обеспечивает диалог как переключку (взаимодействие, близкодействие, взаимовлияние) сенсорного, аффективного и когнитивного опыта, который консолидируется в стихотворениях предшественников и сохраняется в творчестве последователей. Мысли самих поэтов о сущности памяти подтверждают её синергетическое свойство: «И памятью насыщен, как земля» (М. Волошин); Память – «верховная владычица культуры» (Вяч. Иванов); «Бездна памяти, беспредельное мироздание, / расходящиеся галактики и туманности, / где все давнее / только четче и первозданнее, / очевиднее и яснее до самой малости» (Ю. Левитанский). «Сознательная и неосознанная переключка с другим поэтом, цитирование чужого текста – это ли не доказательство нашей погруженности в общую культурно-историческую стихию, вне которой и с жизнью и с творчеством было бы навсегда покончено! [7, с. 274].

Память как атрибут поэтической культуры фиксируется в системе терминов, соотносящихся с реминисценцией: *рецепция, интертекстуальность, интертекст, аллюзия, прецедентность, цитата*. Коротко остановимся на каждом термине, предоставив возможность молодым исследователям самостоятельно поработать над расширением информации, что необходимо для успешной метапредметной деятельности.

Рецепция – заимствование и адаптация, ассимиляция культурных форм, возникших в другой стране или (и) в другую эпоху; влияние одних авторов на творчество других (например, Шекспира на Пастернака, Байрона на Пушкина и Лермонтова, Данте на Мандельштама и т.д.) и на литературный процесс. Рецептивные связи могут быть обнаружены в общности творческой манеры, мотивов, образов и др. [8]. Поэт Юрий Левитанский так описал то, что литературоведы называют рецепцией: «Когда-то, давным-давно, еще в юности меня поразило впервые – в одном из Бетховенских квартетов возникает русская тема... Пушкин пишет стихи на французском, Рильке пытается писать на русском. Эти и множество других подобных примеров – о чем говорят они? Случайность? Причуды гения? Нет – осознанно или неосознанно – всем этим движет жизненно необходимое для всякого подлинного искусства глубинное взаимодействие внешне несхожих культур различных народов и наций. Вот так-то!» («Строки из записной книжки» <https://levitansky.ru/?r=2&m=7&s=95>).

Интертекстуальность – факт (событие) включения одного текста в другой; семантическая смежность двух (или нескольких) текстов как своеобразная метатекстовая метонимия; диалог текстов. **Интертекст** (текст в тексте, текст о тексте) – текст, имеющий разные виды и формы связи с первичным, исходным текстом (текстом-донором). Понятийный аппарат интертекстуальности и мето-

дика интертекстуального анализа обстоятельно представлены во множестве исследований, в том числе в работах В.П. Москвина [10], [11].

Аллюзия – неактуализированная цитата, свернутая пропозиция прецедентного текста; носитель единичной референции; отсылка к какому-либо литературному, историческому, мифологическому событию в виде словесного намека; сигнал подтекста, основывающегося на параллелизме семантического плана. Текстовая аллюзия (англ. Textualallusion) специфическим образом проявляет интертекстуальные связи, поскольку намекает на известное адресату произведение [11], [3].

Прецедентный текст – культурно значимый текст, своеобразная единица осмысления жизненных событий, знак культурной памяти, значимой для личности и ее окружения, включая предшественников и современников [1]. **Цитата** – графически маркированный способ передачи чужого слова, коннотативный заместитель некоторого текста, проявляющий интертекстуальность двух взаимодействующих текстов.

Дальнейшего осмысления, упорядочения и совершенствования требует теория прецедентности / интертекстуальности. «Она давно «переросла» рамки частной лингвистической теории и представляет собой область филологических исследований междискурсного взаимодействия, «размывающего» границы литературоведения и лингвистики» [2, с. 131], и нуждается в разграничении понятий [6].

Мы разделяем мнение исследователей о родовой миссии реминисценции и вполне правомерным полагаем вхождение всех форм интертекстуальных включений в *реминисцентное поле* [4]. Названные выше формы межтекстового взаимодействия являются частью реминисцентного поля, пространство которого, к тому же, может заполняться новыми формами.

Обратимся к пушкинским реминисценциям в творчестве поэтов послепушкинского времени. «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающим развиваться в сознании общества» (В.Г. Белинский). Прежде всего, это животворное развитие происходит в сознании поэтов. Именно они продлевают пушкинскую мысль, закрепляют в культурном коде пушкинское слово и пушкинский образ.

Включенность Пушкина в русский и мировой литературный процесс через реминисценции, связанные с его творчеством, – необъятная тема. «Мой Пушкин» – культурогема не только русского, а в целом славянского кода с его протянутостью и в мировую поэтическую культуру. Если рассматривать *дарование как поручение* (Баратынский), то можно оценить цитирование из пушкинских произведений как дар гения поэтам других времен и народов.

Память о Пушкине реализуется во всех названных видах реминисцентности, что само по себе уникально: проявляется континуальное мышление (*от лат. continualis – непрерывный, сплошной*). Реминисценции в стихотворениях поэтов двух послепушкинских веков с позиций культуры континуального мышления могут быть охарактеризованы как делящаяся пушкинская мысль. Представим некоторые варианты реминисцентного освоения пушкинского наследия.

Измененная цитата, жанровая и стилистическая вольность её применения

<p><i>Лист календарный, горсть монет. Сонет – мой быт стал проще, строже. А что на свете счастья нет – Так и покоя с волей тоже.</i> (А. Дидуров)</p>	<p><i>На свете счастья нет, но есть покой и воля. Давно завидная мечтается мне доля – Давно, усталый раб, замыслил я побег В обитель дальнюю трудов и чистых нег.</i> (А. Пушкин)</p>
<p>Под гитару пеньё, / чудное мгновенье, – / Темных предрассудков / полное забвенье. (Ю. Мориц) Но вспомни чудное мгновенье; Без сомнения – определи. / – Слияешь уверенно. / (Все могут короли!) (Л. Кропивницкий)</p>	<p>Я помню чудное мгновенье: Передо мной явилась ты, Как мимолетное виденье, Как гений чистой красоты. (А. Пушкин)</p>
<p>Памятник ему нерукотворный / Я воздвиг бы, и дорогой торной / Стала бы народная тропа. (Д. Самойлов)</p>	<p>Я памятник себе воздвиг нерукотворный, К нему не зарастет народная тропа, Вознесся выше он главою непокорной Александрійского столпа. (А. Пушкин)</p>
<p>...духовной жаждою влеком или томим, / и прочее, что ты запомнил сызмала: / придет пророк, и рядом серафим, / загадочен, как схема телевизора. (Ю. Арабов)</p>	<p><i>Духовной жаждою томим, В пустыне мрачной я влачился, И шестикрылый серафим На перепутье мне явился...</i> (А. Пушкин)</p>

Займствование пушкинского лирического сюжета как импульса для варьирования интертекстуальных связей. Пример – «Посещение» А. Кушнера: «Я тоже посетил / Ту местность, где светил / Мне в молодости луч...». *Тожё* – прямой знак (ввод) диалогичности текстов, и в самом стихотворении многое связано с поэтикой XIX века, со стилем Пушкина: «Элегии чужды / Привычкам нашим...», «Я «Исповедь Руссо / Как раз перечитал», «Как много новых лиц! / Завистников, певиц, / Распутниц, надувал».

С уходом условной поэтики ее формулы (поэтизмы) – перифразы и метафоры определенного типа, инверсии, усеченные прилагательные, безынтервальные вопросительные конструкции, специфические имена собственные стали ассоциироваться скорее всего с именем Пушкина. Нередко в современном стихотворении именно в связи с упоминанием или подразумеванием Пушкина в лирический сюжет включаются поэтизмы: «Ты старше Моцарта. И Пушкина вот-вот / Переживешь. / *Друзья гармонии*, смахнув рукой со лба / Усталость мертвую, принять беспечный вид / С утра стараются...»; «Кто виноват: листва ли, *ветр*? Невы волнение? / Иль тот, укрытый, кто так щедр / На совпадения» (А. Кушнер); «Ты себя не спрашивай – поэт ли? / Не замедлят – возведут в *путь*! / Все пути – от пули и до петли – / Для тебя с рождения открыты. / И тогда забьется человечье – / Ты поймешь мотив припоминая: / От Елабуги до Черной речки – / Широка страна моя родная» (И. Ратушинская).

Эпиграфы из пушкинских произведений как знак вхождения мыслей поэта в общекультурную память. Представляя собой собственно цитату, конструктивно обособленную от основного текста, эпиграф участвует в текстопрождении, в формировании смысла. И такая связь – всегда событие понимания пушкинской мысли, озаренность цитатой. Так, стихотворение С. Щербакова с эпиграфом «Храни меня, мой талисман...» заканчивается строфой, отмеченной

модальностью этой пушкинской фразы, хотя в ней представлены реалии сегодняшнего дня:

Не хочу ни тряпья, ни плейера,
Не нужны ни питье, ни еда;
Привезите мне счетчик Гейгера,
Чтоб на сына его надеть.

Общность со стихотворением Пушкина можно обнаружить на уровне глубинной эмоции:

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Стихотворение Мих. Синельникова «Воспоминания в Царском селе» имеет эпиграф «Чугун кагульский, ты священ...», через который идет психическая проработка «прозы жизни», но именно пушкинские строчки, исполненные высокого гражданского пафоса, определили высокую тональность строф, завершивших лирический сюжет.

Мне десять лет, я Пушкина читаю,
Запоминаю барельефов ряд,
И Кюхельбекер, Пущин, Чаадаев
На площадь привокзальную глядят.

Пришли потом Распутин и Есенин...
Не знаю ничего... Но в этот миг
Чугун кагульский все еще священен,
Фелицын лебедь мощен и велик.

И пушкинский текст:

Чугун кагульский, ты священ...
Чугун кагульский, ты священ
Для русского, для друга славы –
Ты средь торжественных знамен
Упал горящий и кровавый...

Эпиграфы-цитаты из произведений Пушкина могут быть разными по объему, по степени редукции фразы и т.д., но они всегда имеют резонансные свойства – консолидируют чувства поэтов, кристаллизуют их знания о мире, обогащают восприятие стихотворения. Показательно для понимания степени внедрения мыслей Пушкина в сознание современных поэтов использование в качестве эпиграфа пушкинских фраз без ссылки на автора («Мы ленивы и нелюбопытны» – в стихотворении А. Аронова «Памирское воспоминание», «Лета к суровой прозе клонят...» – в стихотворении Ю. Левитанского «Я полагаю, Пушкин, говоря...»).

Связь с Пушкиным, обеспеченная одним словом. Особый способ присутствия Пушкина в стихотворении – включение в него максимально редуцированной реминисценции. Если мышление «совершается в слове» (Л.С. Выготский), то именно такое «памятное слово» оказывается своеобразным культурно-психологическим генотипом, связывающим мысль поэта и читателя с Пушки-

ным. Минимальная степень предъявления исходного текста требует особой герменевтики. Показательны результаты ассоциативных экспериментов Ю.Н. Караулова: реакция испытуемых на слова-стимулы *метель, дядя, повеса* была однозначно связана с именем Пушкина [5, с. 245]. Перечень слов-символов из пушкинского лексикона может быть продлен:

Пришла ко мне гостья лихая,
Как дождь, зарядивший с утра.

Спросил ее: – Кто ты такая?

Она отвечает: – Хандра.

– Послушай, в тебя я не верю.

– Ты Пушкина плохо читал.

– Ты веком ошиблась и дверью.

Я, видимо, просто устал. (А. Кушнер)

Показательно, что толкование слова хандра в современных словарях иллюстрируется цитатой из произведения Пушкина. К числу слов, представляющих «бессознательно действующую творческую память» (В.М. Жирмунский), относится слово печаль из пушкинской «Элегии». «Печаль моя светла» – энергетически неисчерпаемое открытие Пушкина, вобравшее его представление о тонкой материи одного из главных человеческих чувств – печали. Вот как об этом пишет современная поэтесса О. Седакова: «Печальный», с его звучанием и смысловой жизнью, так связано с именем Пушкина (как некоторые мелодические повороты с именем Шопена или некоторые колористические пристрастия с именем Рембрандта), что, говоря о «творческой печали» или: «печаль моя жирна», поздний поэт бросает на свою строку отсвет пушкинианства... Назвать то, что составляет предмет жесточайшего раскаяния, «печальным» – значит поглядеть на него из «прекрасного далека» или из «прекрасного приближения», но только не из потребности своего момента» [12, с. 334]. И примеры, это подтверждающие:

К сизым кольцам взоры вскинем!

Мир печалью светлой болен.

Стынет в небе, ярко-синем,

Строй прозрачных колоколен. (В. Ходасевич. Зимой)

Еще печаль легка, легка.

Еще к руке прикосновенье

Случайно празднует рука,

Таясь с перчаткой в отдаленье. (А. Кушнер. Еще печаль легка, легка...)

Пушкинское «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» длится в таких преобразованиях: «Лишь угловатая кривая, / Минутный профиль тех высот, / Где, восходя и ниспадая, / Мой дух страдает и живет» (В. Ходасевич); «Бежать. Кто жил и мыслил. Совесть? / Но сущность твоя – дух, а не мораль» (С. Соловьев); «Февраль – и стало быть, пора / не плакать, а плясать... / Пора ходячим мертвецам / под камнями лежать, / а тем, кто жив, – идти к венцам, / и мыслить и рожать» (И. Кабыш).

Пушкинское «Есть упоение в бою. / И бездны мрачной на краю...» перешло в стихотворение О. Рожанской «Письмо в редакцию «Гражданина» в таком виде: «И вот она – бездна. И вот они – мы на краю. / Я вижу, здесь тесно, и все же я здесь постою».

Слово содвинем (современными словарями квалифицируемое как устаревшее) из пушкинского «Поднимем бокалы, содвинем их разом» теряет налет архаики в условиях новой комбинаторики в стихотворении И. Лиснянской «В наши маятные годы»:

И содвинули мы чаши
Ликованья и вины.

.....

От земли до неба дальше,
Чем от неба до земли,
Это знали мы и раньше,
Но предвидеть не могли,
Что и тверди мы содвинем,
В час содвинув роковой
Наши души в небе синем,
Наши руки под землей.

Пушкинское «Что в мой жестокий век восславил я свободу» реминисцентно ошутимо в стихотворениях А. Кушнера:

Эти вечные счета, расчеты, долги
И подсчеты, подсчеты.
Испещренные цифрами черновики.
Наши гении, мученики, должники.
Рифмы, рядом – расходы.
То ли в карты играл? То ли в долг занимал?
Было пасмурно, осень.
Век железный – зато и презренный металл.
(«Эти вечные счета, расчеты, долги...»)

Слово север и его производные перетягивают соответствующим образом коннотируемые сюжеты биографии Пушкина или его произведений («Но вреден север для меня», «Стремлюсь привычною мечтою / к студеным северным волнам» и др.) в современные стихотворения. При этом в лирическом сюжете всегда есть пресуппозиция в виде перифрастических эвфемизмов (царскосельский поэт) и других «путеводителей» по пушкинским темам:

И когда этот Север вздыхает по птицам небесным,
По лазурным волнам,
Ты похожа на тех, кто живет, притворяясь железным
Или каменным, боль не давая почувствовать нам.
Еще мне мерещатся в холоде снежных объятий
Под бессонной звездой
Царскосельский поэт с гимназической связкой тетрадей
И трилистник его ледяной. (А. Кушнер. Ветвь)

Итак, есть все основания говорить о жизни поэтов в ритме памяти о Пушкине. Через реминисценции творчество Пушкина, сама его личность включаются в национальную и – шире – славянскую поэтическую культуру. Пушкин помогает расширить спектр чувств, открыть в себе то, что было им предвосхищено и даровано потомкам. Ни один поэт не может быть до конца понят без его сопричастности к целостности литературного процесса. Эта целостность в немалой степени создана творчеством Пушкина. Беспредельность реминисцентных связей с Пушкиным – свидетельство постоянного желания приблизиться к его образу мыслей, к его слову. Продленная через реминисценции пушкинская мысль является своеобразной гарантией духовного развития поэзии, так как интертекстуальный диалог – один из важнейших показателей культуры вообще и поэтической культуры в частности. «Весь я не умру» – реминисцентно означенное пророчество Пушкина, его завет. Всё послепушкинское время демонстрирует общее согласие поэтов признать этот завет благом.

Общество утраченного равновесия, потери (трансформации) исторической памяти не перестает надеяться на живительную силу облагороженной присутствием Пушкина поэзии:

Мол, нелегко предугадать,
Чем ваше слово отзовется.
Быть может, серою прольется,
А нет, – так Пушкина читать. (Ю. Арабов)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Артемьева, П.С. Прецедентные феномены как выразительное средство: диалог культур в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук / П.С. Артемьева // Саратовский национальный исследовательский гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов, 2016. – 163 с.
2. Высоцкая, И.В. Спорные вопросы теории прецедентности / И.В. Высоцкая // Критика и семиотика. – 2013. – № 1(18). – С. 117–137.
3. Дреева, Д.М., Кастуева, И.К. Аллюзия как средство манифестации интертекстуальных связей в поэтическом дискурсе / Д.М. Дреева, И.К. Кастуева // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1.; URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=19560> (дата обращения: 20.01.2020).
4. Жишкевич, А.И. Типология форм интертекстуальных включений на основе реминисцентного поля / А.И. Жишкевич // Журн. Белорус. гос. ун-та. Филология. – 2018. – № 1. – С. 79–83.
5. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М: Наука, 1987. – 261 с.
6. Кудрина, Н.А. Интертекстуальность и прецедентность: к вопросу о разграничении понятий / Н.А. Кудрина // Вестник тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. – 2005. – № 4 (40). – С. 5-11.
7. Кушнер, А. С. Аполлон в снегу. Заметки на полях. – Л.: Сов. писатель, 1991. – 514 с.
8. Левакин, Н.Н. Художественная рецепция как литературоведческое понятие (к вопросу понимания термина) / Н.Н. Левакин // Известия ПГЛУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 308–310.
9. Москвин, В.П. К уточнению понятия «аллюзия» / В.П. Москвин // Русская речь. – 2014. – № 1. – С. 37-43.
10. Москвин, В.П. Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили / В.П. Москвин. 3-е изд. – М.: URSS, 2015. – 168 с.
11. Москвин, В.П. Методика интертекстуального анализа / В.П. Москвин // Известия волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 3 (98). – С. 116-121.
12. Седакова, О. Похвала поэзии / О. Седакова // Стихи. – М., 1994.

РАЗДЕЛ IV. ТВОРЧЕСТВО А.С.ПУШКИНА В «МАЛОМ» И «БОЛЬШОМ ВРЕМЕНИ»

ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА КРАВЧЕНКОВА (МОСКВА, РОССИЯ),
к. фил н., доцент Государственного Института русского языка
им. А.С. Пушкина

УДК 82.091

КОНЦЕПТ «ПУШКИН» В РУССКОЙ РЭП-ПОЭЗИИ

Аннотация

В статье рассматриваются реализации концепта «Пушкин» в русской рэп-поэзии 2010-х годов. Рэп-исполнители из России, Белоруссии, Эфиопии интерпретируют в треках факты биографии, черты внешности, особенности творчества А.С. Пушкина и таким образом включают классика XIX века в культурный контекст современности.

Ключевые слова: рэп-поэзия, Пушкин, Noize MC, Слава КПСС, Наум Блик

Начиная разговор о современной рэп-поэзии, необходимо обратиться к предыдущей эпохе развития русской песенной лирики, а именно к року конца 1960 – начала 2010-х годов. Попытка определения рок-произведения была сделана в самом начале практики научного осмысления рока, в первом сборнике «Русская рок-поэзия: текст и контекст» (Тверской государственный университет, сборник издается с 1998 года, на сегодняшний день вышло 16 выпусков) в разделе «От редколлегии». Авторы (Ю. Доманский, Т. Ивлева, Е. Козицкая) определяют рок-композицию как синтез трех взаимодействующих начал: музыки, текста и шоу, с доминантой текста, более того, с возможностью рок-текста как факта литературы функционировать, а следовательно, и изучаться, самостоятельно [1, с. 5]. Обратим внимание на слово «самостоятельно» в приведенном определении и перенесем на рэп этот же принцип анализа текстов, т.е. как эстетически и этически законченных стихотворений, которые можно рассматривать отдельно от музыкальной составляющей, особенностей аранжировки или сценического воплощения композиции.

Русский рок активно работал с традицией пушкинской лирики [2] и наиболее полно и точно выразил свое уважительное и дружеское отношение к классику строкой Ю.Ю.Шевчука из песни «В последнюю осень», написанной в память о трагической гибели в автокатастрофе В.Р. Цоя в 1990 году: «Ах, Александр Сергеевич, милый...» [3].

Мнение рэп-исполнителей к поэту, в частности, высказано в интервью группы «Кровосток» от 2015 года, где один из основных участников коллектива Доктор Фельдман (настоящее имя - Дмитрий Файн) достаточно свысока комментирует: «Фигура, однозначно устраивающая меня в русской литературе — это Пушкин. Александр Сергеевич. Со всеми остальными ребятами уже что-то не совсем так, имеется в виду возможность описать радость» [4].

Группа «Кровосток» во многом реализует преломление традиций тюремной лирики в рэп-речитативе. Пушкин как автор стихотворений «Во глубине сибирских руд...» и «Узник», в какой-то мере также оставил свой след в поэтической реализации образа несправедливо осужденного товарища.

Как широко известно, «концепт – один из наиболее популярных и наименее однозначно дефинируемых терминов современной лингвистики» [5, с. 308]. В данной статье о рэп-поэзии концепт определяется как «что-то (и в сознании, и в языке), что определяет (называет, представляет в виде образа) некоторые явления (понятия, действия, состояния), принципиально важные для бытия людей и их общения (в том числе и речевого), причем это что-то имеет как всеобщую, так и национально-детерминированную значимость и временную устойчивость. И это что-то – не единично, их некоторое (конечное или бесконечное) количество, и они объединены в некоторую систему (совокупность), которая из них и состоит, и существует сама как таковая. Это что-то и есть концепт, а их совокупность и есть концептосфера» (Ю.Е. Прохоров) [6, с.89].

Концепт «Пушкин» в русской рэп-поэзии реализуется несколькими способами. Во-первых, имя исполнителя может совпадать или коррелировать с классиком: ди-джей клубной музыки Даша Пушкина, МС-исполнитель Почти Пушкин.

Вторая реализация концепта – Пушкин как карнавальная маска. В телевизионном шоу российского канала СТС «Поэзия бита» (январь 2014) исполнитель N'Raps – чернокожий студент из Эфиопии – исполняет поурри из хрестоматийных строк «Евгения Онегина» и всячески подчеркивает, что Пушкина должен исполнить именно он, потому что обладает тем же цветом кожи: «Ну, кто еще мог взять Пушкина» [7].

В-третьих, Пушкин становится непререкаемым авторитетом, «иконой» для современного рэп-поэта. Например, вспомним стихотворение «Юбилейное» В.В. Маяковского с призывом:

Александр Сергеевич,
разрешите представиться.
Маяковский.
Дайте руку!

Поэт 1920-х годов нуждается в откровенном разговоре с классиком «золотого века». Тема поэта и поэзии реализована и в речитативе «Александр Сергеевич Пушкин» исполнителя «Серёга» - неприкаянность поэта в мире остро ощущается в любую эпоху [8]. Шуточный рэп-баттл исполнителя Stil Ryder «Эминем vs. Пушкин» построен как перебранка американского рэп-идола и русского классика [9].

Исследователь Т.П. Кожелупенко в диссертации «Сленг как средство субкультурного кодирования в современных американских и русских рэп текстах» [10] выделяет десять семантических полей, связанных с поэтическим речитативом. Одни из них – «избранность хип-хопа» и «братство» - оказываются глубоко созвучны личности, фактам биографии и творчеству Пушкина.

Четвертой реализацией концепта можно считать представление рэперов о том, что авторитет Пушкина бесспорен при решении всех остросовременных проблем.

Noize MC (Иван Алексеев) в треке «Пушкинский рэп», 2011, продолжает традицию демифологизации Пушкина: бронзовый памятник, навечно закрепленный после «Речи Достоевского о Пушкине» 1880 года в высокой культуре как идеальный поэт, как бесспорный гений, испытывает на себе постоянное желание писателей вернуть Пушкину человеческий облик, соизмерить Пушкина с живым человеком, «а не с мумией»: «Я люблю вас, но живого, а не мумию. Навели хрестоматийный глянец» (Маяковский, «Юбилейное») [11].

Пушкинский текст, связанный с карнавализацией и травестией классика в элитарном (академическом) и бытовом сознании русского читателя, выявляется писателями и литературоведами во множестве произведений XX века – в «Пушкинском доме» А.Битова, романе «Кысь» Т.Толстой, поэме «Москва – Петушки» Вен. Ерофеева, повести «Заповедник» С.Довлатова и в ставшем классическим центоне Вс. Некрасова:

Я помню чудное мгновенье
Невы державное теченье
Люблю тебя Петра творенье
Кто написал стихотворенье
Я написал стихотворенье [12]

Иван Алексеев в «Пушкинском рэпе» поднимает тему расизма футбольных фанатов, актуальную в России повсеместно и всегда:

Меня зовут Александр Сергеевич Пушкин,
Моя кожа не похожа на начинку ватрушки.
Смуглое лицо, черных кудрей завитушки -
Спасибо прадедушке за все эти фишки.

Не слишком большого умишка обладатели
Обзывать обезьяной считали
обязательным.
И даже в лицее злопыхатели нередко
Шутили, что мои предки вчера
слезли с ветки.

Мол, мой прадед араб Ганнибал
Был Петром за батл рома в Амстердаме
куплен у менял.
Кто меня только в чем не обвинял,
Но вы сами все в курсе, каков был финал.

Я памятник себе нерукотворный воздвиг,
Меня признает великим и ученый, и ученик.
Русский язык учить, не читая моих книг, -
Эта дорога прямиком в тупик.

Так откуда берутся грамотеи такие,
Что думают, будто расизм и Россия -
Это слова однокоренные?
Знайте, Пушкин против таких, как вы, йоу.

На непохожих людей смотришь хмуро?
Что-то там мямлишь про русскую культуру?
Так вот тебе от этой культуры ответ,
Или что, типа Пушкин не русский поэт?

Вижу, кто-то в рай тебе удлиняет очередь:
Все вокруг по трассе прут, а ты на обочине.
Кто тебе мешает? Иностранные рабочие?
Зарубежные студенты? И все такие прочие?

Твоя жизнь без них была бы легким кинцом,
С классным началом, серединой и концом.
А ты сам был бы всем танцорам танцор,
Если бы не терлось яйцо об яйцо.

И еще вкратце о национальных танцах:
Русские всегда были дружелюбной нацией.
Били только тех, кто первым лез драться.
Ксенофобия - удел неандертальцев.

Расизм оставим питекантропам
и австралопитекам -
Всем привет из девятнадцатого века:
«Классно у вас, впечатляет прогресс», -
И лишь одного понять не может Пушкин А.С.

Так откуда берутся грамотеи такие,
Что думают, будто расизм и Россия -
Это слова однокоренные?
Знайте, Пушкин против таких, как вы, йоу.

На непохожих людей смотришь хмуро?
Что-то там мямлишь про русскую культуру?
Так вот тебе от этой культуры ответ,
Или что, типа Пушкин не русский поэт? [13]

В речитативе актуализируется именно не чисто славянское происхождение Пушкина – правнук Абрама Петровича Ганнибала имел часть и африканской крови, что стало особенно важным в культуре в начале 2010-х годов в связи с разгулом националистических движений в среде фанатов. Отметим также, что рэп как стиль написания текстов, манера исполнения и субкультура пришел из чернокожих районов Нью-Йорка и в современном виде появился в 1970-х годах среди афроамериканцев.

И.Алексеев строит текст на противопоставлении Пушкина как обычного, равного нам человека и как великого поэта. Начинается трек с обыденной фразы знакомства:

Меня зовут Александр Сергеевич Пушкин...

- и продолжается уже хрестоматийным:

Я памятник себе нерукотворный воздвиг...

Здесь обычное, приземленное отношение к Пушкину соотносится с ерофеевским «*Вот так и я - как немножко напьюсь, так сразу к нему подступаю: "А кто за тебя детишек будет воспитывать? Пушкин, что ли?"*» [14].

Обратим внимание, что портрет Пушкина строится именно на чертах негроидной расы (темная кожа, черные кудрявые волосы) и полностью отсутствуют признаки принадлежности поэта европейской культуре и его русскости (бакенбарды, голубые глаза):

Моя кожа не похожа на начинку ватрушки.

Смуглое лицо, черных кудрей завитушки -

Спасибо прадедушке за все эти фишки...

Хотя именно в обыденном сознании после завершения мифологизации классика бакенбарды – это основная портретная характеристика поэта. Вспомним довлатовское: «*На каждом шагу я видел изображения Пушкина. Даже возле*

таинственной кирпичной будочки с надписью "Огнеопасно!". Сходство исчерпывалось бакенбардами. Размеры их варьировались произвольно» («Заповедник») [15].

Алексеев вспоминает и о прозвище Пушкина в лицее - Смесь обезьяны с тигром, которое связано с неукротимым нравом поэта в подростковом возрасте и с оскорбительными выпадами в адрес внешности Пушкина со стороны Дантеса, о чем подробно говорил Ю.М. Лотман [16]:

*Не слишком большого умишка обладатели
Обзываться обезьяной считали обязательным.
И даже в лицее злопыхатели нередко
Шутили, что мои предки вчера слезли с ветки.*

Лотман, правда, сглаживает неевропейские черты портрета, резюмируя в заметке: «Однако кличка, которая в своей первооснове, то есть применительно к французскому характеру, никаких зрительных ассоциаций не имела, будучи отнесена к Пушкину, получала дополнительные смыслы в связи с некоторыми особенностями мимики и внешности поэта. Одновременно, получив, видимо, широкую огласку, она давала поверхностному наблюдателю готовый штамп восприятия именно внешности». Для воплощения творческой задачи трека Алексеев намеренно на первый план выдвигает связь лицейского прозвища с внешностью.

Пятый способ реализации концепта находим в интерпретации оригинального пушкинского текста через ритм, голос исполнителя и дополнительные шумы (аранжировку). Например, белорусский исполнитель +AeSLи+ (Дмитрий Шкуратов) в треке «Бесы», основанном на не измененном ни на йоту тексте Пушкина, включает в аранжировку ритм, подчеркивающий движение кибитки, в финале трека слышен стук копыт и вой волков. Мотивы страха, тревоги, отчаяния подчеркиваются сэмплом, который как будто взят из фильма ужасов: звуки воя волков сочетаются с хрипом лошадей, слышен удар колокола, голос исполнителя приглушен и хрипл. На первом месте в рэп-интерпретации пушкинских «Бесов» стоит мотив вечного движения, вечной страшной скачки по зимним полям России:

*Мчатся тучи, вьются тучи
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.
Еду, еду в чистом поле;
Колокольчик дин-дин-дин...
Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин! [17]*

Наум Блик (Дмитрий Иордатий) в 2010 году записывает альбом «Re:поэты», который состоит из двадцати треков, созданных исключительно на тексты русских поэтов XIX – XX вв.: Саши Черного, Е.Долматовского, Н.Некрасова, И.Бродского, Б.Пастернака, Н.Гумилева и др. Цель создания подобного альбома была в просвещении молодых MC, рэперов, которые, как правило, не любили

ходить в школу, а значит, плохо знали историю русской поэзии, что обедняло рэп-тексты 1990-х и 2000-х годов. Д.Иордаций хотел показать хрестоматийную лирику молодым с новой стороны, освежить ее восприятие для нового поколения. Завершает альбом речитатив «Пушкин», в основе которого стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». Начало трека поражает слушателя звуком метропоезда и объявлением по громкой связи «станция метро – Пушкинская». Таким нетривиальным способом Д.Иордаций показывает, что для современного человека Пушкин переродился, трансформировался в станцию метро, в центр жизни Москвы, в центр культуры России, потому что именно там, где стоит этот памятник – рукотворный на этот раз – бурлит, шумит русская речь, встречаются влюбленные парочки, и, по Б.Окуджаве, «на фоне Пушкина снимается семейство» [18].

Второй дополнительный шум появляется в финале песни: Иордаций включает в трек отрывок из фильма Карена Шахназарова «Курьер» (1986), в котором неприкаянный молодой герой Иван Мирошников читает «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» как свое оригинальное стихотворение, чтобы произвести благоприятное впечатление на отца любимой девушки.

Иван Мирошников. Я сочиняю стихи, Семен Петрович.

Семен Петрович. И что же, печатаешься?

Иван Мирошников. Пока нет.

Семен Петрович. А стихи-то получают?

Иван Мирошников. Могу прочесть... Вот, к примеру, из последних:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,

К нему не зарастет народная тропа,

Вознесся выше он главою непокорной

Александрійского...

Семен Петрович: ...*столпа*». Ну, что же, недурно, недурно. Правда, напоминает что-то... Или стиль такой старомодный. Но в общем, очень-очень недурно.

Иван Мирошников. Может еще почитать?

Семен Петрович. Нет, нет, не надо.

Иван Мирошников. Ну, я, пожалуй, пойду...

Семен Петрович. Конечно. [19]

Ирония Наума Блика относится не только к современному поколению, которое частенько врет и лицемерит, ища выгоду для себя, или таким образом хочет выразить свое отношение к таким же лицемерам-отцам, - но и к себе самому и его альбому, к рэп-исполнителю, который записал альбом без единой оригинальной строчки, где собраны только треки на чужие стихи.

Шестой способ интерпретации концепта «Пушкин» связан уже с интертекстуальностью, когда рэп-исполнитель включает цитату из творчества Пушкина в оригинальный текст. Слава КПСС (он же Гнойный, настоящее имя - Вячеслав Машнов) в треке «Следы на снегу» из альбома «Солнце мертвых», 2017, построил оригинальное стихотворение на повторе риторического вопроса «Жизни мышья беготня... // Что тревожишь ты меня?» из пушкинских «Стихов, сочиненных ночью во время бессонницы»:

Жизни мышья беготня, что тревожишь ты
меня?
Жизни мышья беготня, что тревожишь ты
меня?
Жизни мышья беготня, что тревожишь ты
меня?
Жизни мышья беготня, что тревожишь ты
меня?

Да! Я же сам опричник.
Дал бы вам огня да отсырели спички.
В поле лебеда и мне напели птички,
Что мне дана голова, чтоб висеть в петличке.

Каждый день один и тот же день, когда же тень? То ли полынья, то ли хворь в груди.
Под палящим солнцем в русском поле То ли мышья беготня, то ли вошь в кутиль.
некуда присесть. Пока глотку не прижали, значит можно жить.
Ведь под нами металл раскалён до бела; Здесь всегда будет так, но не время
Время нет, чтобы жить, но время есть на дела. любить, нет!

Кто ж так тянет удила? Нах.. мама родила! Ты как в подполе мышка,
Эх, коли бы зима все тропки замела. Что-то скребётся в нутрях да не слишком.
Катит в санях мурза, за ним коника ведут Шлём сигналы SOS, но с земли нас не слышно –
Под уздцы, не оставляя следов на снегу. Мы где-то далеко, вот и времечко вышло.

Может быть, на повороте нас волки стерегут; Вот и кончились песни.
Может быть, косоворотку на мне вороги Всюду суета, и мы сами стали, как тени.
порвут? С виду всё не так, но так ли это всё на деле?
Ночка темна, да голосами кликуш Не могли делить краюху, но могилку-то по-
Моя горница полна их загубленных душ. делим!

Вся эта планета - одна братская могила.
Трахался со смертью - бездна проглотила.
С падком не расплатишься треком
или винилом.
Даже их кассиры знают, мои песенки –
фальшивка! [20]

И Пушкин, и В. Машнов не видят смысла в жизни. Рэп-исполнитель усиливает ощущение безнадежности дополнительными интертекстуальными связями. Название альбома «Солнце мертвых» отсылает к жуткой повести И.Шмелева. Строка «под уздцы, не оставляя следов на снегу» и название трека соотносятся с рок-композицией Е.Летова «Следы на снегу»:

*Меня давно бы уж нашли по следу,
Но я не оставляю следов на свежем снегу! [21]*

Таким образом концепт «Пушкин» реализуется в русской рэп-поэзии многообразно. Рэп-исполнители обыгрывают имя поэта (Почти Пушкин), примеряют на себя карнавальную маску Пушкина (N’Pans), ищут сочувствия в трудной судьбе поэта (Серёга), призывают писателя решить острые проблемы общества (Noize MC), осовременивают лирику классика с помощью аранжировок (+АeSLи+, Наум Блик) или работают с афоризмами, цитатами, которые созвучны сегодняшнему состоянию молодых (Слава КПСС). При этом рэп-поэзию интересуют и факты биографии поэта, и особенности его портрета, и хрестома-

тийная лирика, и рецепция молодыми Пушкина. Диапазон стран исполнителей включает и Россию, и Белоруссию, и Эфиопию, а в культурный контекст треков входят и советские фильмы, и советская андеграундная литература. Развитие концепта «Пушкин» в рэп-поэзии проходит на протяжении всех 2010-х годов и, скорее всего, не завершено.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ивлева Т, Козицкая Е., Доманский Ю. От редколлегии // Русская рок-поэзия: Текст и контекст: Сб. науч. тр. – Тверь: ТГУ, 1998. – С 5.
2. Ивлева Т.Г. Пушкин и Достоевский в творческом сознании Бориса Гребенщикова // Русская рок-поэзия: Текст и контекст : Сб. науч. тр. – Тверь: ТГУ, 1998. – С 38 - 43.
3. Шевчук Ю. В последнюю осень / Текст [Электронный ресурс] // Тексты песен. URL:<https://lyricsearch.org/songs/ддт-в-последнюю-осень> (дата обращения: 01.12.19)
4. Интервью «Кровостока» о русской литературе и современном искусстве / Текст [Электронный ресурс] // Портал rap.ru. URL: <http://www.rap.ru/news/6536>
5. Грузберг Людмила Александровна Концепт // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. - М.: Флинта: Наука, 2003. - 696 с.
6. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта / Ю.Е. Прохоров. – М.: Флинта, 2009. – 176 с.
7. Поэзия бита. Выпуск 1. / Видео [Электронный ресурс] // Портал YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=UvNbsaRcyys>
8. Серега. Александр Сергеевич Пушкин. / Аудио [Электронный ресурс] // Портал Ipleer. URL: https://ipleer.fm/song/157882400/Serega_-_Aleksandr_Sergeevich_Pushkin/
9. Stil Ryder. Эминем VS Пушкин. / Аудио [Электронный ресурс] // Портал Ipleer. URL: https://ipleer.fm/song/121862829/Stil_Ryder_-_Eminem_VS_Pushkin
10. Кожелупенко Т.П. Сленг как средство субкультурного кодирования в современных американских и русских рэп текстах / Т.П. Кожелупенко [Электронный ресурс] // Портал Российской государственной библиотеки. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003467769>
11. Маяковский В.В. Юбилейное / Текст [Электронный ресурс] // Портал В.В. Маяковский. URL: v-v-mayakovsky.ru/books/item/f00/s00/z0000003/st012.shtml
12. Некрасов Вс. Я помню чудное мгновенье... / Текст [Электронный ресурс] // Портал Вавилон. URL: www.vavilon.ru/texts/prim/nekrasov1-5.html
13. Noize MC. Пушкинский рэп. / Аудио [Электронный ресурс] // Портал Тексты популярных песен. URL: <https://www.gl5.ru/noize-mc-pushkinskij-rep.html>
14. Ерофеев Вен. Москва - Петушки. / Текст [Электронный ресурс] // Портал Электронная книга. URL: <http://www.e-kniga.ru/Erofeev/moskva5.html>
15. Довлатов С. Заповедник / Текст [Электронный ресурс] // Портал Электронная книга. URL: <https://e-libra.ru/read/82616-zapovednik.html>
16. Лотман Ю.М. Смесь обезьяны с тигром / Текст [Электронный ресурс] // Портал Пушкин-лит. URL: pushkin-lit.ru/pushkin/articles/lotman/bezyana-s-tigrom.htm
17. Пушкин А.С. Бесы / Текст [Электронный ресурс] // Портал Фундаментальная электронная библиотека. URL: feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push10/v03/d03-167.htm
18. Окуджава Б.Ш. Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину / Текст [Электронный ресурс] // Портал Русская поэзия. URL: <https://rurpоеm.ru/okudzhava/na-fone-pushkina.aspx>
19. Наум Блик. Пушкин. / Аудио [Электронный ресурс] // Портал YouTube. URL:<https://www.youtube.com/watch?v=jpg1nmEKQYIA>
20. Слава КПСС. Следы на снегу / Текст [Электронный ресурс] // Портал genius.com. URL: <https://genius.com/13112751>
21. Летов Е. Следы на снегу / Текст [Электронный ресурс] // Портал genius.com. URL: <https://genius.com/Civil-defense-footprints-in-the-snow-lyrics>

МІКАЛАЙ ІВАНАВІЧ НАВУМЧЫК (МАЛАРЫТА, БЕЛАРУСЬ)
намеснік дырэктара Маларыцкай раённай гімназіі, настаўнік
вышэйшай катэгорыі

УДК 821.161.1

ГРАНИ СОТРУДНИЧЕСТВА: КИТАЙЦЫ НА ЭКСКУРСІЮ В МУЗЕЙ А.С.ПУШКИНА

Літаратурны музей А.С.Пушкіна ў Арэхаўскай СШ быў урачыста адкрыты 29 студзеня 1984 года. За 35 гадоў яго існавання ў кнізе водзываў свае шчырыя словы ўдзячнасці і шматлікія ўражанні пакінула амаль 20 тысяч наведвальнікаў з розных краін свету. А 21 сакавіка 2018 ўпершыню літаратурны музей Арэхаўскай СШ наведалі прадстаўнікі Кітая.

Хлебам-соллю іх на пляцоўцы перад уваходам ва ўстанову адукацыі сустрэкалі вучні, яе дырэктар Галіна Сахарчук, а таксама старшыня Арэхаўскага сельсавета Святлана Вітаноўская.

Наведванне Арэхаўскай СШ адбылося па ініцыятыве заснавальніцы школьнага літаратурнага музея А. С. Пушкіна Марыі Пятроўны Жыгалавай, доктара педагагічных навук, кіраўніка навукова-даследчай лабараторыі па сацыякультурных праблемах беларуска-польска-ўкраінскага пагранічча, прафесара кафедры беларускай і рускай моў Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта, сапраўднага члена Акадэміі педагагічных і сацыяльных навук РФ, заслужанай настаўніцы Беларусі.

У Арэхава прыехалі магістранты эканамічнага факультэта трэцяга года навучання нашай ВНУ, – гаворыць загадчыца кафедры беларускай і рускай моў Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта Ніна Борсук.

Юнакі і дзяўчаты, якім па 20-24 гады, тры курсы закончылі ў Хух-Хотоскім прафесійным інстытуце (аўтаномная акруга Унутраная Манголія на поўначы Кітая). Цяпер яны працягваюць атрымліваць вышэйшую адукацыю і адначасова

вывучаюць рускую мову ў Беларусі ў рамках заключанага пагаднення аб супрацоўніцтве паміж кітайскім і Брэсцкім тэхнічным універсітэтам. Гэты міжнародны дакумент і прадугледжвае азнаямленне студэнтаў і магістрантаў з Кітая з культурай рэгіёнаў Беларусі.

Матэрыялы экспазіцыі літаратурнага музея А.С.Пушкіна ў Арэхаўскай СШ уяўляюць цікавасць як для беларускіх, так і замежных турыстаў, – гаворыць М.П.Жыгалава. Ён можа стаць адным з міжнародных турыстычных аб’ектаў спасціжэння рускай культуры ў іншанацыянальным беларускім асяроддзі. Бо свет рускай культуры, абуджаны лірай вялікага мысляра і творцы, тут зліўся ў адно са светам беларускага слова і стаў тым цэнтрам, дзе фарміруецца духоўнасць, заснаваная на вечных чалавечых каштоўнасцях: дабры і прыгажосці, любові да радзімы і адказнасці за зробленае, павазе да іншанацыянальных культур і свабодзе творчасці.

Для гасцей з Кітая экскурсію па музеі правяла яго загадчыца, настаўніца рускай мовы і літаратуры Лідзія Іванаўна Закірава, а таксама вучні 9 і 10 класаў.

Цяпер у літаратурным музеі А.С.Пушкіна захоўваецца каля тысячы экпанатаў асноўнага і дадатковага фондаў, якія адлюстроўваюць розныя бакі асобы і творчасці паэта. Тут ёсць, напрыклад, такія раздзелы, як “Пятроўскае”, “Сябры”, “Міхайлаўскае”, “Дзекабрысты”, “Сям’я”, “А.С.Пушкін і Вялікая Айчынная вайна”, “А.С.Пушкін і наш час”, “А.С. Пушкін і Беларусь”, “Нашчадкі А.С.Пушкіна ў Беларусі”... Асобная экспазіцыя расказвае пра захавальніка музея-запаведніка С.С.Гейчанку.

У музеі зберагаюцца магнітафонныя запісы цікавых сустрэч, свят пушкінскай паэзіі, літаратурных чытанняў, канферэнцый. У яго экспазіцыі і фондах – матэрыялы крэйзнаўчых знаходак вучняў, фотаздымкі, альбомы, лепшыя сачыненні школьнікаў, кнігі паэта, перакладзеныя на розныя мовы свету (у тым ліку і на японскую), кнігі з аўтографамі беларускіх, расійскіх і ўкраінскіх пісьменнікаў, паштоўкі, маркі...

Гасцям школьна літаратурнага музея спадабаўся. Яны з уважлівасцю слухалі экскурсаводаў і нават чыталі на памяць свае любімыя вершы А.С.Пушкіна на рускай мове. Затым для юнакоў і дзяўчат з Кітая была яшчэ арганізавана экскурсія па школе.

Мы папрасілі гасцей падзяліцца думкамі ад наведвання Маларытчыны.

– Я ўражана, – гаворыць Чжан Чаочэнь. Здзівіла тое, што ў вас ёсць такія маленькія населеныя пункты як, напрыклад, Арэхава. Горад Хух-Хото, дзе я раней вучылася, таксама па-кітайскім меркам лічыцца невялікім, хоць у ім і пражывае больш за два мільёны чалавек.

– А ў Арэхава нават і тысячы жыхароў няма. Я рускую мову люблю і імкнуся вывучыць яе дасканала. Рускую літаратуру ў школах Кітая таксама вывучаюць. У праграму ўключаны творы, напрыклад, Аляксандра Пушкіна, Льва Талстога, Фёдора Дастаеўскага. Напэўна, кожны кітайскі школьнік ведае на памяць хоць бы адзін верш А.С.Пушкіна на рускай мове. У мяне ў ліку любімых – верш “Цветок”.

– Мне спадабалася маляўнічая прырода вашага краю, – кажа Гу Хайшань. – Вакол лясы, палі, невялікія рэчкі... У вас тут па-свойму прыгожа. Я

параўноўваю са сваім горадам Хух-Хото, які размешчаны пасярод бяскрайняга раўніннага стэпу. На Маларытчыне неяк утульна і па-дамашняму цёпла.

– А я звярнуў увагу на тое, што практычна ў кожным населеным пункце ёсць помнікі, – гаворыць Ян Хунняй. – На маёй радзіме не так іх і шмат. Выклікае павагу тое, што беларусы ўшаноўваюць памяць тых, хто загінуў падчас Другой сусветнай вайны.

– Мяне асабіста ўразіў звычай сустракаць гасцей хлебам-соллю, – кажа Мен Гэнь Цан.

– Спадабалася вёска, утульная школа і дагледжаная тэрыторыя вакол яе, экскурсія ў музей, падчас якой вучні так кранальна расказвалі пра класіка рускай літаратуры.

У той жа дзень кітайскія юнакі і дзяўчаты яшчэ наведалі Маларыцкі раённы цэнтр народнай творчасці. Тут для іх цікавую і запамінальную экскурсію правяла майстар народных рамёстваў Ала Назарук. Кітайскія госці ў раённым цэнтры народнай творчасці шмат фатаграфавалі. Іх захапіў Маларыцкі строй адзення і зацікавіла адроджаная тэхналогія ткацтва “кажушком”.

Слева направо: Шах Шазаман (Афганистан), проф. М.П.Жигалова (Беларусь), Текле Тесфамариам (Эритрея), май 2017, БрГТУ, Брест

ТЕКЛЕ ТЕСФАМАРИАМ (ЭРИТРЕЯ, АФРИКА)
ШАХ ШАЗАМАН (НАНГАРХАРА, АФГАНИСТАН)
беженцы, подготовительный факультет БрГТУ
(научн. рук. проф.М.П.Жигалова)

УДК 821.161.1

ПУШКИН В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Аннотация

В статье показано влияние жизни и творчества А.Пушкина на изучение русского языка как иностранного в Беларуси

Ключевые слова: Эритрея, А.Пушкин, памятник, русский язык, музей, Беларусь

Мы, Текле Тесфамариам и Шах Шазаман, слушатели подготовительного отделения Брестского технического университета, приехали в Брест из Эритреи и Афганистана.

Здесь, в Брестском техническом университете, на подготовительном отделении, мы уже около года изучаем русский язык как иностранный. Преподаватель рассказала о том, что это язык Пушкина, который происходил из разветвлённого нетитулованного дворянского рода. Его прадед по материнской линии, Абрам Петрович Ганнибал, был выходцем из Африки, а именно из современного Камеруна и Чада.

Приятно тоже отметить, что жители Эритреи только рады, что Александр Сергеевич Пушкин имел в своих жилах кровь одного из местных племен, хотя он ни разу не был на родине прадеда. А произведения русского поэта с 2009 года входят в обязательную учебную программу средних школ Эритреи.

Я, Текле, показал преподавателю и своему другу Шазаману из Афганистана памятник русскому поэту, который установлен в столице африканского государства Эритреи Асмэре, на одной из центральных площадей, которой несколько лет назад было присвоено имя Пушкина.

Преподаватель рассказал о том, что автор памятника – российский скульптор Николай Кузнецов-Муромский, а архитекторы – московские зодчие Мария Ожерельева и Михаил Судаков. В церемонии открытия памятника участвовала и российская делегация.

Мы узнали также, что в основание памятника помещена капсула с землей с могилы поэта, что за этой землей в Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское», в Святогорский монастырь, приезжал Чрезвычайный и полномочный посол государства Эритрея в России Теклай Менассие Асгедом.

Господин посол и сопровождавшие его лица тогда посетили и вотчину «арапа Петра Великого» – Абрама Ганнибала, мемориальную усадьбу Петровское [5]. В Эритрее убеждены, что предок первого русского поэта Ганнибал – их земляк, так как был рождён в деревне неподалёку от столицы страны. Инициатива установки монумента принадлежала Эритрее и была поддержана Россией [6].

Мы также знаем, что «в дальнейшем в ансамбль площади Пушкина в Асмэре планируется включить комплекс зданий Российского культурного центра с библиотекой, книжным магазином, клубом и курсами русского языка» [2].

В благодарность Пушкинский Заповедник направил городским властям благодарственное письмо за вклад в объединение культур двух стран в мировом пространстве и «подарок – гальванический барельеф с изображением Петра I – копию одного из медальонов работы Растрелли, предназначавшегося для памятника во славу деяний русского императора, «крестником» которого и был их земляк [3].

Фото размещено на сайте [1]

Президент Эритреи Исаяя Афеворк выразил надежду, что наследие Пушкина – это энциклопедия новой жизни мира [4].

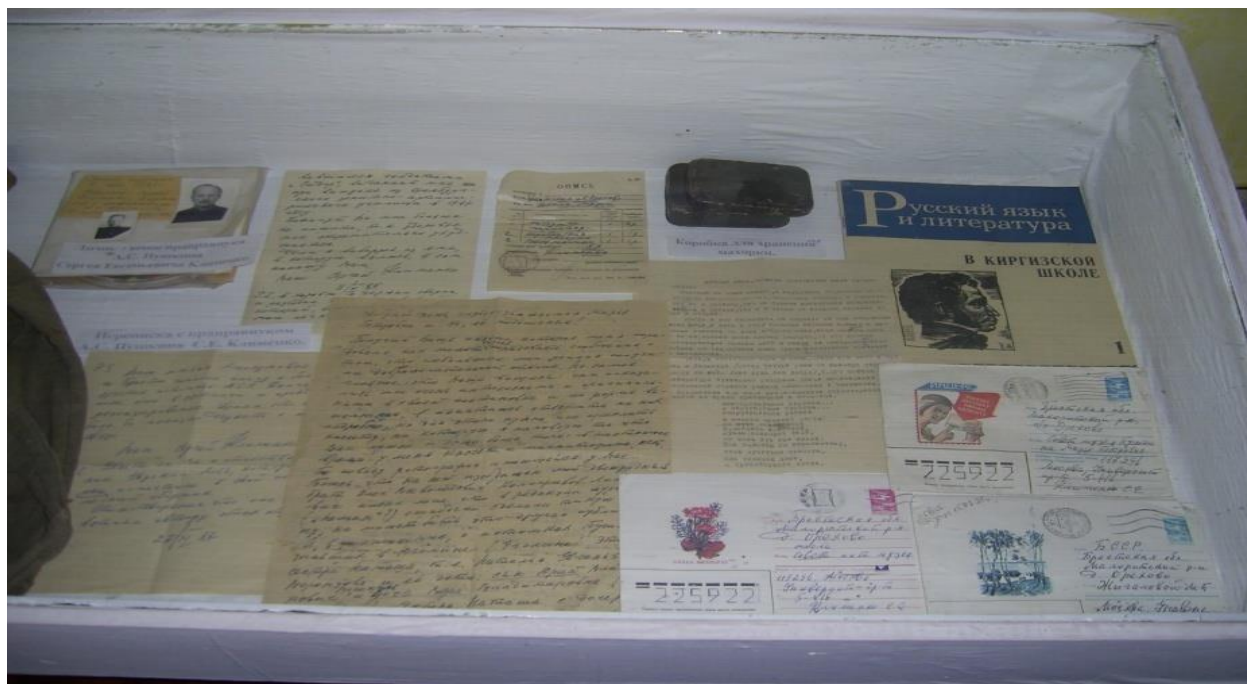

Памятник Пушкину в столице Эритреи – Асмэре

От своего преподавателя мы впервые услышали о том, что Пушкина чтят во многих странах, в том числе, и в Беларуси. Узнали и о том, что его стихи близки каждому народу.

Мы узнали, что наша преподаватель создала в 1984 году литературный музей Пушкина в белорусской сельской школе, которая находится в деревне Орехово на Брестчине и попросили её провести с нами виртуальную экскурсию по музею, которая помогла бы нам увидеть много интересного и неизвестного.

На занятии с помощью презентации мы и провели такое знакомство. Знакомьтесь и вы. Вот книги Пушкина и о Пушкине разных лет, в том числе, и редкие. Например, полное собрание сочинений А.С.Пушкина, изданное в 1899 году в издательстве «Лавка Сытина», роман Бенжамена Констана «Адольф» в переводе А.С.Кулишера (Москва, 1959), книги, подаренные белорусскими учёными и поэтами. Здесь и экспозиции, рассказывающие о жизни поэта и его творчестве, о потомках А.С. Пушкина, живших в Беларуси, например, о Наталье Александровне Воронцовой-Вельяминовой. О людях, которые разминировали во время войны могилу Пушкина в Михайловском, о самолёте «Александр Пушкин» и многое другое.

Здесь я увидел и переписку школьников с архивами и музеями России, Беларуси, Украины, с хранителем музея-заповедника в Михайловском С.С.Гейченко.

Но особенно запомнилось мне стихотворение С. Чернышова «Родство», в котором есть замечательные строки:

К Пушкину тропа

Не зарастает.

Люди в сердце

С Пушкиным живут.

Когда мы прочитали это стихотворение, нас спросили, а что значит, «жить с Пушкиным в сердце»? Думаем, что это значит, быть чутким и отзывчивым, добрым и внимательным к людям независимо от их национальности и места проживания. Если нужно, уметь вовремя прийти на помощь, и, конечно, быть всегда человеком творческим и трудолюбивым. Что это так говорит книга отзывов в школьном музее.

На виртуальной экскурсии мы впервые узнали, например, что А.С.Пушкин назвал белорусов родным народом («народ издревле нам родной»), что он любил Крым. Мы спросили своего преподавателя о Крыме и об этом периоде творчества поэта. Она рассказала и прочла стихи «Погасло дневное светило», «Таврида», «Фонтану Бахчисарайского дворца». Нам открылся чудесный и неповторимый мир поэта. Мы подумали, что его стихи и о нас. Потом мы вместе с преподавателем прочли стихотворение А.Пушкина «Волшебный край! очей отрада!...» («Бахчисарайский фонтан»):

...Волшебный край! очей отрада!

Всё живо там: холмы, леса,

Янтарь и яхонт винограда,

Долин приютная краса...

Невольно вспомнилась нам наша родина...

И хотя стихотворение рассказывает не об эритрейской и не об афганской природе, но, кажется, что о ней, потому что так нам всё было понятно, близко и дорого. Неудивительно, что Пушкина любят разные народы.

Побывав на такой виртуальной экскурсии в музее Пушкина, познакомившись с его стихами, мы почувствовали, что Пушкин для нас тоже теперь стал родным, потому что мы точно знаем, что русский поэт ценил жизнь, полную тревог и волнений, любил людей разных национальностей, а значит, любил и таких, как мы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. https://go.mail.ru/search_images?fm=1&q=%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%BF%D1%83%D1%88%D0%BA%D0%B8%D0%BD%D1%83%20%D0%B2%20%D1%8D%D1%80%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B5%D0%B5&frm=web#urlhash=4461170156179085684
2. https://www.km.ru/news/v_eritree_otkryt_pamyatnik_pushk.
3. <https://otvet.mail.ru/question/55661876>
4. <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-32793/>
5. <http://www.ural.aif.ru/culture/news/15732>
6. <https://pskov.aif.ru/culture/event/732719>

РАЗДЕЛ V. ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С.ПУШКИНА

КОЙНОВА-ЦЁЛЬНЕР ЮЛИЯ ВАСИЛЬЕВНА (ДРЕЗДЕН, ГЕРМАНИЯ),
Ph. Dr., Ph. Dr. phil, научный сотрудник кафедры общей дидактики
и эмпирического исследования урока Института педагогики
Педагогического факультета Дрезденского технического университета

УДК 811.161.1

А.С. ПУШКИН И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

В статье подчёркивается роль гуманитарного образования для расширения единого мирового образовательного пространства и создания единой мировой культуры. Анализируется вклад Пушкина в развитие теоретической концепции русской культуры на основе исторического реализма. Описывается его идея синхронного вхождения русской культуры в европейскую.

Ключевые слова: Пушкин, Германия, теория культуры, принцип историзма, Гёте, «Евгений Онегин», развитие языка, интернационализация.

В 2020 году исполнится 16 лет со дня создания Европейского Союза, который отказался от границ Восток и Запад, как по территориальному признаку, так и по экономическим и политическим интересам. В этих целях были созданы единая мировая экономическая и информационная системы. Развиваясь как информационное глобальное общество и создавая мировую информационную экономику и искусственный интеллект, Европа стремится к расширению единого мирового образовательного пространства на планете и созданию единой мировой культуры. Мысль не новая. Одним из первых идею необходимости соединения человечества на основе единства мировой культуры высказал русский поэт и прозаик А.С. Пушкин, который, размышляя о возможности создания всемирной культуры, подчёркивал опасность на пути её создания. Между-

народные актуальные события, как кризис арабского мира и трансформация мирового порядка, выход Англии из Евросоюза, подтверждают это. Значимость нравственных ценностей сегодня возрастает. Поэтому актуальные вопросы международного сотрудничества сегодня решаются не только в сфере стабилизации политического мира и экономики, создания искусственного интеллекта, но и в контексте актуальных вызовов гуманитарного педагогического образования.

В этом смысле обращение к жизни и творчеству Пушкина особенно важно. Восхищаясь владением поэтом иностранными языками и его литературной трансформацией в зарубежной литературе на русском языке, понимаешь значимость качественного образования, в частности, читательской грамотности. Пушкинские, масштабные по замыслам проекты, автор не смог бы реализовать без изучения греческой мифологии, произведений античного искусства, жизни императорского Рима, современной английской и французской литературы XVII-XIX веков, которые, как указывают различные исторические источники, он читал в оригинале. С детства нам знакомы стихи Пушкина, с использованием мифологических сюжетов, принадлежащие к жанру «сказки», которые он заимствовал у международных коллег, например: в сказке «Амур и Гименей» (1816 г.). Пушкин как бы продолжает французскую басню Ж. Лафонтена «Амур и Безумие», заимствуя сюжет другой французской писательницы XVI века Л. Лабе «Спор Безумия и Амура». При этом автор создал отличный от французских авторов новый сюжет и нового героя, в данном случае мужа-рогоносца [1, с.33]. Историческая реальность указывает на то, что подобные навыки осмысления, рефлексии, переложения международного знания и его трансформация сегодня особенно важны для развития международной коммуникации.

В рамках семинара (январь 2020) на вопрос о знании и значимости творчества А.С. Пушкина в Германии, его навыках перевода и трансформации знаний, немецкие студенты, изучающие русский язык, не смогли ответить, кто это, вспоминая, что видели улицу имени Пушкина. И это не исключение. Как правило, в тематических диспутах о русской литературе в Германии чаще всего упоминаются имена Толстого, Достоевского, Чехова. В академических кругах упоминаются Гоголь, Тургенев, реже Горький и Бунин, и лишь единицы имеют представление о том, кто такой Пушкин (1799-1837), и каков его вклад в развитие русского языка, поэзии и духовной культуры России, не говоря о Европейской. Одним из объяснений может быть тот факт, что в рамках школьной программы Германии, а также изучения русского языка как иностранного в Университете Дрездена, на данный момент творчество Пушкина не изучается.

В целом, Пушкин относительно редко цитируется в Германии. Клаус Штэдтке [2, с.18] согласен с мнением Пауля Рилла, который, признавая гениальность Пушкина, отмечает, что языковой барьер для перевода Пушкинского языка высок: «В России значение Пушкинского языка велико. ... Именно Пушкинский язык выразил гениальность и мышление русского народа... Это и есть то, что не может передать ни один перевод, даже самый лучший, – национальную взрывную силу этого лингвистического достижения» [3, с.188]. Следовательно, переводчику Пушкинской лирики необходимо не только знание русско-

го и немецкого языков, но и глубокое знание русского и немецкого менталитетов, а также его способность к стихотворному жанру. Для примера приведём два перевода знаменитого стихотворения Пушкина «Я вас любил» :

А.С. Пушкин (1829)	Перевод W. Weressajew (1947)	Перевод К. Боровский и Р. Поллах (1998)
Я вас любил: любовь ещё, быть может, В душе моей угасла не совсем; Но пусть она вас больше не тревожит; Я не хочу печалить вас ничем. Я вас любил безмолвно, безнадежно, То робостью, то ревностью томим; Я вас любил так искренне, так нежно, Как дай вам бог любимой быть другим. [4,с.78]	Ich liebte dich: vielleicht ist dieses Feuer In meinem Herzen noch nicht ganz verglüht; Doch deine Ruh ist mir vor allem teuer, Durch nichts betrüben will ich dein Gemüt! Ich liebte dich, still, hoffnungslos und schmerzlich. In aller Qual, die diese Liebe gibt – Ich liebte dich so wahrhaft und so herzlich; Gott geb', dass dich ein anderer je so liebt! [5,с.110]	Ich liebte Sie: vielleicht ist die Liebe In meinem Herzen noch nicht ganz erloschen; Doch soll sie Sie nicht mehr beunruhigen; ich möchte Sie durch nichts betrüben. Ich liebte Sie schweigend, ohne Hoffnung, bald von Scheu, bald von Eifersucht gequält; ich liebte Sie so innig, so zärtlich – gebe Ihnen Gott, dass Sie von einem anderen ebenso geliebt werden. [6,с.79]

Читая переводы с русского на немецкий, не нужно быть знатоком, чтобы почувствовать разницу в звучании и передаче содержания. Перевод Верессаева (1947) является не «калькой» стихотворения Пушкина, а трансформацией пушкинской прозы, вызывает чувства, похожие при прочтении оригинала. Дословный перевод, выполненный в 1998 г., можно сделать с помощью компьютерной программы, но такой перевод вряд ли способен заинтересовать читателя.

Во времена жизни Пушкина в России и Германии обоюдно высоко ценилось знание западноевропейской культуры. Быть частью Европы, получить Европейское образование, считалось обязательным в аристократических кругах. Парижский университет, университеты Гёттинген и Лейпциг были хорошо известны в России. Не случайно Пушкин описывает в своём романе «Евгений Онегин» современника Ленского, как студента, приезжающего «из Германии туманной», поклонника Канта. Ленский – поэт, а душа его «геттингенского» типа.

Вообще, интернациональная коммуникация прошлого восхищает. Достоевский написал в своё время: «У нас, у русских, две отчизны: Россия и Европа» [7, с. 80]. Встретив Герцена в Париже, он прокомментировал, что «...тот не эмигрировал, он эмигрант от рождения» [7, с. 80]. Такое интенсивное в образовательном плане интернациональное общение сказалось на распространении и качестве зарубежной литературы и развитии европейской культуры. В 1827 году Гёте высказал Экерманн мысль о большой пользе развития мировой литературы, «...если мы так и дальше будем развивать международное общение, то близость контактов между французами, англичанами, немцами позволила бы нам совместное творчество и обоюдную корректировку текстов...» [8, с.18].

Несмотря на тот факт, что с 1825 года Гёте регулярно переводился и рецензировался в России, Пушкин неоднозначно относился к немецкому романтизму, на что

указывает Жирмунский в своей книге «Гёте в русской литературе» [9, с. 29-30]. Он приводит в книге историю с поэтом Филимоновым: в 1828 г. Филимонов послал Пушкину свою поэму «Дурацкий колпак», в которой он описал Германию:

«... О, как Германия мила!
Она, в дыму своём табачном,
В мечтаньи грозном, но не страшном,
Нам мир воздушный создала,
С земли на небо указала;
Она отчизны идеала,
Одушевлённой красоты,
И эстетической управы
И Шиллера и Гёте славы,
Она – приволие мечты!» [10, с.151]

Пушкин иронически относился к Германии и, как отметил Лотман [11], трансформировал строфу Филимонова во второй главе произведения «Евгений Онегин» для иронического изображения поэта Ленского «... он с лирой странствовал на свете под небом Шиллера и Гёте» [12].

Не принимая немецкий романтизм и Германию, мистическим представляется работа над Фаустом Пушкина и Гёте. Оба классика почитали Байрона. Строфы памяти Байрона Пушкин поместил в стихотворение «К морю»:

*Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец,
Шуми, волнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.
Твой образ был на нём означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен.
Как ты, ничем не укротим. [13, с.44]*

Бесспорно то, что после перерыва к работе над Фаустом Пушкин и Гёте (над второй частью) приступили одновременно, вскоре после гибели Байрона в Греции 19 апреля 1824 года. Оба описывают сцену Фауста на берегу моря. Различия жизни, языков и творчества двух классиков не помешали им воссоединиться духовно. Гёте, как и Пушкин, в финальных сценах Фауста как бы предостерегает, что „в начале было дело“. Тема о борьбе света и тьмы, мысли о просвещённом человеке, познавшем свою силу и власть над природой и другими людьми, занимала Пушкина уже в ранних произведениях, как например, в стихотворном отрывке „Демон“ (1823), „Сцены из Фауста“ (1825), стихотворении „Ангел“ (1827) [14].

Бесспорно и то, что Гёте и Пушкин в равной степени как классические национальные поэты не только оказали влияние на развитие современной литературы и эстетического мышления в своей стране, но и существенно концептуировали культурное развитие всемирной литературы, с учётом национальной специфики. Гёте заложил основу для развития философской эстетики и теории искусства в Германии. Взаимоотношения природы и искусства интерпрети-

вал Гёте с философской и искусствоведческой позиций. Он обогатил теорию познания мира размышлениями об искусстве как «второй природы»[15, с.21]. Его идеи нашли продолжение в теории О.Вальцер «Язык искусства» (1914)[16].

В Пушкинской концепции культуры, языку отводится также центральное место, обосновывается значение поэтического языка, подчёркивая принцип историчности: «Становясь основой литературы, славяно-русский язык, несомненно, имеет преимущество перед всеми европейскими языками: его судьба была необычайно счастливой. В 11 веке древнегреческий язык чудесным образом открыл русской речи свой словарный запас, сокровищницу гармонии, подарил ей законы хорошо продуманной грамматики, ее прекрасные обороты, величественный поток речи – словом, русский язык принял древнегреческий и тем самым избавился от медленного совершенства во времени. Уже сам по себе звучный и выразительный, он обретает гибкость и равномерность. На данном этапе в разговорном языке необходимо отойти от литературного языка, чтобы позднее приблизиться друг к другу, используя, однако, этот элемент языка, для передачи и общения наших мыслей»[17, с.21-22].

Таким образом, признав необходимость культурного развития, Пушкин обосновал отечественную, отличную от Западной Европы, концепцию развития языка и культуры в целом. Пушкин призывал признать самостоятельность развития русского народного языка: «Разговорный язык простого народа, не читающего иностранных книг и, слава Богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке, достоин также глубочайших исследований»[18]. Действительно, состояние русского языка, особенно с середины 18 века, было проблематичным. Аристократия не признавала русский. И даже после победы над Наполеоном, отдавая должное достоинствам России, пресса использовала европейские языки. Логично, что в России при жизни Пушкина языковая проблема стала центральным объектом культурного самосознания. Учитывая, что Пушкин, как и его современники знал лучше французский, чем русский и вырос под влиянием зарубежной литературы, он смог увидеть в этом проблему. Пушкин не только эту проблему осознал, рефлексировал, но и предложил решение проблемы, работая над новыми литературно-языковыми формами. При этом он подчёркивал возможность и важность своего пути развития. Пушкин мечтал, что со временем русский язык станет признаваться в Европе и может быть средством интернациональной коммуникации. В 1825 году он телеграфирует: «Предположим, что русская поэзия действительно уже высоко развита: эпоха просвещения требует пищи для размышлений, духи не могут быть удовлетворены простыми играми в гармонию и фантазиями. К сожалению, наука, политика и философия еще не изложена на русском языке, языка абстракции у нас вообще не существует. Наша проза до сих пор настолько мало развита, что даже в самой простой переписке мы вынуждены выдумывать обороты, чтобы передать простые и обыденные понятия, и ради нашего удобства мы пользуемся иностранным языком, механические формы которого давно сформированы и всем хорошо известны» [19]. Таким образом, Пушкин высказал мысль, что для

использования языка в качестве инструмента на практике общения необходимы механические формы, создание их стилистических и универсальных функций.

Не случайно, что уже в статусе «ссылного» Пушкина приглашают для работы над созданием русского литературного языка и для участия в написании современной русской истории. В письме Гнедичу от 23 февраля 1825 года Пушкин пишет «История народа принадлежит поэту» [20, с. 24], тем самым отвечая на вопрос, – кому принадлежит история, – после выхода труда Карамзина «История государства Российского» (1816).

Признание Пушкина как национального патриота и как борца за международное признание России и русского языка бесспорно:

1) Пушкин не был сторонником усилий сравнить Россию с Европой, приводя следующий довод: «У России никогда не было ничего общего с остальной Европой, ее история нуждается в иной идее, иной концепции, чем идея и концепция либерального консерватизма Франсуа Гизо, выведенные из истории христианской Европы» [21, с.25]. С другой стороны, он считал, что Россия является интегративной частью европейской культуры. В письме Чаадаеву, который высказывал мнение, что России не коснулась европейская цивилизация, Пушкин писал: «...ответьте, положив руку на сердце, Вы не находите ничего впечатляющего в нынешней ситуации в России, что может удивить будущего историка? Вы думаете, что он нас выставит за пределы Европы?» [22, с.376].

2) Пушкин стремился к исторической объективности представлений о России и возможности её культурного прогресса:

«Товарищ, верь: взойдёт она,
звезда пленительного счастья,
Россия воспрянет ото сна ... [23, с.18].

Признавая национальную традицию, следовательно, созданную картинку России за границей на основе представлений о жизни аристократии и крепостничества, ориентации представителей высшего общества на европейскую культуру, Пушкин писал: «Какими бы ни были мои убеждения, я никогда ни с кем не разделял демократической ненависти к аристократии. Я всегда считал их важной частью нашего большого, образованного народа» [24].

Описывая биографию Пушкина, Лотман подчёркивает амбивалентность чувств поэта, который связан с традициями и историей своей семьи, и через неё – с национальной историей и русской культурой [25].

3) В своём творчестве Пушкин интегрирует поэтику с историей, следуя современным литературным тенденциям. При этом, новейшая российская и европейская история провоцировала его использовать всю систему литературных стилей и жанров не для описания истории, как таковой, а на описание историчности в судьбе человека.

«Давно ль, друзья? Но двадцать лет
Тому прошло; и что же вижу?
Того царя в живых уж нет;
Мы жгли Москву; был плен Парижу;

Угас в тюрьме Наполеон;
Воскресла греков древних слава;
С престола пал другой Бурбон;
Отбунтовала вновь Варшава.

.....

Так дуновенья бурь земных
И нас нечаянно касались.
И мы средь пиршеств молодых
Душою часто омрачались ...»[26].

Примечательно, что Пушкин не отрывает исторические события от пережитого индивидуального опыта. Судьба и поведение современников в изменяющемся историческом контексте, жизненных ситуациях – тема, которая близка Пушкину, и актуальна сегодня, как и 200 лет назад. Доказательством этому может и послужить тот факт, что опера Чайковского «Евгений Онегин» по роману в стихах Пушкина, всё чаще звучит в известных концертных залах мира.

Используя принципы историзма и библиографизма, Пушкин отразил движение во времени и показал взаимосвязь языка и культуры нации. Своим творчеством он доказал, что язык и форма в литературе подвержены принципу исторического изменения. Интересно, что Гёте при своей любви к естественнонаучным дисциплинам отрицательно относился к истории [27, с.27]. Пушкин, принимая участие в написании «Истории государства российского», осознал темп и результаты развития России со времён Петра I и в отличие от Гёте, сделал историю началом своего мировоззрения и понимания культурного развития. В этом он отличался от своих соотечественников, создавших в 1830 году «Школу молодых писателей» под влиянием современной немецкой философии. В противовес истории они выдвинули философски обоснованную идею самосознания, которая провозглашала «молодую» Россию, отказываясь от «стареющей» Европы [28, с.28]. Представления Пушкина о синхронном диалоге и относительно симультанном прогрессе Европейских культур в целях всеобщей культуры не получили дальнейшего развития. Значительно позднее в поддержку возрождения диалектики русской и европейской культур в Пушкинском понимании высказался Достоевский в своей знаменитой речи в Москве (1880 гг.): «...в появлении его заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. Пушкин как раз приходит в самом начале правильного самосознания нашего, едва лишь начавшегося и зародившегося в обществе нашем после целого столетия с петровской реформы, и появление его сильно способствует освещению темной дороги нашей новым направляющим светом. В этом-то смысле Пушкин есть пророчество и указание...»[29]. В книге «Стиль Пушкина» (1941) Виноградов пишет, что «в языке Пушкина вся предшествующая культура русского художественного слова не только достигла своего наивысшего расцвета, но и подверглась решительной трансформации» [30].

Основываясь на принципе конвергенции поэтики и истории, взаимно обратных проекций языка и истории, Пушкин способствовал созданию картины русской национальной культуры, которая, как бы, синхронно вписалась в рамки

развития европейской культуры. Его вклад в признание русского языка как инструмента международной коммуникации и научного общения велик.

Современное развитие международного сотрудничества проходит преимущественно на английском языке. Количество публикаций качественных научных достижений на английском увеличивается, издание переводов научной литературы на русском сокращается. Реализация интернационализации на основе студенческой и преподавательской мобильности не реализует задачу развития единой мировой культуры.

Пушкин постоянно занимался самообразованием, работал с первоисточниками, переписывался с соратниками и коллегами, и смог интернационализировать русский язык, не выезжая за границу. Возможно нам, развивая интернационализацию образования, необходимо пересмотреть цели и пути её реализации, осознать важность читательской грамотности, которую нельзя заменить информационными технологиями. Жизнь и творчество Пушкина, его идеи развития всемирной культуры, с учётом исторического национального контекста и на основе всеобщего гуманизма, в этом плане и сегодня актуальны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пушкинская энциклопедия: Произведения. Вып. 1 А-Д. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 520 с.
2. Städke, K. Puschkin und Deutschland. Zu einem Problem der vergleichenden Kulturgeschichte./ Alexander Puschkin in unserer Zeit. Reihe Literaturwissenschaft. Wissenschaftliche Beiträge der Karl-Marx-Universität Leipzig, 1988. – С.18-30.
3. Rilla, P. Essays, Berlin, 1955. – 188с.
4. Puschkin, A. Gedichte. Russisch / Deutsch, Philipp Reclam jun. Stuttgart, 1998. – 160с.
5. Weressajew, W. Puschkin. Sein Leben und Schaffen / W.Weressajew. – SWA-Verlag. Berlin, 1947. – 197с.
6. Puschkin Alexander. Gedichte. Russisch / Deutsch, Philipp Reclam jun. Stuttgart, 1998. – 160с.
7. Figes, O. Nataschas Tanz. Eine Kulturgeschichte Russlands / O. Figes. – Berlin Verlag, 2002. – 720с.
8. Eckermann, J.P. Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seine Lebens 1823-1832/ J.P. Eckermann. – Verlag Reclam, 1994. – С. 270 – 271 (900с.)
9. Жирмунский, В.М. Гёте в русской литературе / В.М.Жирмунский. – Л. Наука, 1982. – 560с.
10. Поэты 1820 – 1830-х годов. – Л.Наука, 1978. – Т.1
11. Лотман, Ю.М. Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий: Пособие для учителя / Лотман, Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960-1990; «Евгений Онегин»: Комментарий. – СПб.: Искусство – СПб, 1995. – С. 472-762
12. <http://www.poetry-classic.ru/2-9.html>
13. Puschkin Alexander. Gedichte. Russisch / Deutsch, Philipp Reclam jun. Stuttgart.-1998. – С.42 – 46.
14. Puschkin Alexander. Gedichte. Russisch / Deutsch, Philipp Reclam jun. Stuttgart. – 1998. – 160с.
15. Städke, K. Puschkin und Deutschland. Zu einem Problem der vergleichenden Kulturgeschichte./ Alexander Puschkin in unserer Zeit. Reihe Literaturwissenschaft. Wissenschaftliche Beiträge der Karl-Marx-Universität Leipzig, 1988. – С.18-30.
16. Walzer, O. Die Sprache der Kunst./Vom Geistesleben alter und neuer Zeit. Leipzig, 1922. – 262с.
17. Weber, P. Die Herausbildung des Begriffs Weltliteratur./Literatur im Epochenumbbruch. Funktionen europäischer Literaturen im 18. und beginnenden 19. Jh. –Berlin u. Weimar, 1977.-С.580.
18. <http://gramota.ru/clasitations>
19. Weber, P. Die Herausbildung des Begriffs Weltliteratur./Literatur im Epochenumbbruch. Funktionen europäischer Literaturen im 18. und beginnenden 19. Jh. – Berlin u. Weimar, 1977. – С.580.
20. Städke, K. Puschkin und Deutschland. Zu einem Problem der vergleichenden Kulturgeschichte / Alexander Puschkin in unserer Zeit. Reihe Literaturwissenschaft. Wissenschaftliche Beiträge der Karl-Marx-Universität Leipzig, 1988. – С.18-30.

21. Там же.
22. Жирмунский, В.М. Гёте в русской литературе/ В.М. Жирмунский. – Л. Наука, 1982. – 560с.
23. Puschkin Alexander. Gedichte. Russisch/Deutsch, Philipp Reclam jun. Stuttgart.-1998. – 160с./ К Чаадаеву. – 18с.
24. Weber, P. Die Herausbildung des Begriffs Weltliteratur./Literatur im Epochenumbruch. Funktionen europäischer Literaturen im 18. und beginnenden 19. Jh. – Berlin u. Weimar, 1977. – С.580.
25. Лотман, Ю.М. Пушкин: Биография писателя; Статьи и заметки, 1960 –1990; «Евгений Онегин»: Комментарий.– СПб. : Искусство – СПб, 1995. – С.472 – 762.
26. https://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1831/0567.htm
27. Städke, K. Puschkin und Deutschland. Zu einem Problem der vergleichenden Kulturgeschichte./ Alexander Puschkin in unserer Zeit. Reihe Literaturwissenschaft. Wissenschaftliche Beiträge der Karl-Marx-Universität Leipzig, 1988.
28. Там же
29. [https://ru.wikisource.org/wiki/Дневник_писателя._1880_год_\(Достоевский\)/Глава_вторая](https://ru.wikisource.org/wiki/Дневник_писателя._1880_год_(Достоевский)/Глава_вторая).
30. Виноградов, В. Стиль Пушкина / В. Виноградов. – М., 1941. – С.5.

ПЕРЕХОД ОЛЬГА БОРИСОВНА (БРЕСТ, БЕЛАРУСЬ),
кн. фил. наук, доц., зав. кафедрой общего и русского языкознания
Брестского государственного университета им. А.С.Пушкина

УДК 81'373.4

ЛЕКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ СТИХОТВОРЕНИЯ А. С. ПУШКИНА «ПРИЗНАНИЕ»

Аннотация

Статья посвящена характеристике лексических особенностей стихотворения А.С. Пушкина «Признание». Проводится лингвистический анализ лексического уровня стихотворения на основе современных подходов к интерпретации художественного текста. Выявляются языковые средства, способствующие воплощению художественного замысла поэта.

Ключевые слова: лексика, уровень, особенности, А. Пушкин, интерпретация, текст

В языкознании существуют разные подходы к лингвистическому анализу художественного текста. При широком подходе к интерпретации текста рассматриваются все языковые уровни, способствующие выражению идейно-художественного своеобразия произведения, то есть художественный текст

анализируется в неразрывном единстве содержания и формы. Об этом говорит Д. Н. Шмелев: «Все языковые элементы художественного произведения находятся во взаимодействии друг с другом и зависят от того содержания, выражению которого они служат. Поэтому они, естественно должны изучаться как элементы сложного целого» [1]. Н. М. Шанский, определяя лингвометодические задачи анализа художественного текста, акцентирует внимание исследователей на более узком подходе, подчеркивая, что текст может содержать в своем составе такие «слова и выражения, такие формы и категории», которые не соотносятся с «обычным современным языковым стандартом», поэтому предметом лингвистического анализа должны быть прежде всего те реализованные в тексте языковые единицы, понимание которых затруднено [2]. При таком подходе предметом лингвистического анализа становятся: устаревшая лексика, поэтическая символика, индивидуально-авторские новообразования и перифразы, диалектизмы, ключевые слова анализируемого текста как художественного целого. Оба подхода к лингвистическому анализу произведения не являются противоречивыми, а дополняют друг друга, поскольку характер лингвистического анализа определяется временем появления произведения, его жанром и индивидуально-художественными особенностями, речевой практикой писателя, языковым вкусом эпохи.

Целью нашей статьи является лингвистический анализ лексического уровня стихотворения А. С. Пушкина «Признание» на основе современных подходов к интерпретации художественного текста; выявление языковых средств, способствующих воплощению художественного замысла поэта.

Стихотворение «Признание» [3] написано в 1726 году, когда поэту было 27 лет. В этот период поэт был отстранен от государственной службы и сослан в родовое имение Михайловское, где познакомился с Александрой Осиповой (в стихотворении – Алиной), – приемной дочерью овдовевшей помещицы, жившей в соседнем с Михайловским поместье. Обстоятельства сложились так, что Пушкин не смог прочитать это стихотворение «предмету своего обожания», но в истории литературы и в творчестве самого поэта оно осталось неподражаемым образцом любовной лирики, в котором выражены муки страсти от неразделенной любви.

«Признание» представляет собой монолог-обращение лирического героя к своей возлюбленной. Герой страдает, и при этом надеется на взаимное чувство, не смея требовать его. С нежностью описаны черты возлюбленной и признание в любви. Лирический герой согласен на «притворное» чувство со стороны любимой, на обман, лишь бы не страдать от безответной любви.

Лексический уровень, по мнению Н. М. Шанского, является самым интересным и продуктивным при лингвистическом анализе текста. Рассмотрим некоторые особенности лексического уровня стихотворения «Признание». Основу стихотворения составляет нейтральная и поэтическая лексика. Интерес с точки зрения лексической организации текста стихотворения представляют тематическая группа слов, выражающих эмоциональное состояние лирического героя,

стилистически окрашенные слова, слова и выражения, содержащие аллюзии, тропеическая система стихотворения.

Лексика, характеризующая эмоциональное состояние героя, является смысловым центром стихотворения. Чувство влюбленности лирического героя передается неоднократным употреблением глагола *любить* и производного от него слово *любовь*: *Я вас люблю, хоть и бешусь; Но узнаю по всем приметам / Болезнь любви в душе моей; Не смею требовать любви. Быть может, за грехи мои, Мой ангел, я любви не стою!*

Волнение влюбленного, перепады его настроения, смена эмоций – вся гамма чувств выражается с помощью разных разрядов эмотивной лексики. Молодой человек испытывает противоречивые чувства: недовольство равнодушием молодой особы, нервное возбуждение и негодование (*Я вас люблю, хоть и бешусь* – глагол *бешусь* в первой строке стихотворения сразу же задает высокий эмоциональный накал стихотворению); чувство стыда от невозможности справиться со своей страстью (*Хоть это труд и стыд напрасный, И в этой глупости несчастной / У ваших ног я признаюсь!*). Чувства тоски и печали (*Без вас мне скучно, – я зеваю / При вас мне грустно – я терплю; Вы отвернетесь – мне тоска*), муки ревности (*Сказать ли вам мое несчастье, Мою ревнивую печаль; За день мучения – награда / Мне ваша бледная рука*) сменяются умилением, нежностью, радостью (*Я в умиленьи, молча, нежно / Любуюсь вами, как дитя! Вы улыбнетесь – мне отрада*).

Лирический герой иронизирует над собой, называя свое чувство «*глупостью несчастной*». Боясь показаться глупцом, пытается сдерживать себя и не поддаваться этому чувству, взывает к своим годам и опыту (*Мне не к лицу и не по летам... Пора, пора мне быть умней!; Я вдруг теряю весь свой ум*). А.С. Пушкин, рисуя рефлексию героя, апеллирует к народному опыту, использует фразеологизмы: *не к лицу, не по летам*; трансформирует устойчивое выражение *терять ум*, расширяя его состав: *теряю весь свой ум*, тем самым подчеркивает силу страсти влюбленного. Герой пытается оправдать свою любовную неудачу отпущением за былые грехи (*Быть может, за грехи мои, Мой ангел, я любви не стою!*). Лирический герой в том же ироническом регистре патетически взывает к жалости (*Алина! сжальтесь надо мною; Но притворитесь! / Этот взгляд Все может выразить так чудно! / Ах, обмануть меня не трудно!.. / Я сам обманываться рад!*). Эта легкая самоирония, за которой скрывается уязвленное самолюбие из-за неразделенного чувства, придает стихотворению особый шарм.

Поэт использует в стихотворении возможности народно-разговорной лексики и архаичные формы имен существительных, рисуя идиллическую картинку поместного быта, занятий и невинных увлечений молодой девушки: *Сказать ли вам мое несчастье, / Мою ревнивую печаль, / Когда гулять, порой в ненастье, / Вы собираетесь в даль? / И ваши слезы в одиночку, / И речи в уголку вдвоем, / И путешествия в Опочку, / И фортепяно вечером?*

Разговорная лексика соседствует в стихотворении с книжной (*отрада, умиление, мученье, грехи*), повышающей манеру и стиль выражения эмоций лирического героя.

Композиция стихотворения строится на антитезе – противопоставлении чувств героев: страстности молодого человека и холодности (или неопытности, невинности) девушки. Антитеза поддерживается употреблением контекстуальных антонимов – личных местоимений **я** и **Вы**; глаголов **люблю** и **бешусь**; **улыбнетесь** и **отвернетесь**; существительных **отрада** и **тоска**. Концовка стихотворения также построена на столкновении однокоренных слов **обмануть** и **обманываться**, которые порождают языковую игру.

Тропеическая система стихотворения разнообразна, но автор умеренно пользуется образными средствами, что позволяет избежать шаблонности в выражении любовных переживаний. Поэт добивается экспрессии, используя в стихотворении метафору (*Этот взгляд Все может выразить так чудно*), сравнения (*Любуюсь вами, как дитя! Награда Мне ваша бледная рука.*), эпитеты (*ревнивая печаль, несчастная глупость, легкий шаг, выразить чудно*), оксюморон (*болезнь любви*).

В тексте присутствуют разные способы обращения лирического героя к своей возлюбленной, но всегда уважительные и даже идеализирующие ее: чаще всего в стихотворении герой обращается к возлюбленной на **Вы**; в последней части стихотворения героиня персонифицируется, называется ее имя – **Алина**, а также дважды используется обращение **мой ангел**.

Таким образом, именно лексика передает содержание произведения, является проводником темы стихотворения, предоставляет автору наибольшие возможности для выбора средств, выражающих мысли и переживания лирического героя. Этот уровень отражает индивидуальные особенности стиля поэта, философские и эстетические взгляды, своеобразие его художественного метода.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Старых, Л. В. Лингвометодические аспекты работы с текстами сказок Д. Н. Мамина-Сибиряка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [http:// n-shkola.ru/storage/archive/1403601658-117325454.pdf](http://n-shkola.ru/storage/archive/1403601658-117325454.pdf) – Дата доступа : 14.01.2020.
2. Шанский, Н. М. Лингвистический анализ художественного текста [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=291. – Дата доступа : 07.07.2016.
3. Пушкин, А. С. Признание [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1826/0419.htm. – Дата доступа : 14.01.2020.

СИДОРУК ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА (БРЕСТ, БЕЛАРУСЬ),
учитель русского языка и литературы СШ №17

УДК 8 Р1

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРЕМИЙ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ А.С. ПУШКИНА

Аннотация

В данной статье дана структурно-семантическая характеристика паремий, описаны их назначения в письмах, а также выявлены случаи авторской трансформации паремиологических единиц, что позволяет проследить особенности функционирования паремий в эпистолярном наследии А.С. Пушкина (по материалам книг В.В. Вересаева «Пушкин в жизни»).

***Ключевые слова:** паремии, пословицы, поговорки, эпистолярное наследие, В.В.Вересаев «Пушкин в жизни», семантика, описание, экспрессия, трансформация, композиция, поэтика.*

Александра Сергеевича Пушкина справедливо считают истинно великим русским поэтом. Используя и эстетически преображая все ресурсы общенационального языка, А.С. Пушкин открыл новые художественные средства и новые возможности для развития русской словесности. «Язык неистощим в соединении слов», – утверждал Пушкин. Русский дворянин, не прибегая к словотворчеству, обогатил русскую художественную речь средствами из живого употребления, из «языка простого народа» [5, с. 517].

Решительное желание говорить и писать только по-русски у поэта появилось очень рано и не случайно. И в творчестве, и в повседневной жизни Александр Сергеевич Пушкин постоянно обращался к фольклорным текстам. Известно, что Пушкин стал ревностным собирателем народных песен, обрядов и сказок в Михайловском, в ссылке.

Не менее высоко этот необычайно чуткий к слову, увлекающийся, вдохновенный художник, ценил паремии – устойчивые фразеологические единицы, представляющее собой целостное предложение дидактического содержания [6]. Сохранились свидетельства, что Пушкин не только интересовался малыми фольклорными формами как поэт, но и сам собирал, коллекционировал и записывал пословицы и поговорки. Они привлекали поэта ёмкостью смысла, эмоциональностью, остроумием и меткостью оценок. Пословица – это образное,

законченное речение, имеющее назидательный смысл. Поговорка – образное, иносказательное речение, отличающееся от пословицы своей недосказанностью, отсутствием назидания. Пословицы и поговорки принято считать частью фразеологии в широком её понимании. Вместе с тем, хотя пословица часто равна одному предложению, она понимается как свернутый текст, поскольку отражает движение человеческой мысли [4, с. 8].

Пословицы и поговорки совершенно органично вписываются в тексты пушкинских произведений. Пушкин неоднократно использовал паремии как средство речевой характеристики героев, как эпиграфы глав или произведений в текстах многих своих произведений: «Дубровский»; «Руслан и Людмила»; «Арап Петра Великого»; «Капитанская дочка» и др.

Активно поэт использовал паремии и в обыденной речи, о чем свидетельствует его богатое эпистолярное наследие. До наших дней дошло 786 писем А. С. Пушкина 186 адресатам. В них выявлено около 120 пословиц и поговорок [6]. Восхищаясь этими жемчужинами народного творчества, поэт стремился показать найденные драгоценности русского языка окружающим.

Мы обратились к работе В.В. Вересаева «Пушкин в жизни»⁴[1], где содержатся письма Пушкина друзьям, издателям, жене и другим адресатам. Викентий Викентьевич Вересаев – известный писатель, который показывает А. С. Пушкина простым человеком, сочиняющим стихи, подсчитывающим долги, то есть решающим и творческие, и житейские проблемы.

Больше всего писем написано невесте, а затем жене Наталье Николаевне Гончаровой. В этих письмах поэт использует разные пословицы и поговорки: *Рад бы в рай, да грехи не пускают* (Верес. Т. 3, с. 54); *Душа просит, да мошна не велит* (Верес. Т. 3, с. 54); *Взялся за гуж, не скажу, что не дюж* (Верес. Т. 3, с. 14); *Из пустова в порожнее переливаю* (Верес. Т. 3, с. 82) и др.

Немало пословиц, поговорок и устойчивых разговорных выражений присутствует в письмах, написанных одному из ближайших друзей Пушкина, поэту и критику Петру Александровичу Плетнёву: *От добра добра не ищут* (Верес. Т. 2, с. 475); [Пишу], *через пень колоду ваю* (Верес. Т. 3, с. 25); *Со смеху умер* (Верес. Т. 2, с. 479); *С ног свалить* (Верес. Т. 2, с. 492 – 493) и др.

Подобные выражения имеются также в письмах к А.А. Дельвигу (*Слава Богу* (Верес. Т. 3, с. 37 – 38); *Поп своё, а чёрт своё* (Верес. Т. 2, с. 323)), В.Ф. Одоевскому (*Не приведи Боже* (Верес. Т. 3, с. 25)) и др.

Метких, ярких разговорных высказываний не избегает поэт и тогда, когда пишет себе – в дневнике. В дневниковых записях у Пушкина читаем: *С плеч долой* (Верес. Т. 3, с. 37 – 38); *Ломать голову* (Верес. Т. 3, с. 39); *Под старость лет* (Верес. Т. 3, с. 42 – 43) и др.

Встречаются случаи, когда одну и ту же языковую единицу Пушкин использует в письмах нескольким адресатам. Например: пословицу *Из пустова в порожнее переливать* поэт употребляет минимум два раза: в письме А. А. Дельвигу от 2 марта 1827 года: *Я (Пушкин) говорю: господа, охота вам из пустога в порожнее переливать, все это хорошо для немцев, пресыщенных уже поло-*

⁴ Текстовые иллюстрации из писем Пушкина приводятся с указанием страниц в круглых скобках по этому изданию.

жизельными познаниями, но мы... (Верес. Т. 2, с. 323) и жене, написанном в конце сентября 1835 года: *Утром дела не делаю, а так из пустова в порожнее переливаю* (Верес. Т. 3, с. 82). Интересной для рассмотрения является разговорная форма *пустова*. Многочисленные попытки объяснить феномен появления **в** в окончании (Г. А. Ильинский, А. А. Шахматов, А. Мейе и др.) подытожил П. С. Кузнецов, который указал, что в положении между двумя гласными **г** мог утрачивать свой взрывной характер, становиться фрикативным, затем исчезать вообще. Устранял появившееся стечение гласных вставной **в** [7, с. 148].

В эпистолярных текстах поэт употребляет пословицы и поговорки для разных целей:

1. Как средство иронической экспрессии. Например, пословицу *От добра добра не ищут* Пушкин использует в письме Плетнёву, когда говорит о тяжелом периоде в своей жизни: Пушкин – 30-летний жених, направляющийся в Болдино. Поэт чувствует грусть и тоску. Эти чувства переполняют поэта, поскольку свадьба откладывается, появляются сплетни и интриги, разрушающие личную жизнь Пушкина. Поэт в замешательстве. Его дальнейшее счастье кажется невозможным: ...*Так-то, душа моя. От добра добра не ищут. Черт меня догадал бредить о щастии, как будто я для него создан. Должно было мне довольствоваться независимостью* (Верес. Т. 2, с. 475);

Эту же пословицу поэт употребляет в ироническом смысле и в письме к своей жене, рассказывая о своем отношении к царям: *Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого я не желаю: От добра добра не ищут* (Верес. Т. 3, с. 43);

2. Для оживления ситуации. В ответе на очередное письмо жене Пушкин пишет: *Ты спрашиваешь, как я живу и похорошел ли я? Во-первых, отпустил я себе бороду; Ус да борода – молодцу похвала; выйду на улицу, дядюшкой зовут* (Верес. Т. 3, с. 2);

3. Для объяснения своего поведения или поступка Пушкин употребляет такие пословицы: *Рад бы в рай, да грехи не пускают; От безделья всяк поневоле хандрить станет; Жизнь человека коротка да погудка долга; Душа просит да мошна не велит; Взялся за гуж, не говори, что не дюж* и др. В первой половине июля 1834 года Пушкин пишет из Петербурга своей жене: *Я сплю и вижу, чтоб к тебе приехать; да кабы мог остаться в одной из ваших деревень под Москвою, так бы богу свечку поставил; рад бы в рай, да грехи не пускают. Дай сделаю деньги, не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю, но уважаю в них единственный способ благопристойной независимости* (Верес. Т. 3, с. 54). Из письма понятно, что Пушкин любит свою жену и очень хочет к ней приехать. Однако поэт также прекрасно знает, что он виноват в том, что не может обеспечить своей любимой материальную независимость, поэтому вынужден усердно работать.

С такой же целью поэт использует пословицу *Душа просит, да мошна не велит*: *Пожалуйста, не сердись на меня за то, что медлю к тебе явиться. Право, душа просит, да мошна не велит. Я работаю до низложения риз. Держу корректуру двух томов вдруг, пишу примечания, закладываю деревни, –*

Льва Сергеевича выпроваживаю в Грузию... В свете я не бываю (Верес. Т. 3, с. 54); Это письмо свидетельствует о внутреннем стремлении поскорее увидеться с женой, но невозможности этого из-за материального недостатка, несмотря на труд и старания поэта. *Мне тоска без тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо к тебе, ни строчки не написав. Да нельзя, мой ангел, – **взялся за гуж, не говори, что не дюж**; то есть уехал писать, так пиши же роман за романом, поэму за поэмой* (Верес. Т. 3, с. 14). Так Пушкин в очередной раз объясняет своей жене, почему он не может приехать к ней.

4. Для оценки лица. При характеристике Петра Пушкин пишет Н. Н. Пушкиной: *Я все же беспокоюсь, на кого покинул я тебя! На Петра, сонного пьяницу, который **спит не проспится ибо он пьяница и дурак*** (Верес. Т. 2, с. 539). В таком описании чувствуется пренебрежительное и недоверчивое отношение Пушкина к человеку, о котором он так говорит.

5. Для описания своих внутренних чувств и переживаний. В письме-исповеди, адресованном своей жене от 8 июня 1834 года поэт пишет: *Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен был вступать на службу, и что хуже еще, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня, как на холопа, с которым можно им поступать, как им угодно. **Опала легче презрения*** (Верес. Т. 3, с. 46). Благодаря использованию пословицы **Опала легче презрения** Пушкину удалось показать всю боль и невыносимость его душевного состояния в период, когда он не может найти понимания среди окружающих его людей.

6. При описании своего досуга, говоря о своей бездеятельности Пушкин пишет: *Утром дела не делаю, а так, **из пустова в порожнее переливаю**. Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах да орехи грызу. А ни стихов, ни прозы писать и не думаю* (Верес. Т. 3, с. 82).

7. Для оценки события: *Знаю, что **не так страшен черт, як его малюют**; знаю, что холера не опаснее турецкой перестрелки, – да отдаленность – да неизвестность – вот что мучительно* (Верес. Т. 2, с. 484);

*Я не люблю московской жизни. **Здесь живи не как хочешь – как тетки хотят*** (Верес. Т. 2, с. 492).

8. Для описания конкретной ситуации: *Собрались ребята теплые, упрямые: **поп свое, а черт свое*** (Верес. Т. 2, с. 323); пишет Пушкин Дельвигу, когда рассказывает ему о том, что люди, с которыми он спорил по поводу Московского Вестника, его не послушали.

Следует сказать, что некоторые поговорки Пушкиным цитируются точно, но чаще А.С. Пушкин незначительно изменяет высказывания: *из пустова в порожнее переливать* (вместо *перекладывать*); *взялся за гуж, не скажу (не сказал)* (вместо *не говори*), *что не дюж*. Это связано с тем, что нередко пословица связана с определёнными переживаниями поэта: Пушкин, сообщая жене о том, что ему надо справиться с работой, которую он выбрал для себя, говорит: *Взялся за гуж, не говори, что не дюж*. Позже, сталкиваясь с трудностями, говоря

жене, что ни к чему охоты нет, Пушкин как будто подбадривает себя: *Взялся за гуж, не скажу, что не дюж*. Через некоторое время, в очередном письме, адресованном жене, Пушкин говорит ей о том, что задуманное ему удалось, добавляя: *Взялся за гуж, не сказал, что не дюж*.

Значительную трансформацию паремий отмечаем при **контаминации нескольких языковых единиц**. Показательно в этом плане письмо поэта из Болдино от 30 октября 1933 года, когда сообщая жене о том, что отпустил себе бороду Пушкин шутит: *Ус да борода – молодцу похвала; выйду на улицу – дядюшкой зовут* (Верес. Т. 3, с. 2). Фактически, пословичное выражение Пушкина на *ус да борода – молодцу похвала* представляет собой слияние двух пословиц: *Ус в честь, а борода и у козла есть* [3, с. 471]; *Борода в честь, а усы и у кошки есть* [3, с. 55]. По всей видимости, Пушкин ничего не имел против усов и бороды, кроме того, он хорошо осознавал то, что с новыми изменениями во внешности он выглядит старше и это его радует. Поэт хочет развеселить Наталью Николаевну. Вместе с тем подобный тон писем свидетельствует о теплых, доверительных, непринужденных отношениях в семье Пушкиных.

Интересны с этой точки зрения **перефразированные устойчивые выражения**. Например, в одном из писем Плетневу Пушкин пишет: *Душа моя, вот тебе план жизни моей: я женюсь в сем месяце, полгода проживу в Москве, летом приеду к вам. Я не люблю московской жизни. Здесь живи не как хочешь, а как тетки хотят. Теща моя – та же тетка. То ли дело в Петербурге! Заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексеевна* (Верес. Т. 2, с. 492). В этом случае поэт перефразировал пословицу *Не так живи, как хочется, а так, как Бог велит* [3, с. 303], изменив смысл исходной пословицы, но сохранив форму оригинала.

Иногда Пушкин только намекает на пословицу, предоставляя адресату право угадать её. Так, в письме от 22 сентября 1832 г. из Москвы к жене он пишет: *Я же всё беспокоюсь, на кого покинул тебя. На Петра, сонного пьяницу, который спит не проспится ибо он пьяница и дурак* (Верес. Т. 2, с. 539). Речь идёт о пословице «Пьяница проспится, а дурак никогда», которая была известна за сто лет до Пушкина, потому что содержится в сборнике «Пословицы и поговорки конца XVII – начала XVIII века», выдержки из которого опубликованы в книге «Мудрое слово Древней Руси (XI – XVII вв.) Она, кстати, звучала так: *«Пьяница проснитца, к делу пригодитца, а дурак всегда однак»*.

О Евгении Онегине в 1831 г. Пушкин пишет: *С тех пор, как вышел из лица, я не раскрывал латинской книги и совершенно забыл латинский язык. Жизнь коротка, перечитывать некогда* (Верес. Т. 2, с. 529). В этом случае можно проследить связь слов поэта с пословицей: *Жизнь (человека) коротка, да погудка долга* (В.И. Даль⁵, Т. 1, с. 541), поскольку в период написания этого письма у Пушкина было много дел, желаний, стремлений, но из-за недостатка времени, а иногда из-за неумения его правильно организовать, его мечты и планы не были реализованы.

⁵ В.И. Даль – Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля в 4-х томах.
<http://www.hnh.ru/culture/Vladimir-Dal-dictionary>

В письме Плетневу от 22 июля 1831 года, Пушкин оптимистично рассуждает о будущем, шутливо называя себя и друга – старыми хрычами, жен – старыми хрычовками, явно намекая на долгую жизнь и раскрывая смысл пословицы *Старый хрыч, пора тебе спину стричь* (В. И. Даль, Т. 4, с. 567): *Но жизнь все еще богата; мы встретим ещё новых знакомых, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жёны наши – старые хрычовки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята, мальчики станут повесничать, а девчки – сентиментальничать, а нам и любо* (Верес. Т. 2, с. 510).

Встречаются случаи, когда смысл определённой пословицы раскрывает письмо поэта в целом. Таким является письмо жене от 21 октября 1833 г., в котором Пушкин жалуется, что ему всё наскучило, нет ни к чему охоты, говорит, что ему лень что-либо делать, поэтому на него находит хандра. Письмо, по сути, раскрывает смысл пословицы: *От безделья всяк поневоле хандрить станет* (В. И. Даль, Т. 4, с. 542).

В композиционном плане (следуя классификации, выбранной Воробьевым [2, с. 26]), можно отметить симметричные (*Пьяница проспится, а дурак никогда; Не так живи, как хочется, а так, как Бог велит* и др.) и лаконичные (*От добра добра не ищут; Иная опала легче великих милостей; От безделья всяк поневоле хандрить станет* и др.) паремии, что свидетельствует о прекрасной осведомленности поэта в богатствах русского языка.

Следует отметить, что большую часть паремий, которые Пушкин использует в письмах, можно отнести к поэтическим пословицам и поговоркам, то есть таким, в которых заключен скрытый намек, метафора-аллегория, образ, сравнение, антитеза [2, с. 25]. Среди них встречаются как рифмованные, так и нерифмованные паремии. Поэтические пословицы и поговорки нередко выражаются не только смыслом, но и художественной стороной: *Ус в честь, а борода и у козла есть; Борода в честь, а усы и у кошки есть; Взялся за гуж, не говори, что не дюж; Старый хрыч, пора тебе спину стричь* и др. Некоторые из них основаны на синонимии: *Из пустого в порожнее перекаладывать*; антонимии: *Поп свое, а черт свое; Рад бы в рай, да грехи не пускают*; метонимии: *Не так страшен черт, як его малюют; Душа просит, да мошна не велит*.

Таким образом, в эпистолярных текстах поэт широко использует языковой материал с этнокультурной и лигвокультурной спецификой. Паремии, используемые Пушкиным, носят поэтический характер, близки к народной речи и используются дифференцировано. Достаточно разнообразно назначение пословиц и поговорок в письмах Пушкина, поскольку поэт не использует их шаблонно, схематично, каждая пословица у Пушкина органично вписывается в контекст и находится на своём месте. Примечательно, что паремии встречаются в письмах к наиболее близким людям, друзьям и родным поэта, то есть в частных письмах. В деловой переписке Александра Сергеевича (письма к императору, к Бенкендорфу) паремии отсутствуют. Это, без сомнения, убедительно иллюстрирует провозглашенный поэтом принцип «соразмерности и сообразности» использования разговорных средств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вересаев, В.В. Сочинения в четырёх томах. Том 2, 3. «Пушкин в жизни». – М. : Правда. Огонек, 1990.
2. Воробьёв, П.Г. Пословицы и поговорки в художественном творчестве и письмах А. С. Пушкина // Рус. яз. в школе. – 1949. – № 4. – С. 19–29.
3. Жуков, В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – 3-е изд. стереотип. – М.: «Сов. Энциклопедия», 1966. – 535 с.
4. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – Учебн. пособие для студ. высш. учебн. заведений. – М.: Академия, 2001. – 208 с.
5. Пушкин, А.С.: школьный энциклопедический словарь. – М.: Просвещение, 1999. – 776 с.
6. Романов, А. Пословицы и поговорки в письмах и произведениях Пушкина / А.Романов. – Русский язык. –№ 07/2002. – М.: Издательский дом «Первое сентября». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200200706>. – Дата доступа : 30.11.2019
7. Трофимович, Т.Г. Историческая грамматика русского языка: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений по филол. специальностям / Т.Г. Трофимович. – Минск: ТетраСистемс, 2011. – 208 с.

FELIKS CZYŻEWSKI (LUBLIN, POLEN), Prof. , dr hab.,
Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie

ORCID: 0000-0003-0899-1972

BADANIE SŁOWNICTWA NA POGRANICZU POLSKO-BIAŁORUSKO-UKRAIŃSKIM. UWAGI METODOLOGICZNE

Adnotacja

Zagadnienia metodologiczne w badaniach leksyki na pograniczach słowiańskich stanowią wyzwanie dla językoznawców-dialektologów. Pokazują to dialektolodzy białoruscy i ukraińscy opisujący gwary okolic Brzeźcia i Pińska. Pozostawiając te kwestie odrębnym rozważaniom zwracamy uwagę w niniejszym tekście na postulaty badacze warszawskich językoznawców przedstawione w książce Pogranicze polsko-wschodniosłowiańskie. Studia wyrazowe (2018) autorstwa Doroty K. Rembiszewskiej i Janusza Siatkowskiego⁶ (dalej: Rembiszewska, Siatkowski 2018).

Słowa kluczowe: *dialektologia: metodologia badań, pogranicze etniczne i językowe, gwary białoruskie i gwary ukraińskie*

Publikacja jest zbiorem studiów dotyczących wybranych leksemów charakterystycznych dla pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego. Są to swoiste mini monografie poświęcone słownictwu pogranicza językowego wyznaczonego

⁶ Dorota Krystyna Rembiszewska, Janusz Siatkowski, *Pogranicze polsko-wschodniosłowiańskie. Studia wyrazowe*, Warszawa 2018, ss. 200.

układem linii horyzontalnych i wertykalnych dzielących obszar znajdujący się po obu stronach państwowej granicy Polski i Białorusi, Polski i Ukrainy. Tak określony obszar dzieli się na trzy odpowiednio mniejsze obszary etniczne. Obszary te stanowiły w przeszłości siedziby dawnych grup plemiennych należących do Słowian zachodnich i Słowian wschodnich. Określone grupy plemienne pierwotnie pozostawały względem siebie w izolacji, a ewolucyjnie zmieniający się język owych wspólnot daje dziś podstawę do wyodrębnienia określonych cech językowych właściwych jednemu spośród dwóch sąsiadujących dialektów. W kolejnych stuleciach na skutek rozszerzających się zasięgów określonych ugrupowań ludnościowych dochodziło często – z przyczyn pozajęzykowych – do przekształcenia pierwotnego układu sąsiedztwa w układ współlistnienia ludności o różnym etnosie. Obecnie z punktu widzenia synchronicznego niełatwo jest rozstrzygać o pierwotnej przynależności etnicznej grupy ludnościowej zamieszkującej pogranicze językowe (pokazuje to dyskusja dialektologów wokół językowej przynależności gwar brzesko-pińskich czy gwar usytuowanych między Narwią na północy a Bugiem na południu okolic Bielska Podlaskiego i Siemiatycz). Jeszcze bardziej złożona staje się ta problematyka, gdy przedmiotem opisu jest leksyka (która, jak wiadomo, pozostaje poza system językowym). Z tego też chociażby względu słownictwo znajdujące się na obszarach pogranicza etnicznego zasługuje na wnikliwą analizę, a jeśli takie badania prowadzą tak wybitni i doświadczeni znawcy gwar słowiańskich, jak Dorota Rembiszewska i Janusz Siatkowski, tym większą wartość poznawczą mogą mieć wyniki ich prac analitycznych.

Przedmiotem analizy językoznawczej prowadzonej przez Autorów omawianej pracy są takie leksemy, jak: *berdo, bodiak, bołtać, brechać, całuszka, chabor, chapun*, a także *człowieczek, hołoble, duha, hreczka i racuchy, koleśnik, korowaj, koromysło* i inne. Zgromadzony materiał będący przedmiotem opisu zamieszczony został także w *Indeksie* (Rembiszewska, Siatkowski 2018, s. 310 – 357).

Monografia jest zbiorem prac zarówno złożonych po raz pierwszy do druku, jak i tekstów już publikowanych w różnych czasopismach bądź monografiach. Zarówno ten pierwszy, jak i drugi zbiór stanowi wartość dokumentacyjną i interpretacyjną. Włączenie przez Autorów do omawianej monografii części już wcześniej publikowanych tekstów ma swoje uzasadnienie merytoryczne. Przyjęta w pierwotnie ogłoszonym tekście (wraz z przytoczoną dokładną bibliografią) hipoteza „czy mamy do czynienia z wpływem wschodniosłowiańskim, czy z zachowanym rodzimym reliktem” (Rembiszewska, Siatkowski 2018, s.10), została wcześniej w części artykułów uprawdopodobniona na podstawie określonych dostępnych w owym czasie danych źródłowych oraz istniejącej literatury przedmiotu.

Za słuszną i logiczną uznają taką postawę badawczą Autorów, którzy po pewnym czasie, dysponując nowymi źródłami podejmują się weryfikacji wcześniej ustalonych wniosków. Czytamy we Wstępie bowiem „W miarę pojawiania się różnych opracowań, odnajdowania nowych poświadczeń, nasze opracowania uzupełnialiśmy i zmienialiśmy” (Rembiszewska, Siatkowski 2018, s.9).

Zgromadzone w książce *Pogranicze polsko-wschodniosłowiańskie. Studia wyrazowe* teksty dotyczące poszczególnych leksemów mają dać – w świetle dotychczasowych źródeł i literatury przedmiotu – odpowiedź na pytanie: czy mamy

do czynienia z wpływem wschodniosłowiańskim, czy z zachowanym rodzimym reliktem” (Tamże). Z drugiej strony Autorzy zdają sobie sprawę, że na tak jednoznacznie postawione pytanie, nie do wszystkich analizowanych tutaj leksemów taką odpowiedź można dać. Książka przedstawia „około 30 wyrazów wraz z licznymi od nich derywatami znajdującymi się w zasobie polszczyzny regionalnej na wschodzie kraju[...]” (Rembiszewska, Siatkowski 2018, s. 30).

Wartość omawianej publikacji postrzegam w jej metodologii wyrażającej się w stosowaniu odmiennego instrumentarium przy badaniu gwar znajdujących się w centrum etnicznym oraz przy opisie gwar peryferyjnych. Już Kazimierz Nitsch wskazywał na częstą odmienność przebiegu granic administracyjnych, państwowych w stosunku do granic etnicznych. Świadomości tej nie towarzyszyła jednak praktyka dialektologiczna wynikająca nierzadko z określonej postawy pozanaukowej.

W odniesieniu do obszarów usytuowanych na pograniczach etnicznych oddzielonych granicą państwową zazwyczaj opisywano tylko gwary należące do języka ogólnonarodowego danego państwa. Wychodząc z takich przesłanek, nie opisywano więc dwóch gwar przynależnych dwóm różnym etnosom, np. na wschodzie Lubelszczyzny nie skupiano takiej samej uwagi na gwarach polskich i ukraińskich, lecz koncentrowano się wyłącznie na opisie gwar polskich, zaś opis gwar ukraińskich zastępowano eufemistycznym określeniem „wpływy ukraińskie”. Autorzy recenzowanego zbioru dostrzegają, że dotychczasowy opis dialektologiczny prowadzony przy tak jednostronnym założeniu metodologicznym jest nieobiektywny. Stąd uznają konieczność opisu dialektologicznego z uwzględnieniem materiałów bilingwialnych.

Wartość recenzowanego tomu zasadza się na przyjęciu tezy o istnieniu na obszarach pogranicznych gwar dwujęzycznych i na konsekwentnym stosowaniu tej zasady przy opisie poszczególnych leksemów, także tych, które już doczekały się opisu językoznawczego, np. hasło *racuchy* (Rembiszewska, Siatkowski 2018, s. 97). Autorzy, wychodząc od stanu opisu w *Ogólnosłowiańskim atlasie językowym (OLA)*, stwierdzają, że nie da się utrzymać pewnych dotychczasowych interpretacji określonych leksemów, m.in. ze względu na „pominięcie [a może przyjęte a priori założenie? – przyp. F.Cz.] występujących tu [w OLA] punktów dwujęzycznych. Dotyczy to także wschodniego pogranicza Polski z gwarami białoruskimi i ukraińskimi” (Rembiszewska, Siatkowski 2018, s. 5). Tak przedstawione założenie metodologiczne dla opisu leksyki występującej na pograniczach słowiańskich uważam za podstawę obiektywnego opisu językowego. Opisu, którego, poza nielicznymi wyjątkami, brakowało w dialektologii słowiańskiej.

Słusznie Autorzy recenzowanego zbioru wskazują na stosowane dotychczas nieobiektywne sposoby opisu zjawisk leksykalnych. Przywołajmy nieco dłuższy cytat, by odsłonić „stosowany mechanizm opisu zjawisk na pograniczach językowych”.

Krytycznie oceniają takie postawy badawcze, jakie stosowano w *Ogólnosłowiańskim atlasie językowym (OLA)* „Szczególnie dziwne rozstrzygnięcie zastosowano w X tomie leksykalnym [OLA] [...] Zwyczaje ludowe: z Choroszczyńki [powiat Biała Podlaska] najpierw podano niemal wyłącznie polskie, a potem niemal

wyłącznie ukraińskie. W komentarzach określone są one często jako zapożyczone z białoruskiego, ukraińskiego lub z języków wschodniosłowiańskich. Należy to uznać za bezzasadne. W Choroszczyńce są to formy miejscowe, ukraińskie, historycznie rzecz biorąc, na tym terenie najpewniej pierwotne, wtórnie zastąpione przez zapożyczone formy polskie, a może współwystępujące od dawna” (Rembiszewska, Siatkowski 2018, s. 13). Wiadomo, że chłopska wieś ukraińska jest raczej stara, natomiast polski folwark został zasiedlony przez drobną szlachtę z pobliskiej Tuczej dopiero na początku XX wieku (por. Dłuzińska 1991).

W związku z przywołaną tutaj krytyczną opinią dotyczącą dotychczasowych sposobów opisu leksyki na pograniczach Autorzy zgłaszają, słuszny i konieczny moim zdaniem, postulat, mianowicie: „W tej sytuacji [opisanej wyżej – przyp. F. Cz.] uważamy, że należy opublikować możliwie szybko pełne zestawienie mapowanych materiałów dla wszystkich tomów OLA. Jest jeszcze nawet możliwość, by w niektórych tomach wprowadzić paralelne materiały z Choroszczyńki” (Rembiszewska, Siatkowski 2018, s. 13).

Omawiana książka zawiera pełną dokumentację dwujęzycznego materiału leksykalnego na ponad 2600 pytań kwestionariusza OLA ((Rembiszewska, Siatkowski 2018, s. 23–50), por. np. ‘bławat’ – pol. *chaber* : ukr. *wasilok* (s. 31), ‘żona syna’ – pol. *synowa* : ukr. *newistka* (Rembiszewska, Siatkowski 2018, s. 43).

Praca, ze względu na takie założenie, stanowi *novum* metodologiczne w opisie leksyki pogranicza. Poglądu tego nie zmienia fakt, że część artykułów była już publikowana, ponieważ wszystkie tutaj omówione leksemy są opisywane z perspektywy dwujęzycznego oglądu ich funkcjonowania, a więc te wcześniej opublikowane podlegają także metodologicznej „rewizji naukowej”.

Źródła. Analiza poszczególnych leksemów typowych dla pogranicza polsko-białorusko-ukraińskiego, takich, jak: *berdo* ‘płoch, część warsztatu tkackiego do przybijania wątku’ (Rembiszewska, Siatkowski 2018, s. 60–64 i dalej z tejże pracy), *bodziak* ‘oset, *Carduus L.*, też *Cirsium* (s. 65–69), *bołtać* ‘mącić, mieszać’ (s. 70–75), *brechać* ‘o psie: brzechać, szczebrać’ (s. 76–83), *cehuszka* ‘kromka chleba odkrojona z początku lub z końca bochenka’ (s. 87–88), *hołoble* ‘dyszelki w jednokonnym zaprzęgu’ (s. 107–117), *hreczka* ‘gryka’ (s. 123–125), *racuchy* ‘placki z ciasta drożdżowego lub tartych kartofli’ (s. 127–130)... prowadzona jest w kierunku odpowiedzi na pytanie, które z wyrazów można uznać za relikty, które zaś za zapożyczenia. Analiza prowadzona jest na bogatym materiale dialektologicznym. Uwzględnia się tutaj zarówno słowniki, atlasy ogólne i regionalne opublikowane po II wojnie światowej, jak i materiały etnograficzne. Baza materiałowa jest imponująca, tak w zakresie danych z dialektologii polskiej, jak i białoruskiej oraz ukraińskiej, a także szerzej dialektologii słowiańskiej (innych języków niż podane wyżej). Prowadzone nad poszczególnymi leksemami badania oparte są na wszechstronnie ujętej dokumentacji źródłowej, wraz z jej krytyczną oceną (por. np. uwagi dotyczące dokumentacji gwary wsi Choroszczyńka na Podlasiu i sposobu jej wykorzystania w OLA).

Zastosowana przez Autorów metoda geografii językowej, z wyodrębnieniem centrum i peryferii, jest konsekwentnie stosowana. Zasięgi poszczególnych

leksemów ukazywane są na szerokim tle słowiańskim (z uwzględnieniem także kontaktów pozasłowiańskich).

Zasięgi (zarówno zwarte, jak enklawy) występowania omawianych leksemów mają ważną wartość dowodową w uzasadnieniu przyjętej na wstępie pracy tezy o wschodniosłowiańskim pochodzeniu wyrazów. Metoda ta stosowana jest konsekwentnie w całej recenzowanej pracy.

Równolegle Autorzy posługują się metodą gramatyki porównawczej, uwzględniając i przywołując bogaty materiał ze słowiańskich słowników etymologicznych i zajmując określone stanowisko interpretacyjne.

Zaletą monografii jest ostrożność w formułowaniu ostatecznych wniosków, por. uwagi podane przy interpretacji leksemu *wyszki*: „*Wyszki* [...] ‘zrobiony z drągów lub desek strych w stodole lub nad chlewem do przechowywania siana lub słomy’ występują w dialektach białoruskich, ukraińskich i polskich. Obecny zasięg ze zwartymi kompleksami tylko we wschodniej Polsce wydaje się wskazywać na pożyczkę białoruską i ukraińską w dialektach polskich, jednakże sporadyczne poświadczenie tej nazwy i jej derywatów dalej na zachód aż po Wielkopolskę, przemawiają za tym, że są to relikty dawnej szerszego jej zasięgu w dialektach polskich. Najpewniej mamy tu do czynienia z dawnym nawiązaniem, ze wspólną innowacją białorusko-ukraińsko-polsko-słowacką, która później została wyparta przez nowsze konstrukcje, mające często nazwy pochodzenia niemieckiego” (Rembiszewska, Siatkowski, 2019, s. 232).

Omawiane studium leksykalne ma wartość naukową, poznawczą. Jest to nowa propozycja metodologiczna opisu słownictwa na pograniczach językowych i etnicznych. Praca Doroty K. Rembiszewskiej i Janusza Siatkowskiego pt. *Pogranicze polsko-wschodniosłowiańskie. Studia wyrazowe* może służyć – szczególnie dla lingwistów młodszego pokolenia – jako swoiste *vademecum* wiedzy z językoznawstwa diachronicznego. Książka zainteresuje zarówno językoznawców, szczególnie dialektologów i historyków języka, jak i regionalistów, a także badaczy kultury ludowej pogranicza polsko-białorusko-ukraińskiego.

Monografię autorstwa Doroty K. Rembiszewskiej i Janusza Siatkowskiego, *Pogranicze polsko-wschodniosłowiańskie. Studia wyrazowe* oceniam jako pracę ważną w dialektologii słowiańskiej. O ile wcześniej badania nad gwarami obejmowały głównie centra języków ogólnonarodowych, to już od lat 70. XX w. dialektolodzy koncentrują się wyraźnie na problemach metodologicznych dotyczących opisu gwar usytuowanych na pograniczach etnicznych (por. Dejna, 1997, przedruk w: Dejna 2009). Badanie gwar znajdujących się na pograniczach słowiańskich wymaga zastosowania metod językoznawstwa diachronicznego i wiedzy historycznej (por. Walczak, 2010). Dialektolog badający gwary peryferyjne musi – jak pisał Karol Dejna w artykule *Z metodologii badań gwar peryferyjnych i wyspowych* – „opierać się na konkretnych zjawiskach językowych, a nie na poczuciu przynależności narodowościowej, kulturalnej, państwowej itp. ludzi mówiących danym narzeczem (Dejna 2009, s.493).

Wnioski. Przedstawione w artykule propozycje metodologiczne opisu gwar znajdujących się na pograniczach etnicznych i językowych wynikają z doświadczeń

dialektologów pracujących nad *Ogólnosłowiańskim atlasem językowym* (OLA). Sformułowane przez Dorotę Rembiszewską i Janusza Siatkowskiego wnioski zawarte w książce *Pogranicze polsko-wschodniosłowiańskie. Studia wyrazowe* są następujące: 1. Granice etniczne, kulturowe i językowe układają się inaczej niż granice administracyjne i państwowe; 2. Badanie gwar znajdujących się w obrębie centrum etnicznego i badanie gwar położonych na peryferiach etnicznych należy prowadzić wedle odmiennej metodologii; 3. Gwary występujące na pograniczach etnicznych przynależą często do dwóch języków ogólnych, np. na wschodzie Polski (w jej części wschodniej, tj. na Białostocczyźnie) do języków polskiego i białoruskiego, zaś w części południowo-wschodniej (południowe Podlasie i Chełmszczyzna) – polskiego i ukraińskiego (por. , por. Kuraszkiewicz 1989, Czyżewski 1986, Czyżewski, 1993, Kość 1999); 4. Badania gwar przynależnych do dwóch języków należy opisywać równolegle także i wtedy, gdy jedna z nich znajduje się poza granicą państwową. Oznacza to, że po stronie polskiej trzeba opisywać gwary polskie i gwary białoruskie oraz ukraińskie (por. AGWB 1980– 2009), podobnie jak na obszarze Białorusi gwary białoruskie i polskie (por. Werenicz 2009); 5. Postulat badania gwar dwujęzycznych w skali ogólnosłowiańskiej pozwoli – jak uważają dialektolodzy – odpowiedzieć na pytanie: które zjawiska językowe są rezultatem interferencji, które zaś są archaizmami.

Literatura

Skróty

AGWB, 1980– 2009, t. 1–10, *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny*:

AGWB, 1980, t. 1, *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny*, red. S. Glinka, A. Obrębska-Jabłońska, J. Siatkowski, oprac. przez Zespół Instytutu Słowianoznawstwa PAN: S. Glinka (kierownik Zespołu), B. Janiak, M. Kondratiuk, C. Oszer-Podgórska, J. Wiśniewski, Ossolineum, Wrocław.

AGWB, 1989, t. 2, *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny*, red. S. Glinka, oprac. przez Zespół Instytutu Słowianoznawstwa PAN: S. Glinka (kierownik Zespołu), M. Czurak, B. Janiak, M. Kondratiuk, C. Oszer-Podgórska, Ossolineum, Wrocław.

AGWB, 1993, t. 3, *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny*, red. S. Glinka, oprac. przez Zespół Instytutu Słowianoznawstwa PAN: S. Glinka, M. Czurak, B. Janiak, M. Kondratiuk, C. Oszer-Podgórska, Ossolineum, Wrocław.

AGWB, 2012, *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny*, t. 4. *Słowotwórstwo*, red. I. Maryniakowa, oprac. przez Zespół Instytutu Słowianoznawstwa PAN: w składzie: M. Czurak, E. Golachowska, I. Maryniakowa (kierownik Zespołu), K. Pastusiak, D. K. Rembiszewska, Ossolineum, Wrocław.

AGWB, 1995, *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny*, t. 5. *Leksyka 1*, red. I. Maryniakowa, oprac. przez Zespół Instytutu Słowianoznawstwa PAN: w składzie: P. Cetra, M. Czurak, K. Karabowicz, I. Maryniakowa (kierownik Zespołu), D. Roszko, Ossolineum, Wrocław.

AGWB, 1996, *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny*, t. 6. *Leksyka 2*, red. I. Maryniakowa, oprac. przez Zespół Instytutu Słowianoznawstwa PAN: w składzie: P. Cetra, M. Czurak, K. Karabowicz, I. Maryniakowa (kierownik Zespołu), D. Roszko, Ossolineum, Wrocław.

AGWB, 1999, *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny*, t. 7. *Leksyka 3*, red. I. Maryniakowa, oprac. przez Zespół Instytutu Słowianoznawstwa PAN: w składzie: P. Cetra, M. Czurak, E. Golachowska, I. Maryniakowa (kierownik Zespołu), K. Pastusiak, D. Roszko, Ossolineum, Wrocław.

AGWB, 2002, *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostocczyzny*, t. 8. *Leksyka 4.*, red. I. Maryniakowa, oprac. przez Zespół Instytutu Słowianoznawstwa PAN: w składzie: M. Czurak, E. Golachowska, I. Maryniakowa (kierownik Zespołu), K. Pastusiak, Ossolineum, Wrocław.

AGWB, 2007, *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny*, t. 9, *Leksyka 5.*, red. I. Maryniakowa, oprac. przez Zespół Instytutu Slawistyki PAN: w składzie: M. Czurak, E. Golachowska, I. Maryniakowa (kierownik Zespołu), K. Pastusiak, D.K. Rembiszewska, Ossolineum, Wrocław.

AGWB, 2009, *Atlas gwar wschodniosłowiańskich Białostoczczyzny*, t. 10, *Leksyka 4.*, red. I. Maryniakowa, oprac. przez Zespół Instytutu Slawistyki PAN: w składzie: M. Czurak, I. Maryniakowa (kierownik Zespołu), K. Pastusiak, D. K. Rembiszewska, Ossolineum, Wrocław.

OLA1 (1988), *Общеславянский лингвистический атлас, Серия лексико-словообразовательная*, т. 1, *Животный мир*, ред. В. И. Аванесов, В. В. Иванов, Москва.

OLA2(2000), *Общеславянский лингвистический атлас, Серия лексико-словообразовательная*, т. 2, *Животноводство. Ogólnosłowiański atlas językowy. Seria leksykalno-słowotwórcza*, t. 2, *Hodowla zwierząt*, red. B. Falińska, J. Siatkowski, A. Kowalska, Instytut Języka Polskiego PAN, Warszawa.

OLA3(2000), *Общеславянский лингвистический атлас, Серия лексико-словообразовательная*, т. 3, *Растительный мир*, ред. А. А. Падлужны, А. Крывицки, Минск.

OLA 4 (2012), *Общеславянский лингвистический атлас, Серия лексико-словообразовательная*, т. 4, *Сельское хозяйство. Slovansky jazykovy atlas, Lexikálno-slovotvorná sérija*, zv. 4, *Polnohospodarstvo*, red. A. Ferenciková, M. Chochol, H. Jenč, L' Králik, J. Siatkowski, Ž.Ž. Varbo, P. Žigo, Bratislava.

OLA 8 (2003), *Общеславянский лингвистический атлас, Серия лексико-словообразовательная*, т. 8, *Профессии и общественная жизнь. Ogólnosłowiański atlas językowy. Seria leksykalno-słowotwórcza*, t. 8, *Zawody i życie społeczne*, red. J. Basara, J. Siatkowski, A. Basara, Instytut Języka Polskiego PAN, Warszawa.

OLA 9 (2009), *Общеславянский лингвистический атлас, Серия лексико-словообразовательная*, т. 9, *Человек. Ogólnosłowiański atlas językowy, Seria leksykalno-słowotwórcza*, t. 9, *Człowiek*, red. J. Siatkowski, J. Waniakowa, Wydawnictwo Naukowe PWN, Kraków.

CYTOWANA LITERATURA

1. Czyżewski F., 1986, *Atlas gwar polskich i ukraińskich okolic Włodawy*, Lublin.
2. Czyżewski F., 1993, *Peryferia językowe a gwary przejściowe (na przykładzie ukraińskich gwar Pobuża przedstawionych w AUM)*, [w:] *Gwary mieszane i przejściowe na terenach słowiańskich*, pod red. S. Warchoła, *Rozprawy Slawistyczne [UMCS] 6*: Lublin 1993, s. 37–54.
3. Dejna K., 1979, *Z metodologii badań gwar peryferyjnych i wyspowych*, „Rozprawy Komisji Językowej ŁTN”, 25, s. 35–40, [przedruku w:] K. Dejna, 2009, *Wybór pism polonistycznych i slawistycznych*, red. S. Gala, Łódź, s. 493–498.
4. Dłużyńska M., 1991, *Język a świadomość odrębności grupowej na przykładzie wybranych wsi drobnoszlacheckich i chłopskich okolic Kodnia*. „Język a Kultura” t.1, 1991.
5. Kość J., 1999, *Polszczyzna południowokresowa na polsko-ukraińskim pograniczu językowym*, Lublin.
6. Kuraszkiewicz W., 1989, *Uwagi o gwarze polskiej na Podlasiu 50 lat temu*, „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Slawistyka”, nr 6, Gdańsk, s. 171–176.
7. Rembiszewska D. K., Siatkowski J., 2018, *Pogranicze polsko-wschodniosłowiańskie. Studia wyrazowe*, Warszawa.
8. Walczak B., 2010, *Języki na pograniczu Wschód–Zachód w Rzeczypospolitej Obojga Narodów*, [w:] *Językowe i kulturowe dziedzictwo Wielkiego Księstwa Litewskiego. Księga jubileuszowa na 1000-lecie Litwy*, red. J. Mędelska, Z. Sawaniewska-Mochowa, Bydgoszcz, s. 109–115.
9. Werenicz W., 2009, *Paleski archiw. Linhwistycznija, etnahraficznija i histarycznaja materyjały*, Minsk.

РАЗДЕЛ VI. ТВОРЧЕСТВО А.С.ПУШКИНА: ФИЛОСОФСКИЙ И КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ГРЕКОВ (МОСКВА, РОССИЯ),
д.ф.н., профессор Московского православного
Института св. Иоанна Богослова

УДК 82-1/-9

ДИАЛОГ С СУДЬБОЙ И АРХЕТИП ЗОЛОТОГО ВЕКА В ФИЛОСОФСКОЙ ПРОЗЕ И.В. КИРЕЕВСКОГО

Аннотация

Культура постоянно требует и столь же постоянно рождает мифы. Сознание философа, художника, публициста неизменно пытается разобраться в природе мифа, выявить его архетип. Поэтому, несмотря на то, что миф о золотом веке находился на периферии творческого сознания Ивана Киреевского, нам важно понять способы и приемы представления мифологемы в его творчестве.

Ключевые слова: культура, архетип, творчество, мифологемы, И. В. Киреевский, А.С.Пушкин, Н.С.Гумилёв, Е.А.Баратынский, В.А.Жуковский, Л. Н.Толстой.

В новеллах о золотом веке перед нами одновременно выбор судьбы и диалог с судьбой. Герой постоянно совершает выбор, решает, как ему поступить в сложной (а часто кризисной, почти катастрофической ситуации). Судьба же может оказаться абстрактной, но навязчивой мечтой о родине предков (повесть «Остров») или явиться в образе колдуна – дервиша, повелителя надзвездного мира, способного сорвать звезду человека с орбиты, изменить его предназначение и его роль, а тем самым и судьбу («Опал»). А может показаться очаровательной, влюбленной Музыкой Солнца, которая обманом заберет у героя опаловый перстень, камень, заключающий его судьбу. Так что же, мечта, потусторонний мир, золотой век – все обман? Именно так ощущает прозревший и побежденный Нурредин, герой «Опала». И все же, несмотря ни на что, он не проклинает мечту, Герой забывается в мечте, он не отказывается от действительности, но как бы вступает в диалог с другим миром, пытается познать его. Увы, нельзя постоянно жить в двух мирах, это не под силу человеку.

Мечта о золотом веке – не только мечта об исчезнувшем счастье, это еще и мечта о возвращении традиционного, испытанного образа жизни, патриархальных отношений. Причем у каждого народа – свой миф, свой эталон, свой идеал, к которому следует вернуться. Для древних греков и римлян золотой век – время познания, когда люди изучали науки, овладевали ремеслами, причем руководили их занятиями непосредственно боги. Но в то же время, именно с золотым веком римляне связывали обычай сатурналий, празднеств карнавальных, предполагавших освобождение от привычных правил, допускавших откровенность поведения. Карнавальное переряжение требовало изменения отношений между участниками карнавала. И эти отношения выстраивались по собственным